

ЧЕЛОВЕК
В КОРИЧНЕВОМ
КОСТЮМЕ

КРИСТАЛ

ALANTA

Annotation

В шумном лондонском метро человек упал под колеса поезда. Банальный несчастный случай? Возможно...

В старинном английском замке убита при загадочных обстоятельствах обычная туристка. Нелепость, абсурд? Может быть...

Возможно ли, что две столь разные смерти как-то связаны между собой? Что речь идет о циничном, расчетливом до гениальности преступлении, уходящем корнями в преступление иное — совершенное много лет назад?

Это — тайна, которую предстоит разгадать. Тайна, единственный ключ к которой — неизвестный ЧЕЛОВЕК В КОРИЧНЕВОМ КОСТЮМЕ...

- [Агата Кристи](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Глава XVI](#)
 - [Глава XVII](#)
 - [Глава XVIII](#)
 - [Глава XIX](#)
 - [Глава XX](#)
 - [Глава XXI](#)
 - [Глава XXII](#)

- [Глава XXIII](#)
 - [Глава XXIV](#)
 - [Глава XXV](#)
 - [Глава XXVI](#)
 - [Глава XXVII](#)
 - [Глава XXVIII](#)
 - [Глава XXIX](#)
 - [Глава XXX](#)
 - [Глава XXXI](#)
 - [Глава XXXII](#)
 - [Глава XXXIII](#)
 - [Глава XXXIV](#)
 - [Глава XXXV](#)
 - [Глава XXXVI](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
-

Агата Кристи

ЧЕЛОВЕК В КОРИЧНЕВОМ КОСТЮМЕ

Пролог

Надина, русская танцовщица, покоровшая Париж, вновь и вновь выходила на поклонны. Ее узкие черные глаза сужались еще больше, длинная линия ярко-красного рта слегка изгибалась кверху. Восхищенные зрители еще продолжали шумно выражать свою признательность, когда с шуршанием упал занавес, скрыв причудливые декорации, в которых преобладали красный и синий цвета. Танцовщица в своем развевающемся голубом с оранжевым одеянии покинула сцену. За кулисами ее восторженно принял в объятия бородатый господин — директор театра.

— Великолепно, малышка, великолепно! — вскричал он. — Сегодня ты превзошла себя. — Он галантно расцеловал ее в обе щеки.

Мадам Надина не обратила внимания на уже привычную для нее похвалу и прошла в свою туалетную комнату, где повсюду были небрежно расставлены многочисленные букеты, на плечиках висела одежда в футуристических узорах, а воздух был горяч и сладок от запаха множества цветов и других тонких ароматов. Костюмерша Жанна прислуживала своей хозяйке, болтая без умолку и изливая поток неискренних комплиментов.

Стук в дверь прервал ее излияния. Жанна пошла открывать и вернулась с визитной карточкой.

— Мадам примет?

— Дай-ка взглянуть.

Танцовщица устало протянула руку, однако при виде имени на карточке — граф Сергей Павлович — огонек любопытства зажегся в ее глазах.

— Я приму его. Подай мне палевый пеньюар, и побыстрее. А когда граф войдет, уйдешь.

— Хорошо, мадам.

Жанна принесла изысканный пеньюар из шифона, отделанный горностаем. Надина надела его и села, улыбаясь своим мыслям, выбивая пальцами длинной белой руки медленную дробь по стеклу туалетного столика.

Граф не заставил себя ждать. Это был человек среднего роста, стройный, изящный, очень бледный и чрезвычайно утомленный. В его лице не было ничего примечательного, и раз увидев, его трудно было узнать вновь, если бы не его манеры. С преувеличенной учтивостью он наклонился к руке танцовщицы.

— Мадам, я счастлив вас видеть.

Это было все, что услышала Жанна, закрывая за собой дверь. После того как Надина осталась с гостем наедине, ее улыбка неуволимо изменилась.

— Хотя мы и соотечественники, я думаю, мы не станем говорить по-русски, — заметила она.

— Поскольку ни один из нас не знает ни слова по-русски, это, вероятно, будет разумно, — согласился гость.

Они перешли на английский, и теперь, когда граф перестал манерничать, никто не усомнился бы в том, что это его родной язык. Действительно, когда-то он начинал как артист-трансформатор в лондонском мюзик-холле.

— Сегодня вы имели большой успех, — сказал он. — Поздравляю.

— Тем не менее, — заметила Надина, — я расстроена. Мое положение сейчас не такое, как раньше. Подозрения, возникшие на мой счет во время войны, так и не рассеялись. За мной постоянно следят.

— Но ведь обвинение в шпионаже против вас никогда не выдвигалось?

— Нет. Наш шеф составляет свои планы крайне осторожно.

— Да здравствует «полковник»! — произнес граф, улыбаясь. — Кстати, поразительная новость — он собирается в отставку. Уйти от дел! Как какой-нибудь доктор, мясник или водопроводчик...

— Или любой другой деловой человек, — закончила Надина. — Это не должно удивлять нас. Ведь «полковник» всегда был настоящим человеком дела. Он организовывал преступление так обстоятельно, как другой — производство ботинок. Оставаясь в тени, он задумал и отрежиссировал серию в высшей степени удачных дел во всех областях, которые только может охватить его специальность. Похищения драгоценностей, подлог, шпионаж (очень выгодный в военное время), диверсии, убийства — едва ли найдется нечто, чем бы он не занимался. Мудрейший из мудрых, он знает, когда остановиться. Игра становится опасной? он изящно выходит из нее — с огромным состоянием!

— Гм! — произнес граф задумчиво. — Но это весьма огорчительно для всех нас. Ведь мы остаемся без дела.

— Однако с нами сполна расплачиваются — и самым щедрым образом!

Едва уловимая насмешка в ее тоне заставила графа пристально посмотреть на нее. Она улыбалась своим мыслям, и особенность ее улыбки вызвала его любопытство. Тем не менее он дипломатично продолжал:

— Да, «полковник» всегда был щедрым хозяином. Залог успеха,

пожалуй, в этом, а также в умении заранее найти подходящего козла отпущения. Великий ум, несомненно великий ум! И приверженец принципа «если хочешь сделать что-нибудь с гарантией безопасности, не делай этого самостоятельно!» На это есть мы, каждый из нас увяз по уши и полностью в его власти, но ни один не располагает ничем компрометирующим его.

Он сделал паузу, как будто ожидая, что она что-нибудь возразит, но она молчала, продолжая улыбаться своим мыслям.

— Ни один из нас, — повторил он задумчиво. — И все же, знаете, старик суеверен. Много лет назад, насколько мне известно, он пошел к одной из предсказательниц судьбы. Она напороочила ему жизнь, полную успеха, но заявила, что он будет разорен женщиной.

На сей раз его слова заинтересовали ее. Она нетерпеливо посмотрела на графа.

— Странно, очень странно! Женщиной, вы говорите?

Он улыбнулся и пожал плечами.

— Конечно, когда он уйдет в отставку, он женится. На какой-нибудь юной красавице из высшего света, которая растратит его миллионы быстрее, чем он их приобрел.

Надина покачала головой.

— Нет, нет, дело не в этом. Послушайте, друг мой, завтра я еду в Лондон.

— А ваш контракт здесь?

— Меня не будет только одну ночь. И я еду инкогнито, как член королевской семьи. Никто никогда не узнает, что я покидала Францию. И зачем, думаете вы, я уезжаю?

— Вряд ли ради удовольствия. Особенно в это время года. Январь отвратительный месяц. Месяц туманов! Должно быть, вы едете ради выгоды, а?

— Совершенно верно. — Она поднялась и встала перед ним, каждая линия ее тела была преисполнена гордости и высокомерия. — Вы только что сказали, что ни один из нас не располагает ничем компрометирующим шефа. Ошибаетесь. Я располагаю. Я, женщина, проявила сообразительность и храбрость — да, ибо, чтобы перехитрить его, нужна храбрость. Вы помните дело с алмазами «Де Бирс»?

— Да. В Кимберли, перед самой войной? Правда, я не имел к этому никакого отношения и никогда не слышал о деталях. Дело было замято по какой-то причине, не так ли? А улов был прекрасный.

— Камни на сумму сто тысяч фунтов стерлингов. Мы сделали это

вдвоем, разумеется, по указаниям «полковника». И именно тогда у меня появился свой шанс. План состоял в том, чтобы подменить несколько алмазов, привезенных из Южной Америки двумя молодыми старателями, которые случайно оказались в это время в Кимберли. Подозрение тогда должно было пасть на них.

— Очень умно, — вставил граф одобрительно.

— «Полковник» всегда действует умна. Я выполнила свою роль..., однако сделала еще то, что «полковник» не предусмотрел. Я сохранила несколько южноамериканских камней — один или два из них уникальны, и легко можно доказать, что они никогда не проходили через руки «Де Бирс». Поскольку эти алмазы у меня, мой уважаемый шеф полностью в моей власти. Как только два молодых человека будут оправданы, подозрение падет на него. Все эти годы я молчала, мне было достаточно знать, что у меня в запасе есть это оружие. Но сейчас положение изменилось. Я хочу получить свою цену — и это будет большая, можно сказать, потрясающая цена.

— Удивительно, — сказал граф. — И вы, конечно, всюду возите эти алмазы с собой?

Он осторожно пробежал глазами по неприбранной комнате.

Надина тихо рассмеялась.

— Зачем же делать подобные предположения? Я не дура. Алмазы находятся в безопасном месте, где никому не придет в голову искать их.

— Я никогда не считал вас дурой, моя дорогая, однако осмелюсь заметить, что ваша храбрость граничит с безрассудством. «Полковник», знаете, не тот человек, который может легко позволить себя шантажировать.

— Я не боюсь его, — рассмеялась она. — Только одного человека я когда-то боялась, но он — мертв.

Граф посмотрел на нее с любопытством.

— Тогда будем надеяться, что он не воскреснет, — заметил он беспечно.

— Что вы хотите сказать? — резко вскрикнула танцовщица.

Граф взглянул на нее с некоторым удивлением.

— Я только хотел сказать, что его воскресение из мертвых поставило бы вас в затруднительное положение, — объяснил он.

— Глупая шутка. Она облегченно вздохнула. — О, нет, он действительно мертв. Убит на войне. Это был человек, который некогда.., любил меня.

— В Южной Африке? — спросил граф небрежно.

— Да, в Южной Африке, если вас это интересует.

— Это ваша родина, не так ли?

Она кивнула. Ее гость встал и протянул руку за шляпой.

— Ну, — заметил он, — вы лучше всех знаете свое дело, но на вашем месте я опасался бы «полковника» гораздо больше, чем разочарованного любовника. «Полковник» — это человек, которого недооценить особенно легко.

Она презрительно рассмеялась.

— Как будто я не знаю его после стольких лет!

— А вы его знаете? — сказал он мягко. — Мне очень интересно, знаете ли вы его по-настоящему.

— О, я не дура! В этом деле я не одна. Завтра в Саутгемптоне швартуется южноафриканское почтовое судно, на борту которого находится человек, который специально едет из Африки по моей просьбе и который уже выполнил некоторые мои распоряжения. «Полковнику» придется иметь дело не с одним из нас, а с обоими.

— Это разумно?

— Это необходимо.

— Вы уверены в этом человеке?

Необычная улыбка мелькнула на лице танцовщицы.

— Я совершенно уверена в нем. Он незадачлив, но абсолютно надежен. — Она сделала паузу, а затем добавила безразличным тоном:

— Между прочим, он мой муж.

Глава I

Все были в моем распоряжении при написании этой истории — от великих (представленных лордом Нэсби) до малых (в лице нашей бывшей служанки Эмили, с которой я виделась во время последней поездки в Англию. «О боже, мисс, какая расчудесная книга, должно быть, у вас получится из всего этого — прямо как кино!»).

Я допускаю, что у меня есть определенные качества для выполнения поставленной задачи. Я была замешана в этом деле с самого начала, все время находилась в самой гуще и «торжественно присутствовала при завершении событий». К счастью, пробелы, которые я не могу восполнить за недостатком собственной осведомленности, дополняются пристрастными выдержками из дневника сэра Юстаса Педлера, который он любезно предоставил мне.

Итак, в путь. Энн Беддингфелд начинает повествование о своих приключениях.

Я всегда страстно мечтала о приключениях. Дело в том, что жизнь моя была ужасно однообразна. Мой отец, профессор Беддингфелд, был одним из самых известных в Англии антропологов. Он был просто гением — все признают это. Его разум пребывал в палеолитическом периоде, и неудобство жизни для него заключалось в том, что его тело существовало в современном мире. Папа не интересовался современным человеком — даже человека неолитического периода он считал недостойным своего внимания и начинал испытывать прилив энтузиазма, только достигнув мустьерской эпохи.

К несчастью, совершенно обойтись без современных людей невозможно. Вы вынуждены поддерживать какие-то отношения с мясниками и булочниками, продавцами молока и зеленщиками. Папа был погружен в прошлое, мама умерла, когда я была ребенком, поэтому взять на себя практическую сторону жизни выпало мне. Откровенно говоря, я ненавижу человека палеолита, будь он представителем ориньянской, мустьерской, шелльской или еще какой-нибудь эпохи, и, хоть я и отпечатала и откорректировала большую часть папиного труда «Неандертальский человек и его предки», сами неандертальцы вызывают во мне отвращение, и я всегда думаю о том, какое счастье, что они вымерли в далекие времена.

Не знаю, догадывался ли папа о моих чувствах, вероятно нет, но в

любом случае это бы его не волновало. Мнение других людей никогда не интересовало его ни в малейшей степени. Думаю, это действительно было признаком величия. Таким образом, он жил совершенно обособленно от настоятельных потребностей повседневной жизни. Он самым примерным образом съедал то, что ему подавали, но, казалось, испытывал тихое огорчение, когда вставал вопрос о счетах. Кажется, у нас никогда не водились деньги. Его известность была не из тех, что приносят денежный доход. Хотя он и состоял членом почти всех видных обществ и за его именем следовала куча научных титулов, публика едва ли знала о его существовании, и пусть его пространные ученые книги внесли выдающийся вклад в общую сумму человеческих знаний, широкие массы они не привлекали.

Только однажды папа оказался предметом общественного внимания. Он прочел доклад в каком-то научном обществе о детенышах шимпанзе. Человеческие детеныши обладают некоторыми антропоидными чертами, тогда как детеныши шимпанзе более сходны с человеком, чем взрослые особи. Это, по-видимому, свидетельствует о том, что наши предки стояли ближе к обезьянам, чем мы, а предки шимпанзе, напротив, были более высокого типа организации, чем существующие виды, другими словами, шимпанзе — продукт вырождения. Предприимчивая газета «Дейли баджет», усиленно выискивавшая сенсации, немедленно отреагировала, выйдя с огромными заголовками: «Мы не произошли от обезьян, но произошли ли обезьяны от нас? Видный профессор говорит, что шимпанзе — это выродившиеся люди». Вскоре после этого к папе пришел репортер и попытался уговорить его написать серию популярных статей по данной гипотезе. Я редко видела папу столь рассерженным. Он выпроводил репортера из дома без особых церемоний, во многом к моей тайной печали, поскольку в то время нам особенно не хватало денег. У меня даже в первый момент возникла мысль, не побежать ли вдогонку за молодым человеком и сообщить ему, что мой отец передумал и вышлет требуемые статьи по почте. Я легко могла бы их написать сама, и вероятнее всего, папа никогда не узнал бы о сделке, не будучи читателем «Дейли баджет». Однако я отвергла этот ход как слишком рискованный, а просто надела свою лучшую шляпку и грустно побрела в деревню на беседу с нашим бакалейщиком, преисполненным праведного гнева.

Репортер из «Дейли баджет» был единственным молодым человеком, когда-либо посетившим наш дом. Временами я завидовала Эмили, нашей молоденькой служанке, которая, как только предоставлялась возможность, «шла гулять» со здоровенным моряком, с которым была обручена. Иногда,

чтобы, как она выражалась, «держать его в руках», она ходила гулять с приказчиком из зеленой лавки или с помощником аптекаря. Я с грустью размышляла, что мне некого «держать в руках». Все папины друзья были пожилые профессора, обычно с длинными бородами. Правда, однажды профессор Петерсон нежно обнял меня, промолвив, что у меня «изящная маленькая талия», а затем попытался поцеловать меня. Одна эта фраза показала, что он безнадежно старомоден. С моих младенческих лет ни одному уважающему себя существу женского пола не говорили об «изящной маленькой талии».

Я тосковала по приключениям, любви, романтике, но, кажется, была обречена на однообразное утилитарное существование. В деревенской библиотеке, где выдавали книги на дом, полно зачитанных до дыр романов, и я, насладившись чужими опасностями и любовью, шла спать, мечтая о суровых молчаливых родезийцах, о сильных мужчинах, которые всегда «сбивали своего противника с ног одним ударом». В деревне не было никого, кто хотя бы отдаленно напоминал героев, способных «сбить» противника с ног одним ударом или даже несколькими.

В деревне имелся и кинематограф с еженедельными сериями фильма «Памела в опасности». Памела была восхитительная молодая женщина. Ничто ее не устрашало. Она выпадала из аэропланов, рисковала жизнью на подводных лодках, карабкалась на небоскребы и опускалась в преисподнюю, не моргнув глазом. На самом деле она не была умной, так как «Великий преступник преисподней» всякий раз ловил ее. Поскольку он, по-видимому, не хотел просто убить ее, а всякий раз приговаривал к смерти в газовой камере или умерщвлению с помощью каких-либо новых удивительных средств, герою всегда удавалось спасти ее в начале каждой следующей серии. Я обычно выходила из кинематографа, полная бредовых мыслей, а придя домой, находила послание от газовой компании, угрожавшей отключить газ, если мы не оплатим просроченный счет!

И все же, хоть я и не подозревала ни о чем каждая минута приближала меня к приключениям.

Вероятно, в мире найдется много людей, которые никогда не слыхали о находке древнего черепа на прииске Брокен Хилл в Северной Родезии. Однажды утром я спустилась к завтраку и нашла папу в состоянии почти апоплексического возбуждения. Он выложил мне все.

— Ты понимаешь, Энн? Несомненно, там есть определенное сходство с яванским черепом, но поверхностное, только поверхностное. Нет, здесь мы имеем, я всегда утверждал это, последовательную форму неандертальской расы. Ты считаешь само собой разумеющимся, что

гибралтарский череп наиболее примитивен из найденных неандертальских черепов? Почему? Колыбель человеческой расы находилась в Африке. Они перешли в Европу...

— Не мажь мармелад на копченую рыбу, папа, — сказала я поспешно, останавливая руку моего рассеянного родителя. — Да, ты говорил?..

— Они перешли в Европу на...

Здесь он ужасно поперхнулся, так как во рту у него было полно рыбьих косточек.

— Но мы должны сейчас же ехать, — заявил он, вставая по завершении трапезы. — Нельзя терять время. Мы должны быть на месте, там, в окрестностях, нас, несомненно, ждут бесчисленные находки. Мне будет интересно отметить, является ли найденное типичным для мустьерского периода — и я полагаю, там мы найдем останки первобытного быка, а не волосатого носорога. Да, скоро туда отправится целая маленькая армия. Мы должны опередить их. Ты напишешь сегодня в Бюро Кука, Энн?

— А как насчет денег, папа? — намекнула я деликатно.

Он укоризненно посмотрел на меня.

— Твоя приземленность всегда угнетает меня, дитя мое. Мы не должны быть корыстны. Нет, нет, человек науки не должен быть корыстен.

— Я полагаю, что Бюро Кука должно быть корыстно, папа.

Его лицо выразило страдание.

— Моя дорогая Энн, заплати им наличными.

— У меня нет наличных денег. Папа был явно раздражен.

— Дитя мое, я действительно не могу отвлекаться на эти вульгарные денежные подробности. Вчера я получил какую-то бумажку от управляющего банком, он сообщает, что у меня есть двадцать семь фунтов стерлингов.

— Полагаю, что на эту сумму превышен твой кредит в банке.

— А, я нашел деньги! Напиши моим издателям.

Я молча согласилась, не без сомнений, поскольку папины книги приносили больше славы, чем денег. Мне чрезвычайно понравилась идея путешествия в Родезию.

«Суровые, молчаливые люди», — в экстазе бормотала я себе под нос. Вдруг что-то необычное во внешности моего родителя привлекло мое внимание.

— Ты надел разные ботинки, папа, — сказала я. — Сними коричневый и надень черный. И не забудь шарф. Сегодня очень холодно.

Через несколько минут папа прошествовал из дома в одинаковых

ботинках и закутанный шарфом.

В тот вечер он вернулся поздно, и с испугом увидела что на нем не было ни шарфа, ни пальто.

«Боже мой, Энн, ты совершенно права. Я снял их перед тем, как полезть в пещеру. Там всегда перепачкаешься».

Я с жаром кивнула, вспомнив случай, когда папа вернулся буквально покрытый с головы до ног жирной плейстоценской глиной.

Главной причиной того, что мы поселились в Литтл Хемпсли, явилось соседство Хемпслийской пещеры, богатой отложениями ориньякской культуры. В деревне был крошечный музей, и его хранитель и папа проводили большую часть времени под землей, перемазываясь глиной всех эпох и вытаскивая на свет божий останки волосатого носорога и пещерного медведя.

Папа сильно кашлял весь вечер, а на следующее утро я обнаружила, что у него поднялась температура, и послала за доктором.

Бедный папа, ему уже нельзя было помочь. Началось двустороннее воспаление легких. Четыре дня спустя он умер.

Глава II

Все окружающие были очень добры ко мне. Как я ни была ошеломлена случившимся, я оценила их внимание. Сокрушительного горя я не ощущала. Папа никогда не любил меня. Я хорошо это знала. Если бы он любил меня, я, должно быть, отвечала бы ему взаимностью. Нет, между нами не было большой любви, но мы хорошо уживались, я заботилась о нем и втайне восхищалась его познаниями и бескомпромиссной преданностью науке. И мне было больно от того, что папе суждено было умереть как раз тогда, когда его жизненные интересы достигли апогея. Я чувствовала бы себя счастливее, если бы могла похоронить его вместе с орудиями из кремня в пещере с рисунками, изображающими оленей, но сила общественного мнения вынудила меня похоронить его в аккуратной могиле (под мраморной плитой) в ужасном дворике при нашей местной церкви. Утешения викария хоть и произносились из добрых побуждений, ничуть меня не успокоили.

Потребовалось некоторое время, прежде чем я поняла, что обрела столь желанную свободу. Я осталась сиротой, практически без пенни за душой, но свободной. В то же время мне открылась необыкновенная доброта окружающих меня милых людей. Викарий делал все возможное, убеждая меня, что его жена крайне нуждается в компаньонке. Нашей крошечной местной библиотеке внезапно понадобился помощник библиотекаря. Наконец, меня посетил доктор и после всевозможных нелепых извинений, что не смог представить точный счет, он долго мямлил что-то и вдруг сделал мне предложение.

Я крайне удивилась. Доктору было ближе к сорока, чем к тридцати. Кругленький, бочкообразный маленький человечек, он совершенно не походил ни на героя «Памелы в опасности», ни тем более на сурового и молчаливого родезийца. Я немного поразмышляла, а затем спросила его, почему он хочет жениться на мне. Этот вопрос, по-видимому, весьма взволновал его, и он пробормотал, что для практикующего врача жена — большое подспорье. Положение показалось мне еще более лишенным романтики, чем раньше, и все же что-то мне подсказывало ответить согласием. Безопасность — вот что мне предлагалось. Безопасность и уютный домашний очаг. Обдумывая это сейчас, я считаю, что была несправедлива к маленькому человечку. Он был действительно искренно влюблен в меня, но неуместная деликатность не позволяла ему добиваться

благосклонности, говоря о своих чувствах. Так или иначе, моя любовь к романтике взяла верх. — Вы очень добры ко мне, — сказала я. — Но это невозможно. Я никогда не смогу выйти замуж за человека, в которого я не буду безумно влюблена.

— Вы не думаете, что...

— Нет, не думаю, — сказала я твердо. Он вздохнул.

— Но, мое дорогое дитя, что вы собираетесь делать?

— Искать приключений и познавать мир, — ответила я без малейшего колебания.

— Мисс Энн, в вас еще столько детства. Вы не понимаете...

— Практических трудностей? Прекрасно понимаю, доктор. Я не какая-нибудь сентиментальная школьница — я практичная корыстная проницательная женщина! Вы узнали бы это, если бы женились на мне!

— Я хотел бы, чтобы вы передумали...

— Не могу.

Он снова вздохнул.

— У меня есть другое предложение. Моя тетя, которая живет в Уэльсе, нуждается в услугах молодой женщины. Может быть, вам подошло бы это?

— Нет, доктор, я еду в Лондон. Если что-то где-нибудь и случается, то только в Лондоне. Я буду держать глаза открытыми, и вы увидите, что-нибудь да подвернется! Вы еще услышите обо мне в Китае или Тимбукту.

Следующим меня посетил мистер Флемминг, папин лондонский стряпчий. Он специально приехал из города повидать меня. Сам — страстный антрополог, он всегда восхищался папиными работами. Это был высокий худощавый мужчина с тонкими чертами лица и седыми волосами. Он поднялся мне навстречу, когда я вошла в комнату и, взяв обе мои руки в свои, нежно похлопал их.

«Бедное мое дитя, — сказал он. — Мое бедное, бедное дитя».

Не лицемеря, я вдруг ощутила, что усваиваю манеру поведения брошенной сиротки. Мистер Флемминг просто загипнотизировал меня. Добрый, милосердный, отечески заботливый, он, без малейшего сомнения, считал меня совершенной глупышкой, оставленной наедине с недобрым миром. С самого начала я поняла, что абсолютно бесполезно пытаться убедить его в обратном. В дальнейшем события развивались так, что это, вероятно, оказалось и к лучшему.

— Мое дорогое дитя, считаете ли вы себя в состоянии выслушать меня, пока я попытаюсь прояснить для вас некоторые вещи?

— О, да.

— Ваш отец, как вы знаете, был великий человек. Следующие

поколения оценят его. Но он не был силен в делах.

Я знала об этом не хуже, если не лучше, чем мистер Флемминг, но воздержалась и ничего не сказала. Он продолжал: «Не думаю, что вы много смыслите в подобных вещах. Я постараюсь объясниться как можно доходчивее».

Его объяснения были излишне пространны. Суть их заключалась в том, что мне предстояло вступить в жизнь с суммой в 87 фунтов 17 шиллингов и 4 пенни. Такой итог не мог удовлетворить меня. С некоторым трепетом я ждала, что последует дальше. Я боялась, что у мистера Флемминга окажется тетя в Шотландии, нуждающаяся в расторопной молодой компаньонке. Однако я ошиблась.

— Вопрос в том, — продолжал он, — каково ваше будущее? Насколько я понимаю, у вас нет родственников?

— Я одна в этом мире, — ответила я и вновь поразилась своему сходству с героиней кино.

— У вас есть друзья?

— Все были очень добры ко мне, — сказала я с благодарностью.

— Кто же не был бы добр к столь юной и очаровательной особе? — галантно произнес мистер Флемминг. — Ну, ну, моя дорогая, мы должны обсудить, что можно сделать.

Он поколебался с минуту, а затем сказал:

— Как вы посмотрите на то, чтобы пожить некоторое время у нас?

Я ухватила за эту возможность. Лондон! Место, где всегда что-то происходит.

— Очень мило с вашей стороны, — сказала я. — Вы серьезно? Я пожила бы у вас, чтобы оглядеться. Ведь я должна начать зарабатывать себе на жизнь, вы понимаете?

— Да, да, мое дорогое дитя. Я все понимаю. Мы подыщем что-нибудь подходящее.

Я бессознательно почувствовала, что представление мистера Флемминга о «чем-нибудь подходящем» сильно отличается от моего собственного, но был, безусловно, неподходящий момент для обнародования моих взглядов.

— Тогда договорились. Почему бы вам не поехать со мной прямо сегодня?

— О, спасибо, но не будет ли миссис Флемминг...

— Моя жена будет счастлива приветствовать вас.

Интересно, действительно ли мужья знают своих жен так хорошо, как они думают? Если бы у меня был муж, я не хотела бы, чтобы он приводил в

дом сирот, не посоветовавшись сначала со мной.

«Мы пошлем ей телеграмму со станции», — продолжал адвокат.

Вскоре мои немногочисленные пожитки были уложены. Я с грустью рассматривала свою шляпку перед тем, как надеть ее. Первоначально это была, как я называю, «шляпка для Мэри», такую шляпку должна бы носить служанка в свой выходной день, но, конечно, не носит! Нечто бесформенное из черной соломки, к тому же с обвислыми полями. Однажды почувствовав вдохновение, я поддала ее ногой, два раза ударила кулаком, вдавила тулью внутрь и прикрепила к ней что-то похожее на яркую морковь в воображении кубиста. Получилось очень шикарно. Морковь я, конечно, уже выбросила, а теперь до конца уничтожила остатки моего творчества. «Шляпка для Мэри» приобрела свой прежний вид, но выглядела столь измятой, что стала еще более унылой, чем раньше. Я, должно быть, являла собой идеальный тип сироты. Меня немного беспокоило, как примет меня миссис Флемминг, но я надеялась, что мой вид обезоружит ее.

Мистер Флемминг тоже волновался. Я поняла это, когда мы поднимались по ступенькам высокого дома на тихой Кенсингтон-сквер. Миссис Флемминг встретила меня достаточно любезно. Полная спокойная женщина, типичный образец «хорошей жены и доброй матери», она провела меня в сияющую чистотой спальню со шторами из английского ситца, выразила надежду, что у меня есть все необходимое, сообщила, что чай будет готов через четверть часа, и предоставила меня самой себе.

Я услышала ее голос, звучавший на слегка повышенных тонах, когда она вошла в гостиную внизу на втором этаже.

«Но, Генри, с какой стати...». Остальное я не расслышала, но резкость тона была очевидной. А несколько минут спустя до меня донеслась другая фраза, произнесенная еще более язвительно: «Я согласна с тобой! Она, безусловно, весьма миловидна».

Жизнь действительно очень сложная штука. Мужчины не будут к вам хорошо относиться, если вы не миловидны, а если вы миловидны, не ждите расположения женщин.

С глубоким вздохом я занялась своей прической. У меня красивые волосы. Они черные — по-настоящему черные, а не темно-каштановые — растут назад со лба и спускаются на уши. Безжалостно я зачесала волосы кверху. У меня уши как уши, но прическа с открытыми ушами, безусловно, сегодня вышла из моды. С такой прической я стала невероятно похожа на сироток, идущих гуськом в маленьких капорах и красных плащах.

Спустившись вниз, я заметила, что миссис Флемминг посмотрела на

мои открытые уши вполне доброжелательно. Мистер Флемминг был явно озадачен. Я не сомневалась, что он говорил про себя. «Что дитя сделало с собой?»

В целом остаток дня прошел хорошо. Было решено, что я должна сразу начать подыскивать себе какое-нибудь занятие.

Перед сном я принялась старательно рассматривать свое лицо в зеркале. Действительно ли я миловидна? Честно говоря, я так не считала! У меня не прямой греческий нос или рот, похожий на свежий бутон розы, и вообще я не обладаю качествами, присущими миловидной девушке. Правда, помощник приходского священника однажды сказал мне, что мои глаза подобны «солнечному свету, заточенному в сумрачном лесу», однако помощники приходского священника всегда знают множество цитат и выпаливают их наудачу. Я гораздо больше предпочла бы иметь ирландские голубые глаза, чем темно-зеленые с желтыми крапинками! Хотя зеленый цвет подходит искательницам приключений.

Я туго обмоталась черной тканью, оставив руки и плечи открытыми. Затем причесала волосы и снова закрыла ими уши, сильно напудрила лицо, отчего кожа стала еще белее, чем обычно. Поискав, я нашла старую губную помаду и жирно намазала губы. Потом я подвела глаза жженой пробкой. Наконец, я надела красную ленту через обнаженное плечо, воткнула в волосы алое перо и сунула сигарету в уголок рта. Результатом я осталась очень довольна.

«Анна — искательница приключений», — произнесла я вслух, отвешивая поклон своему изображению. — «Анна — искательница приключений» Серия 1-я «Дом на Кенсингтон-сквер».

Девушки — глупые создания.

Глава III

В последующие недели я умирала от скуки. Миссис Флемминг и ее подруги казались мне в высшей степени неинтересными. Они часами говорили о себе и своих детях, о том, как трудно доставать для них хорошее молоко, и о том, что они сказали молочнице, когда молоко оказывалось прокисшим. Затем они переходили на слуг и говорили о том, как трудно нанять хороших слуг, и о том, что они сказали женщине в регистрационном бюро и что та ответила им. Они, по-видимому, никогда не читали газет и не интересовались происходящим в мире. Они не любили путешествовать за границей — там все было совсем не так, как в Англии. Ривьера, правда, составляла исключение — ведь там они встречали своих друзей.

Я слушала и с трудом сдерживалась. Многие из женщин были богаты. Весь прекрасный мир принадлежал им и ждал их, а они сознательно оставались в грязном скучном Лондоне и разговаривали о молочницах и слугах! Теперь, оглядываясь назад, я думаю, что относилась к ним слишком нетерпимо. Но они действительно были глупы — даже в том, чем они занимались: у большинства из них книги расходов на домашнее хозяйство велись самым неподходящим образом и находились в полном беспорядке.

Мои дела продвигались не слишком быстро. Дом и мебель были проданы, и вырученных денег как раз хватило для уплаты наших долгов. Пока что я не преуспела в поисках места. Во всяком случае такого, какое меня действительно устраивало бы. Я была твердо убеждена, что, если искать приключение, оно само встретится мне на полпути. По моей теории — вы всегда получаете то, что хотите.

И вскоре моя теория подтвердилась на практике.

Это случилось в январе, 8-го числа, если быть точной. Я возвращалась после неудачной беседы с дамой, нуждавшейся, по ее словам, в секретарше-компаньонке, но фактически, по-видимому, желавшей нанять крепкую поденщицу для домашней работы, которая трудилась бы по двенадцать часов в день за 25 фунтов в год. Расставшись с ней после взаимного обмена скрытыми колкостями, я прошла по Эджвер-роуд (беседа происходила на Сент-Джон вуд) и пересекла Гайд-парк в сторону больницы св. Георгия. Там я вошла на станцию подземки «Гайд-парк корнер» и взяла билет до Глостер-роуд.

Оказавшись на платформе, я прошла в самый ее конец. Мой ум сыщика жаждал убедиться, действительно ли сразу за станцией в

направлении к Даун-стрит находились стрелки и проход между двумя туннелями. Я испытала глупое удовольствие, убедившись в своей правоте. На платформе было немногочленно, а в самом конце ее стояли только я и еще один человек. Проходя мимо него, я невольно принюхалась. Если есть запах, который я не выношу, так это запах нафталина! Им просто разило от тяжелого пальто того человека. Но ведь большинство людей начинают носить зимнее пальто еще до января и, следовательно, запах уже должен был бы выветриться. Человек стоял на некотором расстоянии от меня, ближе к началу туннеля. Он, видимо, был погружен в свои мысли, и я могла внимательно рассмотреть его, не показавшись невежливой. Он был невысокий, худой, очень загорелый, со светло-голубыми глазами и небольшой темной бородкой.

«Только что приехал из-за границы, — решила я. — Вот почему его пальто так пахнет. Он приехал из Индии. Не офицер, иначе у него не было бы бороды. Вероятно, чайный плантатор».

В этот момент человек повернулся как будто для того, чтобы проследить свой путь вдоль платформы. Он взглянул на меня, а затем на нечто за моей спиной, и его лицо исказилось от страха. Он был в панике. И потому сделал шаг назад, как бы невольно отшатываясь от какой-то опасности, забыв, что стоит на самом краю платформы, и упал вниз. Произошла яркая вспышка, и раздался сильный треск. Я пронзительно закричала. К нам побежали люди. Два станционных служащих появились как будто из-под земли и стали распоряжаться.

Я оцепенела, словно прикованная к своему месту, во власти какого-то страшного наваждения. Часть моего существа была в ужасе от внезапного несчастья, в то же время другая — равнодушно и бестрепетно наблюдала, как человека поднимали с рельсов на платформу.

«Пропустите, пожалуйста. Я врач».

Высокий мужчина с каштановой бородкой протиснулся мимо меня и склонился над безжизненным телом.

Когда он обследовал его, мною вдруг овладело странное ощущение нереальности. Что-то было не так. Наконец доктор выпрямился и покачал головой.

«Никаких признаков жизни. Ничего нельзя сделать».

Мы все сгрудились вокруг, и удрученный служащий подземки громко сказал: «Послушайте, отодвиньтесь-ка назад. Что толку толпиться тут?»

Внезапно меня затошнило, я отвернулась и побежала вверх по ступенькам к лифту. Я чувствовала, что происшедшее слишком ужасно и что мне необходимо выбраться на свежий воздух. Доктор, обследовавший

тело, шел как раз передо мной. Один лифт должен был вот-вот начать подъем, а другой только шел вниз, поэтому доктор бросился бежать. При этом он уронил клочок бумаги.

Я остановилась, подняла его и побежала вдогонку.

Однако двери лифта лязгнули у меня перед носом, и я осталась внизу с бумажкой в руке. Когда второй лифт поднял меня на улицу, этого человека и след простыл. Я подумала, что потеря не была для него сколь-нибудь существенной, и впервые рассмотрела ее. Половинка листа обыкновенной почтовой бумаги с нацарапанными карандашом какими-то цифрами и словами. Вот их факсимильное изображение:

Килморденский замок

На первый взгляд могло показаться, что записка не имеет никакого значения. И все же что-то удержало меня от того, чтобы выбросить ее. Вертя бумажку в руках, я непроизвольно поморщилась. Снова нафталин! Я осторожно поднесла бумажку к носу. Да, она сильно пахла нафталином. Но ведь...

Я аккуратно сложила ее и положила в сумку. Потом медленно пошла домой и по дороге размышляла о случившемся.

Я объяснила миссис Флемминг, что стала свидетельницей ужасного несчастного случая в подземке, немного расстроена и хотела бы пойти к себе и лечь. Добрая женщина настояла, чтобы я выпила чашку чая. После этого я была предоставлена самой себе и приступила к осуществлению плана, разработанного по дороге домой. Я хотела понять, чем было вызвано то странное ощущение нереальности, которое охватило меня, когда я наблюдала, как доктор осматривает тело. Сперва я легла на пол, приняв позу трупа, затем положила вместо себя диванный валик и принялась копировать, насколько могла припомнить, каждое движение и жест доктора. Мои старания не прошли даром, я нашла то, что искала. Я села на пятки и, нахмурившись, уставилась на противоположную стену.

Вечерние газеты поместили короткую заметку о гибели неизвестного в подземке и выразили сомнение по поводу того, было ли это самоубийство или несчастный случай. Таким образом, мне стало ясно, в чем состоял мой долг, и, когда мистер Флемминг прослушал мой рассказ, он полностью согласился со мной.

«Несомненно, вы понадобится при дознании. Вы говорите, что больше не было никого, кто находился бы достаточно близко, чтобы видеть, что произошло?»

«У меня было ощущение, что кто-то шел за моей спиной, я не уверена, но в любом случае он был дальше меня».

Дознание состоялось. Мистер Флемминг уладил все формальности и взял меня с собой. Он, кажется, опасался, что это будет для меня тяжелым испытанием, и мне пришлось скрывать от него, что я полностью владею собой.

Покойный был опознан как Л. Б. Картон. В его карманах не было обнаружено ничего, кроме ордера, выданного агентом по сдаче домов внаем для осмотра дома у реки возле Марлоу. Ордер выдан на имя Л. Б. Картона, гостиница «Рассел». Клерк из регистратуры гостиницы узнал в этом человеке приехавшего накануне и зарегистрировавшегося под именем Л. Б. Картона, Кимберли, Южная Африка. Он, по-видимому, приехал прямо с парохода.

Я была единственным свидетелем, видевшим, что произошло.

— Вы думаете, это был несчастный случай? — спросил меня коронер.

— Я уверена в этом. Что-то встревожило его, и он отступил назад, не глядя и не соображая, что делает.

— Но что могло встревожить его?

— Этого я не знаю. Но что-то там было. Его охватила паника.

Флегматичный присяжный высказал предположение, что некоторым людям внушают ужас кошки. Погибший, должно быть, увидел кошку. Я считала его предположение не слишком блестящим, но оно, по-видимому, устраивало присяжных, которым, очевидно, не терпелось уйти домой, и они были очень довольны возможностью вынести приговор о несчастном случае, а не о самоубийстве.

«Странно, — сказал коронер, — что доктор, первым обследовавший тело, не объявился. Его имя и адрес следовало узнать сразу же. Непростительно, что этого не сделали».

Я улыбнулась про себя. У меня была своя теория относительно доктора. Следуя ей, я решила в ближайшее время нанести визит в Скотленд-Ярд.

Однако следующее утро принесло неожиданное сообщение. Флемминги получили «Дейли баджет». Журналистам этой газеты тот день явно удался.

НЕОЖИДАННОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ В ПОДЗЕМКЕ. В УЕДИНЕННОМ ДОМЕ НАЙДЕНА ЗАДУШЕННАЯ ЖЕНЩИНА.

Я с нетерпением прочла сообщение.

«Вчера в Милл-Хаусе в Марлоу сделано сенсационное открытие.

Милл-Хаус, являющийся собственностью сэра Юстаса Педлера, депутата парламента, сдается внаем без обстановки. Ордер на осмотр этого дома был найден в кармане человека, о котором вначале думали, что он совершил самоубийство, бросившись на рельсы на станции подземки „Гайд-парк корнер“. Вчера в верхней комнате Милл-Хауса обнаружено тело красивой молодой женщины. Она была задушена. Вероятно, она иностранка, но пока ее имя не установлено. Есть сведения, что полиция нашла ключ к разгадке. Сэр Юстас Педлер, владелец Милл-Хауса, проводит зиму на Ривьере».

Глава IV

Никто не объявился, чтобы опознать убитую. Дознание установило следующие факты.

Вскоре после часа дня 8-го января хорошо одетая женщина вошла в контору фирмы по продаже и сдаче внаем домов «Батлер и Парк» в Найтсбридже. Она сказала с легким иностранным акцентом, что хочет арендовать или приобрести дом на Темзе неподалеку от Лондона. Ей было предложено несколько вариантов, включая Милл-Хаус. Она назвалась миссис де Кастина и дала адрес отеля «Ритц», но оказалось, что под этим именем там никто не останавливался, и гостиничные служащие не смогли опознать тело.

Миссис Джеймс, жена садовника сэра Юстаса Педлера, присматривающая за Милл-Хаусом и живущая в, небольшой сторожке у ворот, окна которой выходят на главную дорогу, дала свидетельские показания. В тот день около трех часов одна дама приехала посмотреть дом. Она предъявила смотровой ордер, и миссис Джеймс, по заведенному обычаю, дала ей ключи от дома, который находится на некотором расстоянии от сторожки. Миссис Джеймс не имела обыкновения сопровождать вероятных будущих жильцов. Несколько минут спустя появился молодой человек. По описанию миссис Джеймс, он был высокий и широкоплечий, с бронзовым лицом и светло-серыми глазами, чисто выбрит и одет в коричневый костюм. Он объяснил миссис Джеймс, что он друг дамы, пришедшей посмотреть дом, что задержался на почте, чтобы послать телеграмму. Она указала ему дорогу к дому и больше об этом не думала.

Через пять минут он появился вновь, вернул ей ключи и сказал, что дом, наверное, им не подойдет. Миссис Джеймс в тот момент не заметила даму, но полагала, что та уже прошла. Однако она обратила внимание, что молодой человек чем-то очень расстроен. «Он выглядел как человек, увидевший привидение. Я подумала, что он заболел».

На следующий день другие дама и джентльмен приехали смотреть дом и обнаружили тело, лежавшее на полу в одной из верхних комнат. Миссис Джеймс опознала даму, приезжавшую накануне. Агенты по сдаче внаем домов также узнали в ней «миссис де Кастину». По мнению полицейского врача, женщина пролежала мертвая около двадцати четырех часов. «Дейли баджет» сделала поспешный вывод, что «человек в подземке» убил

женщину, а потом совершил самоубийство. Но поскольку в два часа он был уже мертв, а женщина — жива и здорова в три часа, единственное логическое заключение — два происшествия никак не связаны друг с другом, а ордер на осмотр дома в Марлоу, найденный в кармане погибшего мужчины, всего лишь одно из тех совпадений, которые столь часто случаются в жизни.

Был вынесен приговор об «умышленном убийстве одного или нескольких неизвестных», и полиции (и «Дейли баджет») предстояло заняться поиском «человека в коричневом костюме». Поскольку миссис Джеймс была уверена, что в доме никого не было, когда дама вошла туда, и что никто, помимо упомянутого молодого человека, не входил в дом до следующего дня, напрашивался логический вывод, что он и был убийцей несчастной миссис де Кастины. Она была задушена куском толстого черного шнура и, очевидно, застигнута врасплох, так что не успела закричать. В ее черной шелковой сумочке нашли туго набитый бумажник, немного мелочи, изящный кружевной платочек без инициалов и обратный билет первого класса до Лондона. Больше там ничего не было.

Таковы были подробности, ставшие известными из «Дейли баджет». Газета выходила с ежедневным призывом: «Найдите человека в коричневом костюме». Каждый день поступало в среднем около пятисот писем, извещавших, что поиски увенчались успехом, а высокие молодые люди с загорелыми лицами проклинали тот день, когда портные уговорили их сшить коричневый костюм. Несчастный случай в подземке, признанный просто совпадением, изгладился в памяти людей.

Было ли это совпадением? У меня не было такой уверенности. Несомненно, я была пристрастна — происшествие в подземке стало моей любимой тайной, но мне действительно казалось, что между двумя смертями существовала какая-то связь. В каждом случае действовал мужчина с загорелым лицом, очевидно, англичанин, живущий за границей, и были еще другие общие детали. Именно внимание к ним, в конце концов, побудило меня сделать решительный шаг. Я явилась в Скотленд-Ярд и попросила о встрече с тем, кто занимался делом, связанным с Милл-Хаусом.

Мою просьбу поняли не сразу, так как я нечаянно зашла в отдел потерянных зонтиков, но в конечном счете меня провели в небольшую комнату и представили инспектору сыскной полиции Медоузу.

Инспектор Медоуз был маленьким рыжеватым человечком, обладавшим, на мой взгляд, на редкость раздражающими манерами. Его помощник, также в штатском, скромно сидел в углу.

— Доброе утро, — произнесла я взволнованно.

— Доброе утро. Не присядете ли вы? Насколько я понимаю, у вас есть некая информация, которая, по вашему мнению, может нам пригодиться.

Его тон означал, что подобное в высшей степени маловероятно. Я почувствовала, что начинаю злиться.

— Вы, разумеется, знаете о человеке, погибшем в подземке? О том, у которого в кармане нашли ордер на осмотр того дома в Марлоу.

— А-а, — произнес инспектор. — Вы та самая мисс Беддингфелд, которая давала показания на дознании. Конечно, у него был в кармане ордер! У многих других людей также могли быть такие ордера — только они не оказались убитыми.

Я собралась с силами.

— Вы не считаете странным, что у этого человека в кармане не было билета?

— Ничего нет проще, чем потерять билет. Со мной это случалось.

— И не было денег.

— У него было немного мелочи.

— Но не было бумажника.

— Некоторые мужчины совсем не носят с собой бумажник.

Я попробовала зайти с другой стороны.

— Вы не считаете странным, что доктор потом так и не объявился?

— Занятой медик очень часто совсем не читает газет. Он, вероятно, вовсе забыл об этом случае.

— Я понимаю, инспектор, вы полны решимости ничего не признавать странным, — сказала я с издевкой.

— Я склонен думать, что вам слишком понравилось это слово, мисс Беддингфелд. Молодые леди романтичны, я знаю — им нравятся тайны и все такое. Но поскольку я человек дела...

Я поняла намек и встала.

Человек в углу тихо произнес: «Может быть, молодая леди поделится с нами собственными соображениями по этому поводу, инспектор?»

Тот довольно легко согласился.

«Хорошо, говорите, мисс Беддингфелд, не обижайтесь. Вы только задавали вопросы и делали намеки. Скажите прямо, что у вас на уме».

Во мне боролись оскорбленное достоинство и переполнявшее меня желание поделиться своими соображениями. В конце концов победило последнее.

— На дознании вы выразили уверенность, что это не было самоубийство?

— Да, я совершенно убеждена. Человек испугался. Кто напугал его? Во всяком случае, не я. Но кто-то, кого он узнал, должно быть, шел по платформе в нашу сторону.

— Вы никого не видели?

— Нет, — призналась я. — Я не оборачивалась. Потом, как только тело подняли с путей, вперед вышел человек, чтобы осмотреть его, заявив, что он доктор.

— Не вижу в этом ничего необычного, — сказал инспектор сухо.

— Но он не был доктором.

— Что?

— Он не был доктором, — повторила я.

— Откуда вам это известно, мисс Беддингфелд?

— Трудно сказать точно. Во время войны я работала в госпиталях и видела, как врачи обращаются с умершими. Существует определенная профессиональная безжалостность, которой у этого человека не было. И врач обычно не нащупывает сердце справа.

— А он так сделал?

— Тогда я не обратила на это особого внимания, но почувствовала: что-то не так. Однако, придя домой, я поняла, почему все выглядело столь неестественно.

— Гм, — произнес инспектор. Его рука медленно потянулась за ручкой и бумагой.

— Ощупывая верхнюю часть тела погибшего, он вполне мог вытащить у него из карманов все, что угодно.

— Звучит маловероятно, — сказал инспектор. — Ну, хорошо, вы можете описать его?

— Высокий, широкоплечий, в темном пальто, черных ботинках и котелке. У него была каштановая борода клинышком и очки в золотой оправе.

— Без пальто, бородки и очков его будет трудно узнать, — проворчал инспектор. — При желании он легко мог изменить внешность за пять минут — что он и сделал, если это такой ловкий карманник, как вы предполагаете.

Ничего подобного я не предполагала. Однако с этого момента я признала инспектора безнадёжным.

— Вы больше ничего не можете рассказать о нем? — спросил он, когда я поднялась, чтобы уйти.

— Могу, — сказала я, решив воспользоваться случаем и нанести прощальный удар. — Его голова была явно брахицефальной.

Глава V

В пылу негодования я неожиданно легко решилась на следующий шаг. Когда я пошла в Скотленд-Ярд, у меня в голове зрел план. Он должен был быть выполнен в случае, если моя беседа окажется неудовлетворительной (а она была в высшей степени таковой). Разумеется, при условии, что у меня хватит дерзости довести дело до конца.

То, на что у вас обычно не хватает духу, легко совершить в порыве гнева. Не дав себе времени на размышление, я отправилась прямо к дому лорда Нэсби.

Лорду Нэсби, миллионеру и владельцу «Дейли баджет», принадлежало еще несколько газет, но «Дейли баджет» была его любимым детищем. Именно как владелец «Дейли баджет» он был известен главе каждой семьи в Соединенном Королевстве. Благодаря только что опубликованному описанию ежедневных трудов великого человека я точно знала, где его найти. В это время он диктовал своему секретарю в собственном доме.

Разумеется, я не предполагала, что любая молодая женщина, которая захочет повидать столь высокую особу, будет немедленно допущена к ней. Однако я позаботилась об этой стороне дела. На подносе для визитных карточек в холле дома Флеммингов я заметила карточку маркиза Лоумсли, самого знаменитого спортивного пэра Англии. Я забрала карточку, осторожно стерла с нее все хлебным мякишем и написала на ней карандашом: «Пожалуйста, уделите мисс Беддингфелд несколько минут». Искательницы приключений не должны быть слишком разборчивы в средствах.

Мой замысел удался. Напудренный лакей принял карточку и удалился. Вскоре появился бледный секретарь. Я успешно преодолела и это препятствие, и он отступил посрамленный. Затем он появился вновь и предложил мне следовать за ним. Я так и поступила. Когда я вошла в просторную комнату, испуганная стенографистка пролетела мимо меня подобно существу из мира духов. Дверь закрылась, и я осталась наедине с лордом Нэсби.

Крупный человек. Большая голова. Большие усы. Большой живот. Я взяла себя в руки. Я пришла сюда не для того, чтобы оценивать живот лорда Нэсби. Он уже рычал на меня:

— Ну, что там? Что нужно Лоумсли? Вы его секретарша? В чем дело?

— Для начала, — сказала я, стараясь максимально сохранять

спокойствие, — я не знаю лорда Лоумсли, а ему, разумеется, ничего неизвестно обо мне. Я взяла его карточку с подноса в доме людей, у которых живу, и написала на ней эти слова. Мне было важно встретиться с вами.

На минуту возникло сомнение, не хватит ли лорда Нэсби апоплексический удар. В конце концов, он два раза сглотнул и пришел в себя.

— Я восхищен вашим хладнокровием. Ну, вот вы встретились со мной! Если вы меня заинтересуете, вы сможете видеть меня еще ровно две минуты.

— Этого будет достаточно, — ответила я. — И я заинтересую вас. Речь идет о тайне Милл-Хауса.

— Если вы нашли «человека в коричневом костюме», напишите редактору, — прервал он меня поспешно.

— Если вы будете перебивать, мне понадобится больше двух минут, — сказала я строго. — Я не нашла «человека в коричневом костюме», но, весьма вероятно, мне это удастся.

Как можно более кратко я изложила факты, касающиеся несчастного случая в подземке, и те выводы, к которым я пришла. Когда я закончила, он неожиданно спросил: «А что вы знаете о брахицефальной голове?»

Я упомянула папу.

— А, обезьяний человек? Не знаю, какой формы, но, кажется, у вас есть голова на плечах. Но, понимаете ли, тут все довольно шатко. Не за что особенно ухватиться. И для нас пока что бесполезно.

— Я это вполне сознаю.

— Чего же вы тогда хотите?

— Я хочу получить работу в вашей газете, чтобы расследовать это дело.

— Невозможно. У нас есть свой человек, занимающийся специально этой историей.

— А у меня есть особые знания.

— О которых вы мне только что рассказали?

— О, нет, лорд Нэсби. У меня еще кое-что есть про запас.

— Правда? Вы, кажется, смышленная девушка. Ну, что там у вас?

— Когда так называемый доктор вошел в лифт, он уронил клочок бумаги. Я подняла его. От бумаги пахло нафталином. Так же, как от погибшего. А от доктора — нет. Тогда я сразу поняла, что он, должно быть, вытащил бумажку из кармана покойного. На ней были написаны два слова и несколько цифр.

— Дайте посмотреть.

Лорд Нэсби небрежно протянул руку.

— Не дам, — сказала я, улыбаясь. — Видите ли, это моя находка.

— Я прав. Вы действительно смышленная девушка. Правильно делаете, что упорствуете. У вас нет угрызений совести, что вы не передали бумажку полиции?

— Сегодня утром я пошла туда для этого. Они упрямо продолжали считать, что случай в подземке никак не связан с происшествием в Марлоу, поэтому я решила, что при подобных обстоятельствах имею право не отдавать бумажку. Кроме того, инспектор разозлил меня.

— Недальновидный человек. Ну, моя дорогая, вот все, что я могу для вас сделать. Продолжайте работать над своей версией. Если вы что-нибудь найдете, что можно опубликовать, — присылайте — это будет ваш шанс. На страницах «Дейли баджет» всегда есть место подлинным талантам. Но вы должны сначала это доказать. Понимаете?

Я поблагодарила его и извинилась за свое не очень учтивое поведение.

— Не стоит извиняться. Мне, в общем, нравятся дерзости — от хорошенькой девушки. Между прочим, вы просили две минуты, а говорили три, правда с перерывами. Для женщины это просто удивительно! Должно быть, дело в вашем научном воспитании.

Я вновь очутилась на улице, тяжело дыша, как после бега. В качестве нового знакомого я нашла лорда Нэсби довольно утомительным.

Глава VI

Домой я отправилась, торжествуя. Мой план удался намного лучше, чем я могла ожидать. Лорд Нэсби, несомненно, был добр. Мне сейчас осталось только «доказать», как он выразился, что я талантлива. Запершись в своей комнате, я вытащила драгоценный клочок бумаги и внимательно его изучила. Здесь был ключ к тайне.

Прежде всего, что означают цифры? Их пять и точка после первых двух. «Семнадцать — сто двадцать два», — пробормотала я.

Похоже, что это ничего не дает.

Тогда я их сложила. Так часто делается в романах и приводит к неожиданным выводам.

«Один и семь — восемь и один — девять и два — одиннадцать и два — тринадцать».

Тринадцать! Роковое число! Было ли оно предостережением, чтобы я ни во что не вмешивалась? Весьма вероятно. Так или иначе, если только это не предостережение, оно совершенно бесполезно. Я отказывалась верить, что какой-либо конспиратор мог воспользоваться подобным способом записать «тринадцать» в реальной жизни. Если он имел в виду «тринадцать», он так бы и написал: «13».

Между единицей и двойкой было небольшое пространство. Поэтому я решила вычесть двадцать два из ста семидесяти одного. Получилось сто пятьдесят девять. Я вычла еще раз и получила сто сорок девять. Подобные арифметические упражнения, несомненно, были отличной практикой, но для разгадки тайны они представлялись абсолютно бесплодными. Я оставила арифметику в покое, не пытаясь делить или умножать, и перешла к словам.

Килморденский замок. Это какое-то определенное место. Вероятно, родовое гнездо аристократического семейства. (Пропавший наследник? Претендент на титул?) Или, может быть, живописные развалины. (Зарытое сокровище?)

Да, в общем, я склонялась к версии зарытого сокровища. Этому всегда сопутствуют цифры. Один шаг вправо, семь шагов влево, копай на глубину одного фута, спустись по двадцати двум ступеням. Примерно так. Это можно будет решить позже. Важнее всего было как можно скорее найти Килморденский замок.

Я совершила стратегическую вылазку из своей комнаты и вернулась

нагруженная справочниками: «Кто есть кто», «Уитакер», «Словарь географических названий», «История шотландских родовых кланов», «Биографический справочник Великобритании».

Время шло. Я старательно вела поиски, все более раздражаясь. Наконец я захлопнула последнюю книгу. Кажется, Килморденского замка не существовало.

Неожиданное препятствие. Такое место должно существовать. Иначе зачем кому-то понадобилось придумывать подобное название и записывать его на клочке бумаги. Нелепость!

Мне в голову пришла другая мысль. Может быть, это какая-то мерзость в пригороде, построенная в виде замка с громко звучащим названием, придуманным ее владельцем. Однако в таком случае, очевидно, будет крайне трудно найти его. Я мрачно села на пятки (я всегда сажусь на пол, когда делаю что-нибудь действительно важное) и задумалась над тем, что же мне предпринять.

Могла ли я пойти еще каким-либо путем? Я усердно поразмышляла, а затем радостно вскочила на ноги. Ну конечно! Я должна посетить «место преступления». Так всегда поступают знаменитые сыщики! И не важно, сколько времени спустя, они всегда находят нечто, что полиция просмотрела. Итак, мой путь ясен. Я должна отправиться в Марлоу.

Но как попасть в дом? Я отказалась от нескольких рискованных способов и решительно избрала суровую простоту. Дом сдавался внаем и, по-видимому, все еще не сдан. Я выступлю в роли желающей снять его.

Я решила атаковать местных агентов по сдаче внаем домов, поскольку они могли предложить меньше вариантов, чем лондонские.

Здесь, однако, я просчиталась. Любезный клерк представил мне примерно полдюжины подходящих домов. Мне понадобилась вся моя изобретательность, чтобы найти предлог для отказа. В конце концов, я испугалась, что вытащила пустой билет.

— А больше у вас совсем ничего нет? — спросила я, жалобно заглядывая в глаза клерку. — Чего-нибудь прямо у реки с обширным садом и небольшой сторожкой. Я перечислила основные особенности Милл-Хауса, почерпнутые из газет.

— Ну, конечно, есть еще поместье сэра Юстаса Педлера, — сказал клерк раздумчиво. — Милл-Хаус, если знаете.

— Это не там, где... — произнесла я нерешительно. (Право, нерешительная речь становится моей сильной стороной)

— Вот именно! Где произошло убийство. Но, может быть, вы не хотите...

— О, не думаю, что мне следует опасаться, — сказала я с таким видом, будто шучу. Я полагала, что мои честные намерения были вполне доказаны. — И, вероятно, при нынешних обстоятельствах я смогу снять его за меньшие деньги.

Мастерский штрих, по-моему.

— Пожалуй, это возможно. Не стоит делать вид, что его будет легко сдать теперь — возникнет проблема слуг и всякое такое, вы понимаете. Если вам понравится там, я бы посоветовал предложить свою цену. Выписать ордер?

— Пожалуйста.

Спустя четверть часа я была уже у сторожки Милл-Хауса. В ответ на мой стук дверь распахнулась, и оттуда буквально выскочила женщина средних лет.

— Никому нельзя входить в дом, вы слышите? Надоели мне вы, репортеры. Сэр Юстас приказал...

— Я полагала, что дом сдается, — сказала я холодно, протягивая свой ордер. — Конечно, если его уже сняли...

— О, прошу прощения, мисс. Меня совсем измучили эти газетчики. Ни минуты покоя. Нет, дом не сдан и похоже, теперь и не будет сдан.

— Испортилась канализация? — спросила я тревожным шепотом.

— О, господи, мисс, канализация в порядке! Но вы, конечно, слышали об этой иностранке, которую прикончили здесь?

— Кажется, я действительно что-то читала в газетах, — сказала я небрежно.

Мое безразличие задело добрую женщину. Если бы я выдала свою заинтересованность, она, весьма вероятно, закрылась бы, как устрица. А так я ее здорово расшевелила.

— Еще бы, мисс! Об этом было во всех газетах. «Дейли баджет» все еще охотится за тем человеком. По их мнению, наша полиция никуда не годится. Ну, я надеюсь, они его поймают, хотя он, по правде говоря, был молодой человек приятной наружности. В нем было что-то военное — ну, да, я полагаю, он был ранен на войне. Иногда они потом немного странно ходят; так было с сыном моей сестры. Уж эти испорченные иностранцы — наверное, она с ним плохо обошлась. Хотя она произвела впечатление приличной женщины. Стояла как раз там, где вы сейчас стоите.

— Волосы у нее были темные или светлые? — рискнула я. — Из газетных описаний это непонятно.

— Темные волосы и очень белое лицо — слишком белое, чтобы быть естественным, отчего губы казались ужасно красными. Мне так не

нравится. Немного пудры время от времени — совсем другое дело.

Теперь мы беседовали как старые друзья. Я задала еще один вопрос.

— Казалась ли она взволнованной или вообще расстроенной?

— Нисколько. Она улыбалась так, как будто ее что-то позабавило. Вот почему я была так ошеломлена, когда на следующий день эти люди выбежали из дома, вызвали полицию и заявили, что там произошло убийство. Я никогда не привыкну к этому и ни за что не войду в тот дом, когда темно. Что вам сказать, я не осталась бы здесь в сторожке, если бы сэр Юстас не умолил меня на коленях.

— Я считала, что сэр Юстас Педлер в Канне?

— Он и был там, мисс. Он вернулся в Англию, как услышал новости, а что до колен, то это преувеличение.

Его секретарь мистер Пейджет предложил нам двойную плату, чтобы мы остались, ну а в наши дни деньги есть деньги, как говорит мой Джон.

Я охотно согласилась с отнюдь не оригинальным замечанием Джона.

— Теперь о молодом человеке, — сказала миссис Джеймс, неожиданно возвращаясь к прежней теме разговора — Он был расстроен Его глаза, а они у него были светлые, я хорошо их рассмотрела, прямо блестя. Он взволнован, подумала я. Но ничего дурного и в голову не пришло. Даже когда он вернулся и его вид показался мне странным.

— Долго он пробыл в доме?

— Недолго, может быть, минут пять.

— Как вы думаете, какого он был роста? Около шести футов?

— Может быть.

— Вы говорите, он был чисто выбрит?

— Да, мисс, у него не было даже усиков.

— А его подбородок вообще лоснился? — спросила я под влиянием неожиданного импульса.

Миссис Джеймс уставилась на меня в благоговейном страхе.

— Теперь, когда вы его упомянули, мисс, я припоминаю, что оно так и было. Откуда вы узнали?

— Довольно странно, но у убийц часто подбородки лоснятся, — объяснила я наугад.

Миссис Джеймс приняла мое заявление с полным доверием.

— Надо же, мисс. Я никогда раньше не слышала о таком.

— Вы, верно, не заметили, какой формы у него голова?

— Самой обычной, мисс. Я схожу за ключами для вас?

Я взяла их и направилась к Милл-Хаусу. До сих пор мои поиски шли успешно. Я поняла, что различия между человеком, описанным миссис

Джеймс, и моим «доктором» из подземки были несущественными. Пальто, борода, очки в золотой оправе. «Доктор» казался человеком средних лет, но я вспомнила, что он наклонился над телом погибшего с легкостью молодого. Его гибкость свидетельствовала о молодых суставах.

Жертва несчастного случая («нафталиновый человек», как я называла его про себя) и иностранка, миссис де Кастина, не знаю, было ли это ее настоящее имя, назначили тайную встречу в Милл-Хаусе. Я попыталась восстановить всю картину. Или потому, что боялись слежки, или по какой-то иной причине, они выбрали довольно оригинальный путь — оба получили ордер на осмотр одного и того же дома. Таким образом, их встреча должна была выглядеть чисто случайной.

«Нафталиновый человек» внезапно заметил «доктора», что явилось для него полной неожиданностью и встревожило — это еще один факт, в котором я была совершенно уверена. Что произошло дальше? «Доктор» сбросил свой маскарадный костюм и направился за женщиной в Марлоу. Однако, возможно, в спешке он не до конца стер театральный клей с подбородка. Отсюда мой вопрос миссис Джеймс.

Погруженная в свои мысли, я подошла к низкой старинной двери Милл-Хауса. Открыв ее ключом, я вошла внутрь. Холл был небольшой и темный, пахло заброшенностью и плесенью. Я невольно вздрогнула. Хотелось бы знать, неужели женщина, которая несколько дней назад пришла сюда, «улыбаясь себе», не ощутила холодок предчувствия, войдя в дом? Исчезла ли улыбка с ее губ и сжал ли сердце безотчетный страх? Или она пошла наверх, все еще улыбаясь, не сознавая, что рок так скоро настигнет ее? Мое сердце забилося учащенно. Был ли дом действительно пуст? Не ждала ли меня здесь и моя судьба? Впервые я поняла значение затасканного слова «атмосфера». В этом доме была атмосфера жестокости, опасности, зла.

Глава VII

Поборов гнетущее чувство, я быстро поднялась вверх. Без труда нашла комнату, где произошла трагедия. В тот день, когда было обнаружено тело, шел противный дождь, и ничем не покрытый пол был сильно затоптан. Я хотела знать, не оставил ли убийца каких-либо следов накануне. Полиция, вероятно, умолчала бы о них, если бы что-нибудь обнаружила, однако, поразмыслив, я решила, что это маловероятно. Погода тогда была прекрасная, сухая.

В комнате не было ничего интересного. Почти квадратная, с двумя большими «фонарями», гладкими белыми стенами и голым полом; доски по краям, куда раньше не доставал ковер, были крашенные. Я старательно обыскала ее, но не нашла ничего, кроме шпильки. Похоже, что талантливому молодому сыщику не удалось обнаружить ключ к разгадке.

Я взяла с собой карандаш и записную книжку. Особенно записывать было нечего, но я добросовестно сделала общий набросок комнаты, чтобы скрыть разочарование по поводу моих неудачных поисков. Когда я опускала карандаш обратно в сумку, он выскользнул у меня из руки и покатился по полу.

Милл-Хаус был действительно стар, и полы здесь очень неровные. Карандаш катился все быстрее и быстрее, пока не остановился под одним из окон. Около каждого окна стоял широкий диван, в нижней части которого находился шкафчик. Мой карандаш лежал как раз у дверцы шкафчика. Она была закрыта, но мне вдруг пришло в голову, что, если бы она распахнулась, то карандаш закатился бы внутрь. Я открыла дверцу, карандаш немедленно вкатился в шкафчик и скромно притаился в дальнем углу. Я вытащила его, отметив при этом, что из-за недостатка света и своеобразной формы шкафчика карандаш невозможно было увидеть, и его пришлось нащупывать. Не считая моего карандаша, в шкафчике ничего не было, но, будучи дотошной по натуре, я залезла и в тот, что находился напротив.

На первый взгляд он показался пустым, но я упорно продолжала поиски и была вознаграждена — моя рука наткнулась на твердый бумажный цилиндр, который лежал в каком-то желобке или углублении в дальнем углу шкафчика. Как только вещь очутилась у меня в руке, я уже знала, что это такое. Катушка с кодаковской пленкой. Находка!

Я, конечно, прекрасно понимала, что она могла быть старой катушкой,

принадлежавшей сэру Юстасу Педлеру, закатившейся сюда и не обнаруженной, когда шкафчик освобождали. Но думала я иначе. Красная обертка выглядела слишком новой. На ней лежал тонкий слой пыли, как будто она пролежала здесь два или три дня, то есть со дня убийства. Если бы она лежала там долго, ее покрывала бы густая пыль.

Кто же уронил ее? Женщина или мужчина? Я припомнила, что содержимое ее сумочки казалось нетронутым. Если бы она открылась во время борьбы и катушка с пленкой выпала, какие-нибудь мелкие деньги тоже, конечно, рассыпались бы. Нет, пленку уронила не женщина.

Вдруг я почувствовала подозрительный запах и принялась. Неужели запах нафталина начал преследовать меня? Я могла поклясться, что катушка с пленкой тоже пахла им. Я поднесла ее к носу. Она, как обычно, имела собственный сильный запах, но помимо него я могла ясно различить и другой, который я так не любила. Вскоре я нашла, в чем причина. Крошечный клочок одежды зацепился за шершавый внутренний край деревянной катушки, и этот клочок был пропитан нафталином. Когда-то пленка находилась в кармане пальто человека, погибшего в подземке. Может быть, именно он уронил пленку здесь? Едва ли. Его перемещения были хорошо известны. Нет, это другой человек, «доктор». Он вытащил пленку вместе с бумажкой. А потом выронил пленку здесь, когда боролся с женщиной!

Я нашла ключ! Отдам пленку проявить, а затем займусь дальнейшими выводами.

Окрыленная, я покинула дом, вернула ключи миссис Джеймс и направилась как можно быстрее на станцию. По дороге в город я вытащила мою бумажку и стала ее снова изучать. Вдруг цифры приобрели иной смысл. А что если они означают дату? 17.01.22. 17-го января 1922 года. Конечно, так и должно быть! Какая я идиотка, что не подумала об этом раньше. Однако в таком случае я обязана выяснить местонахождение Килморденского замка, так как сегодня было уже 14-е января. Осталось три дня. Совсем мало — почти безнадежно, когда не имеешь представления, где искать!

Было слишком поздно, чтобы отдать мою пленку в тот же день. Я поспешила домой на Кенсингтон-сквер, дабы не опоздать к обеду. Сообразив, что можно легко проверить правильность некоторых моих умозаключений, я поинтересовалась у мистера Флемминга, не было ли фотоаппарата среди вещей погибшего мужчины. Я знала, что мистер Флемминг интересовался этим делом и был осведомлен обо всех деталях.

К моему удивлению и досаде, он ответил, что фотоаппарата не было.

Все пожитки Картона изучили самым внимательным образом в надежде обнаружить что-нибудь, что могло бы пролить свет на его душевное состояние. Мистер Флемминг был уверен, что у погибшего не было никакого фотоаппарата.

Это, в общем-то, противоречило моей версии. Если у него не было фотоаппарата, зачем он носил с собой пленку?

На следующий день рано утром я отправилась отдать проявить мою драгоценную пленку. Я так волновалась, что прошла пешком весь путь до большой мастерской фирмы «Кодак» на Риджент-стрит. Я вручила свою пленку и попросила отпечатать каждый кадр. Служащий кончил складывать кучу пленок, упакованных в желтые жестяные цилиндрики, предназначенные для тропиков, и взял мою пленку.

Он посмотрел на меня.

— Думаю, вы ошиблись, — сказал он, улыбаясь.

— О, нет, — сказала я. — Я уверена, что не ошиблась.

— Вы дали мне не ту пленку. Эта не отснята.

Я вышла из мастерской, стараясь сохранить чувство собственного достоинства. Все-таки полезно время от времени представлять себе, каким можно быть идиотом! Однако никто от этого не получает удовольствия.

А потом, как раз когда я проходила мимо конторы крупной паровой компании, что-то меня внезапно остановило. В витрине была выставлена красивая модель одного из судов компании. Оно называлось «Кенииуорд касл»^[1]. Случайная идея пронеслась у меня в голове. Я толкнула дверь и вошла. Подойдя к стойке, я пробормотала, запинаясь (на сей раз неподдельно!):

— «Килморден касл»?

— 17-го из Саутгемптона. До Кейптауна? Первым классом или вторым?

— Сколько стоит билет?

— Первый класс — восемьдесят семь фунтов...

Я прервала его. Совпадение было слишком явным. Как раз величина моего наследства! Я поставила на карту все.

— Первый класс, — сказала я.

Теперь уж меня наверняка ждут приключения.

Глава VIII

(Отрывки из дневника сэра Юстаса Педлера, депутата парламента)

Удивительное дело, но меня, кажется, никогда не оставляют в покое. Я человек, которому нравится спокойная жизнь. Я люблю мой клуб, мою партию в бридж, хорошую кухню, доброе вино. Я люблю Англию летом и Ривьеру зимой. У меня нет желания быть участником сенсационных событий. Иногда, расположившись близ уютного огня, я не прочь почитать о них в газете. Но большего мне не требуется. Цель моей жизни — полный комфорт. Я посвятил этому определенную долю усилий и значительные суммы денег. Но не могу сказать, что я всегда достигал цели. Если даже ничего не случается со мной, нечто происходит вокруг меня, и часто, помимо моей воли, я оказываюсь вовлеченным в какие-нибудь события. А я ненавижу быть вовлеченным.

Все произошло из-за того, что Ги Пейджет вошел утром в мою спальню с телеграммой в руке и с физиономией, мрачной, как у наемного участника похоронной процессии.

Ги Пейджет — мой секретарь, усердный, работающий человек, замечательный во всех отношениях. Но я не знаю никого, — кто раздражал бы меня больше. Долгое время я ломал себе голову над тем, как бы избавиться от него. Однако нельзя же уволить секретаря за то, что он предпочитает работу досугу, любит рано вставать и положительно лишен недостатков. Единственно забавное у него — это физиономия, физиономия отравителя XIV века — такого рода людей Борджиа держали для своих делишек.

Я бы не был так настроен против Пейджета, если бы он не заставлял работать и меня. В моем представлении к работе следует подходить легко и беззаботно, в сущности, шутя! Сомневаюсь, чтобы Ги Пейджет когда-нибудь шутил в своей жизни. Он все принимает всерьез. Вот почему с ним так трудно жить.

На прошлой неделе меня посетила блестящая мысль: отослать его во Флоренцию. Он говорил, что ему хотелось бы поехать туда.

«Мой дорогой, — вскричал я, — вы поедете завтра. Я оплачу все ваши расходы».

Январь — не сезон для поездки во Флоренцию, но Пейджету все

равно. Я представлял себе, как он ходит по городу с путеводителем в руке, благоговейно посещает все картинные галереи. И неделя свободы» обойдется мне совсем недорого.

Это была очаровательная неделя. Я делал все, что хотел, и ничего, что было бы мне не по вкусу. Однако приоткрыв глаза и различив Пейджета, стоявшего напротив окна в 9 утра, что было чересчур рано, я понял, что моей свободе пришел конец.

— Мой дорогой, — произнес я, — похороны уже состоялись или они назначены на более поздний срок?

Пейджет не воспринимает шуток, сказанных с невозмутимым видом. Он просто уставился на меня.

— Так вы знаете, сэр?

— Что знаю? — спросил я сердито. — По выражению вашего лица я заключил, что один из ваших ближайших и дражайших родственников должен быть предан земле сегодня утром.

Пейджет пропустил мою реплику мимо ушей, насколько это было возможно.

— Я думал, вы не можете быть в курсе дела. — Он постучал по телеграмме. — Я знаю, что вы не любите, когда вас будят рано, но уже девять часов, — Пейджет настоятельно считает 9 часов утра практически серединой дня, — и я полагал, что при данных обстоятельствах... — Он снова постучал по телеграмме.

— Что это такое? — спросил я.

— Телеграмма из полиции в Марлоу. В вашем доме убили женщину.

Сообщение окончательно пробудило меня.

— Какая колоссальная наглость! — воскликнул я. — Почему именно в моем доме? Кто убил ее?

— Они не сообщают. Вероятно, мы немедленно возвращаемся в Англию, сэр Юстас?

— Вам не следует так думать. Почему мы должны возвращаться?

— Полиция...

— Какое мне дело до полиции?

— Убийство произошло в вашем доме.

— Это, — сказал я, — кажется, скорее моя беда, чем моя вина.

Ги Пейджет мрачно покачал головой.

— Случившееся произведет очень неприятное впечатление на избирателей, — заметил он печально.

Не понимаю, почему так должно быть, но все же есть ощущение, что в подобных случаях Пейджет всегда прав. На первый взгляд депутата

парламента совершенно не касается ситуация, когда бездомная молодая женщина приходит и дает себя убить в принадлежавшем ему пустом доме, но вы при этом не учитываете реакции почтенной британской публики.

«Кроме того, она иностранка, что еще хуже», — мрачно продолжал Пейджет.

Думаю, он опять прав. Если убийство женщины в вашем доме подрывает вашу репутацию, то дело становится еще более сомнительным, если она иностранка. Вдруг меня поразила другая мысль.

«Боже мой! — воскликнул я. — Надеюсь происшедшее не выведет из душевного равновесия Каролину».

Каролина — дама, которая мне готовит. Между прочим, она жена моего садовника. Какая она жена, мне неизвестно, но кухарка — превосходная. Джеймс, напротив, плохой садовник, но я разрешаю ему бездельничать и предоставляю сторожку для жилья исключительно ради стряпни Каролины.

— Не думаю, что она теперь захочет остаться, — сказал Пейджет.

— Вы всегда умели меня ободрить, — заметил я.

Кажется, придется возвращаться в Англию. Пейджет явно имеет это в виду. А кроме того, нужно еще успокоить Каролину.

Три дня спустя

Мне кажется невероятным, что люди, имеющие возможность покинуть Англию зимой, остаются здесь! Климат просто отвратительный. Как надоели эти хлопоты. Агенты по сдаче домов говорят, что теперь, после всей шумихи, будет практически невозможно сдать Милл-Хаус. Каролину удалось успокоить, предложив двойное жалованье. Мы могли бы с тем же успехом послать ей телеграмму из Канна. В сущности, как я и утверждал все время, нам совершенно ни к чему было приезжать. Завтра я отправляюсь обратно.

День спустя

Произошло несколько весьма удивительных событий. Начнем с того, что я встретил Огастаса Милрея, наиболее совершенный образец старого осла, представленный в нынешнем правительстве. С дипломатической скрытностью он отозвал меня в клубе в тихий уголок. Он много говорил о Южной Африке и промышленной ситуации там. Об усиливающихся слухах о забастовке на Ранде. О ее тайных мотивах. Я слушал как мог терпеливо. Наконец он перешел на шепот и сообщил, что есть некие документы, которые необходимо передать в руки генерала Смэтса^[2].

— Несомненно, вы совершенно правы, — сказал я, подавляя зевоту.

— Но как мы ему их доставим? Наше положение в этом деле очень щекотливое.

— Разве почта не подойдет? — спросил я бодро. — Наклейте на пакет марку за два пенни и опустите его в ближайший почтовый ящик.

Мое предложение, кажется, весьма шокировало его.

— Мой дорогой Педлер! Послать обычной почтой! Для меня всегда было тайной, зачем правительство нанимает королевских курьеров и уделяет такое внимание своим конфиденциальным документам.

— Если вам не нравится почта, пошлите одного из ваших молодых людей. Он получит удовольствие от поездки.

— Невозможно, — сказал Милрей, старчески покачав головой. — На то есть причины, мой дорогой Педлер, уверяю вас, есть причины.

— Что ж, — произнес я, вставая, — все это очень интересно, но мне надо идти...

— Одну минуту, мой дорогой Педлер, одну минуту, прошу вас. Скажите мне по секрету, разве вы сами вскоре не собираетесь посетить Южную Африку? У вас обширные интересы в Родезии, я знаю, а вопрос о ее вступлении в Союз живо интересует вас.

— Да, я думал поехать туда примерно через месяц.

— Не могли бы вы перенести отъезд на более ранний срок? На этот месяц. А лучше на эту неделю.

— Могу, — сказал я, разглядывая его с некоторым любопытством, — Но мне не кажется, что я испытываю подобное желание.

— Вы оказали бы правительству большую услугу, очень большую услугу. И оно.., не останется в долгу.

— Вы хотите сказать, что я должен сыграть роль почтальона?

— Вот именно. Вы не занимаете официального положения. Ваша поездка будет выглядеть естественно. Все пройдет замечательно.

— Что ж, — сказал я в раздумье, — не возражаю.

Единственно чего мне очень хочется, так это как можно скорее снова

выбраться из Англии.

— Вы найдете климат Южной Африки восхитительным, просто восхитительным.

— Мой дорогой, мне все известно о ее климате. Я был там незадолго до войны.

— Премного вам обязан, Педлер. Я пришлю вам пакет с курьером. Передайте в собственные руки генерала Смэтса, понимаете? «Килморден касл» отплывает в субботу, это весьма приличное судно.

Я немного прошел с ним вместе по Пэлл-Мэлл перед тем, как мы расстались. Он с жаром потряс мне руку и опять экспансивно поблагодарил меня. Я отправился домой, размышляя об окольных путях правительственной политики.

Следующим вечером Джарвис, мой дворецкий, сообщил мне, что некий джентльмен хочет видеть меня по личному делу, но отказывается назвать свое имя. Я всегда быстро узнаю назойливых страховых агентов, поэтому велел Джарвису сказать, что не могу принять его. К сожалению, Ги Пейджет, который в виде исключения был действительно нужен, лежал в постели с приступом холецистита Эти усердные молодые люди со слабыми желудками всегда подвержены таким приступам.

Джарвис вернулся.

«Джентльмен просил сказать вам, сэр Юстас, что он от мистера Милрея».

Дело предстало в другом свете. Через несколько минут я принимал моего посетителя в библиотеке. Это был крепкий, сильно загорелый молодой человек. От уголка глаза через всю щеку по диагонали спускался шрам, портивший красивые, хотя и несколько резкие, черты его лица.

— Да, — сказал я, — что вам угодно?

— Мистер Милрей прислал меня к вам, сэр Юстас. Я буду сопровождать вас в Южную Африку в качестве секретаря.

— Мой дорогой друг, — сказал я, — у меня уже есть секретарь. Другой мне не нужен.

— А я думаю, нужен, сэр Юстас. Где сейчас ваш секретарь?

— Он лежит внизу с приступом холецистита, — объяснил я.

— Вы уверены, что дело только в этом?

— Разумеется. У него бывают такие приступы.

Мой гость улыбнулся.

— Может быть, у него приступ, а может быть, и нет. Время покажет. Однако могу сказать вам, сэр Юстас, мистер Милрей не будет удивлен, если вашего секретаря попытаются убраться с дороги. О, за себя вы можете не

опасаться, — полагаю, на моем лице мелькнула тень тревоги, — вам ничего не угрожает. Но если ваш секретарь выйдет из игры, до вас легче будет добраться. В любом случае мистер Милрей хочет, чтобы я сопровождал вас. Мою поездку мы, разумеется, оплатим, но вам надо позаботиться о паспорте, заявив, что нуждаетесь в услугах второго секретаря.

Он казался решительным молодым человеком. Мы пристально посмотрели друг на друга, и он заставил меня опустить глаза.

— Очень хорошо, — сказал я вяло.

— Никому ничего не говорите о том, что я поеду с вами.

— Очень хорошо, — повторил я.

В конце концов, наверное, лучше было бы взять этого парня с собой, однако у меня было предчувствие, что я попадаю в беду. Как раз тогда, когда я считал, что обрел покой!

Я остановил моего гостя, повернувшегося, чтобы уйти.

— Было бы неплохо, если бы я узнал имя моего нового секретаря, — заметил я саркастически.

Он поразмышлял с минуту.

— Гарри Рейберн, кажется, вполне подходящее имя, — сказал он.

Любопытная манера представляться.

— Очень хорошо, — повторил я в третий раз.

Глава IX

(Продолжение рассказа Энн)

Морская болезнь — вещь совершенно недостойная героини. В книгах чем больше качка, тем она ей больше нравится. Когда все остальные больны, она одна бродит по палубе, бросая вызов стихии, и просто наслаждается штормом. К сожалению, должна сказать, что при первых признаках качки я побледнела и поспешила вниз. Меня встретила симпатичная горничная. Она предложила мне сухих тостов и имбирного пива.

Три дня я простонала в своей каюте, забыв про свои поиски. Я не проявляла больше никакого интереса к разгадыванию тайн. Я была совсем не та Энн, что, ликуя, примчалась на Кенсингтон-сквер из конторы пароходной компании.

Теперь я улыбаюсь при воспоминании о том, как ворвалась в гостиную. Миссис Флемминг сидела там одна. Она повернулась, когда я вошла.

— Это вы, Энн, дорогая? Я хочу кое-что обсудить с вами.

— Да? — сказала я, едва скрывая свое нетерпение.

— Мисс Эмери уходит от меня. — Мисс Эмери была экономкой. — Поскольку вам пока не удалось найти ничего подходящего, я подумала — может быть, вы захотите — было бы так мило, если бы вы остались с нами насовсем.

Я была тронута. Она не нуждалась во мне, я знала это. Она сделала свое предложение исключительно из христианского милосердия. Я ощутила раскаяние за то, что втайне осуждала ее. Повинуясь порыву, я подбежала к ней и обвила руками ее шею.

— Вы милая! — воскликнула я. — Милая, милая, милая! И большое вам спасибо. Но все устроилось. В субботу я еду в Южную Африку.

Моя неожиданная выходка поразила добрую женщину. Она не привыкла к внезапным проявлениям чувства. А мои слова удивили ее еще больше.

«В Южную Африку? Моя дорогая Энн, вы должны относиться к подобным вещам с большой осторожностью».

Этого я желала в последнюю очередь. Я объяснила, что уже взяла

билет на пароход и по приезде надеюсь получить место горничной. Ничего другого мне тогда в голову не пришло. В Южной Африке, сказала я, большой спрос на горничных. Я заверила миссис Флемминг, что способна позаботиться о себе, и в конце концов, со вздохом облегчения от того, что она сбывает меня с рук, она согласилась с моим планом без дальнейших расспросов. При расставании она сунула мне в руку конверт. Внутри я обнаружила пять новеньких хрустящих пятифунтовых купюр и записку, в которой говорилось: «Я надеюсь, что вы не обидитесь и примете это с моей любовью». Она была очень хорошей, доброй женщиной. Я не могла бы продолжать жить с ней в одном доме, но признала достоинства ее души.

Итак, с двадцатью пятью фунтами в кармане я смело смотрела на мир и продолжала искать приключений.

Только на четвертый день горничная наконец уговорила меня подняться на палубу. Внушив себе, что внизу я умру быстрее, я упрямо отказывалась покинуть мою койку. А теперь меня соблазнило приближение Мадейры. В моей душе родилась надежда. Можно сойти на берег и стать горничной на Мадейре. Я отдала бы все ради суши.

Закутанную в пальто и пледы и слабую, как только что родившийся котенок, меня вытащили наверх и поместили мою инертную массу в шезлонг. Я лежала в нем, закрыв глаза, испытывая чувство ненависти к жизни. Корабельный эконом, светловолосый молодой человек с круглым мальчишеским лицом, присел ко мне.

— Привет! Немного жаль себя, да?

— Да, — ответила я, ненавидя его.

— Через день или два вы себя не узнаете. В заливе была довольна противная качка, но впереди нас ждет приятная погода. Завтра мы с вами займемся метанием колец в цель.

Я ничего не ответила.

«Думаете, что никогда уже не поправитесь, а? Но я видел людей, которым было много хуже, чем вам, а два дня спустя они уже были душой общества на нашем судне. То же будет и с вами».

Я не чувствовала в себе достаточно решительности, чтобы сказать ему, что он лжет, но постаралась передать это взглядом. Он мило поболтал еще несколько минут и наконец оставил меня одну. Люди приходили и уходили, оживленные пары «совершали моцион», дети шалили, молодые люди смеялись. Несколько других бледных страдалцев, подобно мне, лежали в шезлонгах.

Воздух был свежий, бодрящий, но не слишком холодный, солнце ярко светило. Невольно я слегка приободрилась и начала осматриваться. Одна

женщина привлекла мое особое внимание. Ей было около тридцати, круглолицая блондинка с ямочками на щеках и яркими голубыми глазами. Ее одежда, хотя и совершенно простая, несла на себе тот неизъяснимый отпечаток, который свидетельствовал о парижском происхождении. Кроме того, своими приятными, но властными манерами она производила впечатление хозяйки судна.

Палубные стюарды носились взад-вперед, выполняя ее указания. У нее был особый шезлонг и, по-видимому, неисчерпаемый запас подушек. Она трижды заставляла переставлять свой шезлонг. Но при этом оставалась очаровательной. Она казалась одним из тех редких в мире людей, которые знают, чего хотят, заботятся о получении желаемого и способны добиться своего, никого не обижая. Я решила, что, если когда-нибудь поправлюсь — хотя, конечно, этого не произойдет, — мне будет приятно поговорить с ней.

Мы прибыли на Мадейру примерно в полдень. Я была еще слишком вялой, чтобы двигаться, но наслаждалась видом живописных местных торговцев, поднявшихся на борт и разложивших свои товары на палубе. Там были и цветы. Я зарылась лицом в огромный букет сладко пахнущих мокрых фиалок и почувствовала себя определенно лучше. В сущности, подумалось мне, я, вероятно, могла бы выдержать поездку до конца. Когда горничная заговорила о достоинствах бульона из молодого цыпленка, я возразила ей, но слабо. Когда его принесли, я поела с удовольствием.

Привлекшая меня женщина была на берегу. Она вернулась в сопровождении высокого темноволосого человека с военной выправкой. Еще раньше я заметила его вышагивающим по палубе. Я тут же сочла его одним из сильных молчаливых родезийцев. Ему было около сорока, начинающие седеть виски оттеняли бронзовое лицо. Он был явно самым красивым мужчиной на судне.

Когда горничная принесла мне еще один плед, я спросила, не знает ли она, кто эта привлекательная женщина.

«Известная светская дама, почтенная миссис Кларенс Блейр. Вы, должно быть, читали о ней в газетах».

Я кивнула, посмотрев на нее с удвоенным интересом. Миссис Блейр действительно пользовалась очень большой популярностью как одна из самых модных женщин наших дней. Мне было немного забавно видеть, что она стала центром повышенного внимания. Несколько человек попытались навязаться к ней в знакомые с бесцеремонностью, допустимой на судне. Я восхитилась тем, как вежливо миссис Блейр их осадила. По-видимому, она выбрала сильного молчаливого мужчину в качестве единственного кавалера, и он, кажется, по достоинству оценил оказанное ему

предпочтение.

На следующее утро, сделав несколько кругов по палубе со своим предупредительным спутником, к моему удивлению, миссис Блейр остановилась возле моего шезлонга.

— Сегодня вам лучше?

Я поблагодарила ее и ответила, что чувствую себя немного лучше и становлюсь более похожей на человека.

— Вчера вы действительно выглядели больной. Полковник Рейс и я решили, что нас ждет волнующее событие — похороны в море, однако вы нас разочаровали.

Я рассмеялась.

— Мне помог воздух.

— Ничто не помогает лучше, чем свежий воздух, — сказал полковник Рейс, улыбаясь.

— Пребывание в этих душных каютах может убить кого угодно, — заявила миссис Блейр, опускаясь в шезлонг подле меня и легким кивком отпуская своего кавалера. — Ваша каюта, надеюсь, расположена с внешней стороны?

Я покачала головой.

— Моя дорогая девочка! Почему вы не поменяли ее? Ведь полно свободных кают. Многие сошли на Мадейре, и судно полупустое. Поговорите с экономом. Он милый мальчик — предоставил мне прекрасную новую каюту, так как мне не нравилась прежняя. Поговорите с ним, когда спуститесь к ланчу.

При мысли об этом я содрогнулась.

— Я не могу пошевелиться.

— Не будьте глупышкой. Вставайте и погуляйте со мной.

Она ободряюще улыбнулась мне. Сперва я, ощущала большую слабость в ногах, но, пройдя несколько раз взад и вперед, почувствовала, что оживаю.

После одного или двух кругов по палубе к нам снова присоединился полковник Рейс:

— Вы сможете увидеть большую вершину Тенерифе с другой стороны.

— Правда? Как вы думаете, смогу я сфотографировать?

— Нет, но это не удержит вас от того, чтобы пощелкать ее.

Миссис Блейр рассмеялась.

— Вы злой. Некоторые из моих фотографий очень хороши.

— Правда, годными у вас выходят только около трех процентов.

Мы перешли на другую сторону. Там, окутанная нежной розовой дымкой, сверкала заснеженная вершина. У меня вырвалось восторженное восклицание. Миссис Блейр побежала за своей камерой.

Невзирая на саркастические замечания полковника Рейса, она энергично щелкала аппаратом:

— Вот и конец пленки. О, боже, — произнесла она огорченно, — я все время снимала со вспышкой.

— Мне всегда нравится видеть ребенка с новой игрушкой, — пробормотал полковник.

— Какой вы противный... Но у меня есть другая пленка.

Миссис Блейр торжественно достала ее из кармана свитера. Однако от внезапной качки она потеряла равновесие и, хватаясь за поручень, выронила пленку, и та упала вниз.

— О! — вскрикнула миссис Блейр с комическим испугом и перегнулась через поручень. — Вы думаете, пленка упала за борт?

— Нет, вы достаточно везучи, чтобы разmozжить голову несчастному стюарду на нижней палубе.

Маленький мальчик, незаметно подошедший к нам сзади на несколько шагов, оглушительно протрубил в горн.

— Ланч, — восторженно объявила миссис Блейр. — Я с завтрака ничего не ела, кроме двух чашек бульона. Пойдемте на ланч, миссис Беддингфелд?

— Что ж, — сказала я задумчиво. — Я действительно проголодалась.

— Великолепно. Вы сидите за столом эконома, я знаю. Попробуйте уговорить его насчет каюты.

Я спустилась в салон, начала есть потихоньку, но к концу ланча поглотила огромное количество пищи. Мой вчерашний приятель поздравил меня с выздоровлением. Сегодня, по его словам, все меняли каюты, и он обещал, что мои вещи будут без промедления перенесены в каюту на внешней стороне.

За нашим столом сидели только четверо пассажиров: я, две пожилые дамы и миссионер, много говоривший о «наших бедных черных братьях».

Я огляделась вокруг. Миссис Блейр сидела за столом капитана. Полковник Рейс рядом с ней. По другую сторону от капитана сидел седой мужчина с запоминающейся внешностью. Очень многих я заметила еще на палубе, но один человек раньше нигде не появлялся. Если бы он где-нибудь появился, то вряд ли мог ускользнуть от моего внимания. Он был высокий и темноволосый, меня просто поразило зловещее выражение его лица. Я спросила эконома с некоторой долей любопытства, кто этот человек.

«Вон тот? Секретарь сэра Юстаса Педлера. Бедняга очень страдал от морской болезни и до сих пор не выходит из каюты Сэр Юстас взял с собой двух секретарей, и море не пощадило обоих. Другой парень еще не пришел в себя. А этого зовут Пейджет».

Итак, на борту находился сэр Юстас Педлер, владелец Милл-Хауса. Возможно, всего лишь совпадение, и все же.

— А вот и сам сэр Юстас, — продолжал мой информатор, — сидит рядом с капитаном. Напыщенный старый осел.

Чем больше я изучала физиономию секретаря, тем она мне меньше нравилась. Ее ровная бледность, скрытные глаза с набрякшими веками, странно приплюснутая голова — все вызывало у меня отвращение и рождало мрачные предчувствия.

Выйдя из салона одновременно с ним, я пошла следом на верхнюю палубу. Он разговаривал с сэром Юстасом, и я невольно услышала несколько фраз.

— Тогда я сейчас же позабочусь о каюте, хорошо? В вашей невозможно работать из-за этих чемоданов.

— Мой дорогой друг, — отвечал сэр Юстас. — Моя каюта предназначена, во-первых, для того, чтобы я в ней спал и, во-вторых, чтобы я в ней одевался, если сумею. У меня никогда не было ни малейшего намерения позволить вам оккупировать ее и стучать там на вашей проклятой пишущей машинке.

— Именно об этом я и говорю, сэр Юстас, должно же у нас быть какое-то место для работы...

Здесь я рассталась с ними и пошла вниз, чтобы посмотреть, продвигается ли мой переезд. Я застала стюарда складывающим вещи.

— Чудесная каюта, мисс. На палубе «Д», номер 13.

— О, нет! — вскрикнула я. — Только не 13.

13 — единственное, к чему я питаю суеверное предубеждение. Это была хорошая каюта. Я осмотрела ее, поколебалась, но глупое суеверие возобладало. Я почти плача обратилась к стюарду.

— Нет ли какой-нибудь другой каюты, которую я могу занять?

Стюард задумался.

— Есть каюта номер 17 по правому борту. Сегодня утром она была не занята, но, мне кажется, ее уже кому-то предназначили. Все же, поскольку вещи того джентльмена еще не перенесли и джентльмены совсем не так суеверны, как дамы, полагаю, что он не будет возражать против обмена.

Я с благодарностью приняла предложение, и стюард отправился за разрешением эконома. Вернулся он, посмеиваясь.

— Все в порядке, мисс. Мы можем переезжать.

Он повел меня в 17-ю. Она была не такой большой, как 13-я, но я нашла ее в высшей степени подходящей.

— Я сейчас же принесу ваши вещи, мисс, — сказал стюард.

Но в этот момент в дверях появился человек со зловещим лицом (как я прозвала его про себя).

— Простите меня, — сказал он, — но эта каюта отведена для сэра Юстаса Педлера.

— Все в порядке, сэр, — объяснил стюард. — Вам предоставляется номер 13 взамен.

— Нет, я должен получить номер 17.

— 13-я каюта лучше, сэр, — она больше.

— Я специально выбрал каюту номер 17, и эконоом сказал, что я могу занять ее.

— Извините, — произнесла я холодно. — Но 17-я отдана мне.

— Не могу с этим согласиться. В разговор вмешался стюард.

— Другая каюта точно такая же, только больше.

— Мне нужна 17-я.

— В чем тут дело? — раздался новый голос. — Стюард, принесите сюда мои вещи. Это моя каюта.

То был мой сосед за ланчем, преподобный Эдвард Чичестер.

— Прошу прощения, — сказала я. — Это моя каюта.

— Она предназначена для сэра Юстаса Педлера, — заявил мистер Пейджет.

Мы все начинали горячиться.

— Мне жаль, но я должен оспорить ваше утверждение, — произнес Чичестер со смиренной улыбкой, которая не могла скрыть его решимости добиться своего. Я замечала, что кроткие люди всегда упрямы.

Он боком протиснулся в дверь.

— Вы можете занять номер 28 по левому борту, — сказал стюард. — Очень хорошая каюта, сэр.

— Боюсь, я должен настоять на своем. Каюта номер 17 была обещана мне.

Мы зашли в тупик. Каждый из нас решил не уступать. Откровенно говоря, я, по крайней мере, могла бы выйти из игры и облегчить дело, согласившись занять каюту номер 28. Уж если я не вселялась в каюту номер 13, было несущественно, какую другую мне предложат. Но я была раздражена. У меня не было ни малейшего намерения сдаться первой. И мне не нравился Чичестер. У него были вставные зубы, которые щелкали,

когда он ел. Многих людей ненавидели и за меньшее.

Мы все время вновь и вновь повторяли одно и то же. Стюард еще более энергично уверял нас, что две другие каюты лучше. Никто не обращал на него никакого внимания.

Пейджет начал выходить из себя. Чичестер оставался спокойным. Я также владела собой, хотя и не без труда. И все же никто не отступал ни на йоту.

Подмигивание стюарда и произнесенное им шепотом слово подсказали мне, как поступить. Я потихоньку покинула поле боя. К счастью, эконом мне встретился почти сразу же.

«О, пожалуйста, — попросила я. — Вы ведь сказали, что я могу занять 17-ю каюту? Но другие не хотят уходить. Мистер Чичестер и мистер Пейджет. Вы поможете мне, не правда ли?»

Я всегда говорила, что никто не проявляет к женщинам столько галантности, как моряки. Мой маленький эконом действовал с великолепной решительностью. Он прибыл на место действия и сообщил спорщикам, что каюта номер 17 — моя, они могут занять соответственно 13-ю и 28-ю или оставаться в своих прежних, как пожелают.

Я постаралась выразить взглядом, какой он герой, а затем стала устраиваться в своем новом владении. Стычка оказалась для меня очень полезной. Море было спокойным, погода с каждым днем становилась теплее. Морская болезнь осталась в прошлом!

Я поднялась на палубу, и меня посвятили в тайну метания колец в цель. Я записалась в списки желающих участвовать в различных спортивных состязаниях. Чай подали прямо на палубе, и я поела с аппетитом. После чая я играла в шавлбод^[3] с несколькими приятными молодыми людьми. Они были необычайно милы со мной.

Я чувствовала, что жизнь хороша и даже достойна восхищения.

Неожиданно раздался звук горна, приглашающего переодеться к обеду, и я поспешила в мою новую каюту. Меня ждала встревоженная горничная.

«В вашей каюте ужасный запах, мисс. Ума не приложу, что это может быть, но сомневаюсь, сможете ли вы здесь спать. Мне кажется, на палубе „Е“ есть свободная каюта. Вы можете переехать туда, хотя бы на одну ночь.

Действительно, запах был очень дурной, просто тошнотворный. Я сказала горничной, что обдумываю вопрос о переезде, пока передеваюсь. Одевалась я второпях, с отвращением приносиваясь.

Что же так пахло? Дохлая крыса? Нет, хуже и совсем по-другому. И все же запах был мне знаком! Это было нечто, встречавшееся мне раньше.

Нечто... А! Вспомнила. Асафетида^[4]. Во время войны я недолго работала в аптеке при госпитале и имела там дело с различными медикаментами с тошнотворным запахом. Точно, это была асафетида. Но каким образом...

Я опустилась на диван, неожиданно поняв, в чем дело. Кто-то подбросил немного асафетиды в мою каюту. Зачем? Чтобы я ее освободила? Почему они так хотят, чтобы я ушла? Я взглянула на дневную сцену под несколько иным углом зрения. Что такого было в 17-й каюте, отчего столько людей хотели ее заполучить? Две другие каюты были лучше; почему же оба мужчины упорно настаивали на 17-м номере?

«17». Как часто повторялась эта цифра. 17-го я отплыла из Саутгемптона. Именно в 17-ю... Вдруг у меня перехватило дыхание. Я быстро открыла чемодан и вытащила мою драгоценную бумажку, лежавшую в укромном уголке среди скатанных чулок.

17 1 22 — я принимала это за дату, дату отплытия «Килморден касла». Предположим, я ошиблась. Будет ли кто-нибудь, записывая дату, считать необходимым указывать год и месяц? Предположим, 17 означает номер 17? А 1? Время — один час. Тогда 22 должно быть датой. Я заглянула в свой маленький календарик. 22-е было завтра!

Глава X

Я очень разволновалась, уверенная, что наконец нашла на верный след. Было ясно: я не должна переезжать из этой каюты. Запах асафетиды надо вытерпеть. Я еще раз проанализировала известные мне факты.

Завтра 22-е и в 1 час ночи или 1 час дня что-то произойдет. Я остановилась на часе ночи. Сейчас было семь часов. Через шесть часов — я все узнаю.

Не понимаю, как я пережила тот вечер. Я ушла к себе в каюту довольно рано. Горничной сказала, что у меня насморк и запахи меня не беспокоят. Она все еще тревожилась, но я была непоколебима.

Вечер казался бесконечным. В должное время я легла спать, но, в ожидании непредвиденного, закуталась в плотный фланелевый халат, а на ноги надела шлепанцы. Одета таким образом, я чувствовала, что могу вскочить и принять активное участие в любых событиях, которые произойдут. Чего я ждала? Сама не знаю. Смутные фантазии, большей частью совершенно невероятные, проносились в моей голове. Но в одном я была твердо уверена: в час что-то случится.

Временами я слышала, как другие пассажиры готовятся ко сну. Обрывки разговоров, пожелания спокойной ночи долетали до меня сквозь открытую фрамугу. Затем наступила тишина. Большинство огней погасло, но в коридоре все еще горел свет, и поэтому у меня в каюте было довольно светло. Я услышала, как пробило восемь склянок^[5]. Следующий час показался мне самым длинным в моей жизни. Я потихоньку сверилась со своими часами, чтобы убедиться, что не пропустила назначенного времени.

Если мои выводы неверны, если в час ничего не случится, значит, я свалила дурака и потратила все свои деньги на какую-то иллюзию. Мое сердце мучительно билось.

Наверху пробило две склянки. Час! И ничего. Подождите.., что это? Я услышала быстрый легкий топот бегущих ног.., бегущих по коридору.

Затем с неожиданностью разорвавшегося снаряда дверь моей каюты распахнулась, и какой-то человек почти упал внутрь.

«Спасите меня, — прохрипел он. — Они гонятся за мной.»

Для возражений или объяснений не было времени. Снаружи слышались шаги. В моем распоряжении оставалось около сорока секунд. Я вскочила на ноги и оказалась лицом к лицу с незнакомцем на середине каюты.

В ней было не слишком много места, где можно было спрятать мужчину шести футов роста. Одной рукой я вытащила свой чемодан. Мужчина проскользнул на его место под койкой. Я подняла крышку чемодана. Одновременно другой рукой я опустила умывальную раковину. Ловкое движение, и мои волосы оказались скручены в крошечный узел на макушке. Я выглядела некрасиво, однако, если посмотреть с другой стороны, все получилось в высшей степени артистично. Дама с волосами, скрученными в малопривлекательный узел, достающая из чемодана кусок мыла, которым она, очевидно, собирается вымыть себе шею, едва ли может быть заподозрена в укрывательстве беглеца.

Раздался стук в дверь, и тут же, не дожидаясь моего «войдите», ее распахнули.

Не знаю, что я рассчитывала увидеть. Полагаю, что в моем смутном воображении мне представлялся мистер Пейджет, размахивающий револьвером. Или мой приятель миссионер с мешком песка, чтобы оглушить жертву, или с другим смертоносным оружием. Но я, разумеется, не предполагала увидеть ночную горничную, выглядевшую как воплощенная респектабельность.

— Прошу прощения, мисс, мне показалось, что вы меня вызывали.

— Нет, — сказала я, — я никого не вызывала.

— Извините, что побеспокоила вас.

— Ничего страшного, — сказала я. — Я не могла уснуть. Мне подумалось, что мне поможет умывание. — Это звучало так, будто я никогда не умываюсь.

— Простите, мисс, — повторила горничная. — Но здесь где-то ходит джентльмен, который пьян, и мы боимся, что он может войти в каюту какой-нибудь дамы и напугать ее.

— Какой ужас! — воскликнула я, притворяясь встревоженной. — Но он, не придет сюда, надеюсь?

— О, не думайте об этом, мисс. Если что, позвоните в звонок. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Я открыла дверь и выглянула в коридор. Кроме фигуры удаляющейся горничной, никого не было видно.

Пьяный! Так вот значит, в чем дело. Мои актерские способности были потрачены впустую. Я выдвинула чемодан еще немного и сказала язвительно: «Пожалуйста, сейчас же выходите».

Ответа не последовало. Я заглянула под койку. Мой гость лежал неподвижно. Кажется, он спал. Я потрясла его за плечо. Он не двигался.

— Мертвецки пьян, — подумала я с досадой — Что же мне делать?

Затем я увидела нечто, заставившее меня затаить дыхание, — небольшое алое пятно на полу.

Собрав все свои силы, я смогла вытащить этого человека из-под койки на середину каюты. Мертвенная бледность говорила о том, что он потерял сознание. Я достаточно легко установила причину его обморока. Его ударили ножом под левую лопатку, он получил опасную, глубокую рану. Я сняла с него пальто и принялась ее обрабатывать.

От жгучего прикосновения холодной воды он зашевелился, потом сел.

— Не шумите, пожалуйста, — попросила я.

Он был из тех молодых людей, которые очень быстро приходят в себя. С трудом поднявшись на ноги, он стоял, слегка покачиваясь.

— Не надо ничего делать для меня.

Он держался вызывающе, почти агрессивно. И ни слова благодарности!

— У вас опасная рана. Вы должны позволить мне перевязать ее.

— Вы ничего такого не сделаете.

Он бросил эти слова мне в лицо так, как будто я просила его об одолжении. Не отличаясь спокойным нравом, я разозлилась.

— Не могу поздравить вас с отличными манерами, — сказала я холодно.

— Я, по крайней мере, могу избавить вас от своего присутствия.

Он направился к двери, но его сильно шатнуло. Резким движением я толкнула его на диван.

— Не глупите, — сказала я бесцеремонно. — Вы же не хотите оставить кровавый след по всему судну, не так ли?

Кажется, до него дошел смысл моих слов, так как он спокойно сидел, пока я, как умела, бинтовала его рану.

— Ну, вот, — сказала я, слегка похлопывая по повязке, — пока придется этим ограничиться. Может быть, теперь вы в лучшем настроении и расположены рассказать мне, что же произошло?

— Мне жаль, что не могу удовлетворить ваше столь естественное любопытство.

— Почему нет? — спросила я огорченно. Он нехорошо улыбнулся.

— Если хочешь о чем-нибудь растрезвонить, Расскажи женщине. В противном случае держи язык за зубами.

— А вы не думаете, что я могла бы сохранить тайну?

— Не думаю, а знаю. Он поднялся на ноги.

— Так или иначе, — сказала я злорадно, — у меня будет возможность

немного пораспространяться о событиях сегодняшнего вечера.

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал он равнодушно.

— Как вы смеете! — гневно вскричала я.

Мы стояли лицом к лицу, глядя друг на друга со свирепостью заклятых врагов. Впервые я получила возможность изучить его внешность: коротко подстриженные темные волосы, узкие скулы, шрам на загорелой щеке, пытливые светло-серые глаза, смотревшие на меня с какой-то трудноописуемой безразличной насмешкой. В нем было что-то опасное.

«Вы не поблагодарите меня за то, что я спасла вам жизнь?» — притворно ласково сказала я.

Здесь мне удалось задеть его за живое. Я увидела, как он вздрогнул. Интуитивно я знала, что больше всего ему неприятно напоминание о том, что он обязан жизнью мне. Все равно. Я хотела причинить ему боль. Никогда я так не хотела сделать кому-нибудь больно.

— Господи, как бы я желал, чтобы вы меня не трогали! — вспыхнул он. — Лучше бы я умер, и со всем было бы покончено.

— Я рада, что вы признаете свой долг. Вам от него никуда не деться. Я спасла вашу жизнь и жду, что вы скажете «спасибо».

Если бы взгляды могли убивать, я думаю, в тот момент он бы убил меня. Он грубо оттолкнул меня. У двери он повернулся и произнес через плечо: «Я не буду благодарить вас ни сейчас, ни в будущем. Но я признаю свой долг. И когда-нибудь верну его».

Он ушел, а я осталась со сжатыми кулаками и сильно бьющимся сердцем.

Глава XI

Больше ничего особенного в ту ночь не произошло. На следующее утро я позавтракала в постели и встала поздно. Миссис Блейр окликнула меня, когда я поднялась на палубу.

— Доброе утро, цыганка. Присядьте здесь возле меня. Вы выглядите так, будто плохо спали.

— Почему вы меня так называете? — спросила я, послушно усаживаясь.

— Вам не нравится? Это прозвище, в общем, вам подходит. Я прозвала вас так про себя с самого начала. Именно цыганские черты делают вас столь непохожей на других. Я решила, что вы и полковник Рейс — единственные люди на борту, с которыми мне не будет скучно до смерти.

— Забавно, а я подумала то же о вас, только в моем случае это более понятно. Вы.., вы такое утонченное существо.

— Неплохо сказано, — заметила миссис Блейр, кивая головой. — Расскажите мне все о себе, цыганка. Зачем вы едете в Южную Африку?

Я рассказала ей кое-что о деле всей жизни папы.

— Так вы дочь Чарльза Беддингфелда? Я предполагала, что вы не обычная провинциалочка! Вы собираетесь в Брокен Хилл, чтобы выкапывать новые черепа?

— Может быть, — сказала я осторожно. — У меня есть также и другие планы.

— Что за таинственное создание! Но сегодня вы действительно выглядите усталой. Вы плохо спали? Я не могу долго бодрствовать, когда я на борту. Говорят, глупец спит десять часов! Я могу проспать все двадцать!

Она зевнула, как сонный котенок. «Какой-то идиот стюард разбудил меня посреди ночи, чтобы вернуть мне катушку с пленкой, которую я уронила вчера. Он сделал это самым мелодраматическим образом, просунул руку сквозь вентиляционное отверстие и сбросил катушку прямо мне на живот. На мгновение мне показалось, что это бомба!

— А вот ваш полковник, — сказала я, когда на палубе показалась высокая мужественная фигура полковника Рейса.

— Он вовсе не мой полковник. В сущности, он восхищается вами, цыганка. Так что не убегайте.

— Я хочу чем-нибудь повязать голову. Мне будет удобнее, чем в шляпе.

Я быстро ускользнула. Почему-то я чувствовала себя неловко в присутствии полковника Рейса. Он принадлежал к небольшому числу людей, способных смутить меня.

Я спустилась к себе в каюту и начала искать, чем бы стянуть мои непокорные волосы. Я очень аккуратна, люблю, чтобы мои вещи всегда находились в определенном порядке, который всегда поддерживаю. Как только я выдвинула ящик моего столика, я тут же поняла, что кто-то рылся в моих вещах. Все было перевернуто и разбросано. Я заглянула в другие ящики и маленький висячий шкафчик. Та же картина. Похоже, что кто-то торопливо и безрезультатно что-то искал.

Я присела на край койки и серьезно задумалась. Кто обыскивал мою каюту и что искали? Может быть, бумажку с нацарапанными на ней цифрами и словами? Я недовольно покачала головой. Это, разумеется, дело прошлого. Но что еще они могли искать?

Мне необходимо было привести свои мысли в порядок. События минувшей ночи хоть и были волнующими, однако, по сути, не пролили никакого света на положение дел. Кто был молодой человек, столь внезапно ворвавшийся в мою каюту? Раньше я не видела его на борту — ни на палубе, ни в салоне. Был ли он членом команды или пассажиром? Кто ударил его ножом? Почему? И, во имя Господа, почему каюта номер 17 должна играть такую важную роль? Все было тайной, но несомненно, что на «Килморден касле» происходили какие-то очень странные события.

Я сосчитала на пальцах число людей, за которыми мне следовало наблюдать.

Оставив в стороне моего ночного гостя, но пообещав себе найти его на борту до конца следующего дня, я выбрала ряд лиц, достойных моего внимания:

(1) Сэр Юстас Педлер. Он владелец Милл-Хауса, и его присутствие на «Килморден касле» кажется до некоторой степени совпадением.

(2) Мистер Пейджет, секретарь со злобещей внешностью, который с таким явным рвением пытался заполнить 17-ю каюту. *Note bene*: выяснить, был ли он вместе с сэром Юстасом в Канне.

(3) Преподобный Эдвард Чичестер. Против него — только упорные притязания на 17-ю каюту, а это могло быть всецело обусловлено особенностями его характера. Упрямство может быть поразительным.

Но небольшая беседа с мистером Чичестером не помешает, решила я. Поспешно повязав волосы носовым платком, я вновь поднялась на палубу, уже с определенной целью. Мне повезло. Намеченная мною жертва, опираясь на поручень, пила бульон. Я подошла к нему.

— Надеюсь, вы простили мне 17-ю каюту, — сказала я, одарив его своей самой неотразимой улыбкой.

— Я считаю, что таить зло недостойно христианина, — холодно произнес мистер Чичестер. — Однако эконоом определенно обещал эту каюту мне.

— Эконоомы обычно так заняты, не правда ли? — сказала я рассеянно. — Полагаю, что иногда они обязательно что-нибудь забывают.

Мистер Чичестер не ответил.

— Это ваша первая поездка в Африку? — спросила я, чтобы поддержать разговор.

— В Южную Африку — да. Но последние два года я трудился среди каннибальских племен во внутренних районах Восточной Африки.

— Как это должно быть захватывающе! Часто ли вам приходилось подвергаться опасности?

— Опасности?

— Я имею в виду риск быть съеденным.

— Не следует легкомысленно относиться к священным темам, мисс Беддингфелд.

— Я не знала, что каннибализм — священная тема, — уязвленно парировала я.

Как только эти слова слетели с моих губ, меня осенила другая мысль. Если мистер Чичестер действительно провел последние два года во внутренних районах Восточной Африки, как же случилось так, что он совсем не загорел? У него кожа бело-розовая, как у младенца. В этом, конечно, есть что-то сомнительное. И все же его манеры и голос были совершенно правдоподобными. Может быть, даже слишком, А не походил ли он немного на театрального священника?

Я перебрала в памяти всех помощников приходского священника, которых знала в Литтл Хемпсли. Некоторые из них мне нравились, некоторые, — нет, но, разумеется, все они были совсем не такие, как мистер Чичестер. Они были людьми, а он — образцом, окруженным ореолом.

Я размышляла над всем этим, когда на палубе появился сэр Юстас Педлер. Поравнявшись с мистером Чичестером, он нагнулся, поднял листок и передал его священнику, сказав: «Вы что-то уронили».

Он прошел, не останавливаясь, так что, вероятно, не заметил волнения мистера Чичестера. А я заметила. Что бы он там ни уронил, факт возвращения потери сильно взволновал его. Он болезненно позеленел и скомкал листок. Мои подозрения стократно возросли.

Он перехватил мой взгляд и поспешил объясниться.

— Это.., часть проповеди, которую я сочиняю, — произнес он с вымученной улыбкой.

— В самом деле? — как могла вежливо отреагировала я.

Часть проповеди, ну и ну! Нет, мистер Чичестер, совсем неубедительно.

Он вскоре покинул меня, пробормотав слова извинения. Как бы мне хотелось, чтобы листок подняла я, а не сэр Юстас Педлер! Одно было ясно: мистер Чичестер не может быть исключен из моего списка подозреваемых. Я намерена была поставить его на первое место.

Придя после ланча пить кофе, я заметила сэра Юстаса и Пейджета, сидевших с миссис Блейр и полковником Рейсом. Миссис Блейр приветливо улыбнулась мне, я подошла и присоединилась к ним. Они говорили об Италии.

— Но это действительно вводит в заблуждение, — настаивала миссис Блейр. — *Aqua calda*, безусловно, должно означать холодную воду, а не горячую.

— Вы не сильны в латыни, — с улыбкой сказал сэр Юстас.

— Мужчины так кичатся своим знанием латыни, — ответила миссис Блейр, — но все же я заметила, что, когда просишь их перевести надписи на старинных церквах, они никогда не могут этого сделать! Они что-то мямлят и уходят от ответа.

— Совершенно верно, — заметил полковник Рейс. — Я всегда так поступаю.

— А я люблю итальянцев, — продолжала миссис Блейр. — Они такие услужливые, хотя это иногда даже стесняет. Вы спрашиваете их, как пройти туда-то, и вместо того, чтобы сказать «сначала направо, потом налево» или что-нибудь в этом роде, они из самых лучших побуждений изливают на вас поток указаний, а когда вы недоумеваете, они любезно берут вас под руку и провожают до самого места.

— Вы испытали что-нибудь подобное во Флоренции, Пейджет? — спросил сэр Юстас, с улыбкой обращаясь к своему секретарю.

Казалось, вопрос смутил мистера Пейджета. Он запнулся и покраснел.

— Да, конечно.., э.., конечно.

Затем, тихо извинившись, он встал и вышел из-за стола.

— Я начинаю подозревать, что Ги Пейджет участвовал в каком-то темном деле во Флоренции, — заметил сэр Юстас, пристально глядя на удаляющуюся фигуру своего секретаря. — Стоит только заговорить о Флоренции или Италии, как он старается переменить тему разговора или

бросается наутек.

— Может быть, он там кого-нибудь убил, — с надеждой сказала миссис Блейр. — Он похож — надеюсь, я не задеваю ваши чувства, сэр Юстас, — но он действительно похож на человека, который мог бы кого-нибудь убить.

— Да, просто злодей эпохи Чинквеченто^[6]! Иногда меня это забавляет, особенно когда знаешь, насколько бедняга, в сущности, законопослушен и порядочен.

— Он у вас работает уже некоторое время, сэр Юстас, не так ли? — спросил полковник Рейс.

— Шесть лет, — ответил сэр Юстас с глубоким вздохом.

— Он, должно быть, вам очень дорог, — заметила миссис Блейр.

— О, да! Просто неоценим, — произнес сэр Юстас подавленно, как будто бесценность мистера Пейджета являлась источником тайного горя для его хозяина. Затем он добавил более оживленно:

— Однако на самом деле его физиономия должна была бы внушать вам доверие, моя дорогая. Ни один уважающий себя убийца не согласился бы выглядеть подобным образом. Криппен в свое время был, по-моему, одним из милейших людей, каких только можно было себе представить.

— Его поймали на лайнере, если не ошибаюсь? — промурлыкала миссис Блейр.

Позади нас раздался какой-то стук. Я быстро обернулась. Это мистер Чичестер уронил свою чашку с кофе. Вскоре наша компания разделилась. Миссис Блейр отправилась к себе спать, а я вышла на палубу. Полковник Рейс последовал за мной.

— Вы совершенно неуловимы, мисс Беддингфелд. Вчера вечером во время танцев я повсюду искал вас.

— Я рано легла спать, — объяснила я.

— Вы и сегодня собираетесь убежать? Или вы потанцуете со мной?

— С удовольствием потанцую с вами, — смущенно прошептала я. — Но миссис Блейр...

— Наша приятельница, миссис Блейр, не любит танцев.

— А вы?

— Я счастлив был бы потанцевать с вами.

— О! — сказала я взволнованно.

Я немного побаивалась полковника Рейса. Тем не менее я чудесно провела время. Насколько это лучше, чем беседовать о допотопных черепах со строгими старыми профессорами! Полковник Рейс полностью соответствовал моему идеалу сурового молчаливого родезийца. Вероятно,

я могла бы выйти за него замуж! Правда, мне не делали предложения, но, как говорят бойскауты, «будь готов!». И, кроме того, все женщины подсознательно рассматривают каждого встречного мужчину как вероятного супруга, своего или своей лучшей подруги.

В тот вечер я танцевала с ним несколько раз. Он танцевал хорошо. После танцев, когда я уже собиралась идти спать, он предложил прогуляться по палубе. Мы сделали три круга и в заключение уселись в шезлонгах. Вокруг никого не было. Некоторое время мы поддерживали бессодержательный разговор.

«А знаете ли, мисс Беддингфелд, мне кажется, что я когда-то встречал вашего отца. Очень интересный человек — в своем деле, деле, имеющем для меня особое очарование. Я и сам своими скромными силами кое-чего добился в этой области. Вот когда я был в районе Дордони...»

Наш разговор принял специальный характер. Полковник Рейс хвастался не зря. Он знал очень много. В то же время один или два раза сделал странные ошибки, которые я, в сущности, могла счесть за оговорки. Однако он быстро реагировал на мои замечания и поправлялся. Так, он говорил о мустьерской эпохе как пришедшей на смену ориньякской — нелепая ошибка для человека, имеющего хоть малейшее представление об этом вопросе.

Было уже двенадцать, когда я отправилась к себе в каюту. Я все еще недоумевала по поводу этих странных противоречий. Возможно ли, что он «изучил предмет» специально к данному случаю, а в самом деле ничего не знал об археологии? Я покачала головой, неудовлетворенная таким предположением.

Уже почти засыпая, я неожиданно вздрогнула, когда меня осенила другая мысль. А может быть, он проверял меня? Может, эти незначительные неточности были просто испытанием, чтобы убедиться, действительно ли я знаю, о чем говорю? Другими словами, он подозревал, что я не настоящая Энн Беддингфелд.

Почему?

Глава XII

(Отрывок из дневника сэра Юстаса Педлера)

В жизни на борту судна что-то есть. Она спокойная. Моя седина, к счастью, избавляет меня от всех этих унижений, связанных с ловлей ртом подвешенных яблок, беготней вверх и вниз с картофелем и яйцами и еще более неприятными забавами. Для меня всегда было тайной, какое удовольствие могут находить люди в подобных унижительных действиях. Однако в мире много дураков. Остается возблагодарить Бога за их существование и держаться от них подальше.

К счастью, я совершенно не подвержен морской болезни. Чего не скажешь о бедняге Пейджете. Он начал зеленеть, как только мы вышли из Солента^[7]. Полагаю, что мой второй так называемый секретарь также страдает от морской болезни. Во всяком случае, он еще не появлялся. Однако, может быть, это не морская болезнь, а высокая дипломатия. Замечательно, что мне он не надоедает.

В целом на борту собралась грязная публика. Только два хороших игрока в бридж и одна прилично выглядящая женщина — миссис Кларенс Блейр. Я ее, разумеется, встречал в городе. Она — одна из немногих известных мне женщин может похвастаться чувством юмора. Мне нравится беседовать с ней, и я получал бы от этого еще большее удовольствие, если бы не длинноногий молчаливый осел, который ходит за ней, как хвост. Не могу поверить, что этот полковник Рейс в самом деле забавляет ее. Он не лишен привлекательности, но невероятно скучен. Один из сильных молчаливых мужчин, которыми всегда бредят дамы-писательницы и молоденькие девушки.

Ги Пейджет с трудом вылез на палубу после того, как мы вышли с Мадейры, и начал глухо бормотать о работе Какого черта работать на борту судна? Я действительно обещал своим издателям мои «Воспоминания» к началу лета, но что из того? Кто читает воспоминания? Старые дамы из предместий. И какое значение имеют мои воспоминания? В своей жизни я сталкивался с некоторыми знаменитостями. С помощью Пейджета я сочиняю о них пресные анекдоты. И, по правде говоря, Пейджет слишком честен для такой работы. Он не допускает, чтобы я придумывал подробности о личной жизни тех людей, с которыми я мог встречаться, но

не встречался.

Я попытался договориться с ним по-хорошему.

«Мой дорогой, вы все еще похожи на полную развалину, — непринужденно сказал я. — Вам необходимо полежать на солнце в шезлонге. Нет, ни слова больше. Работа должна подождать».

Затем он стал приставать ко мне по поводу дополнительной каюты. «В вашей каюте, сэр Юстас, негде работать. Там столько чемоданов».

По его тону можно было предположить, что речь шла не о чемоданах, а о тараканах, о чем-то, не имеющем права находиться в каюте.

Я объяснил ему — хотя он, вероятно, этого не знал, — что путешествуя, люди имеют обыкновение брать с собой смену одежды. Он вымученно улыбнулся, реагируя, как обычно, на мои попытки пошутить, а потом вернулся к обсуждаемому вопросу.

— И мы вряд ли сможем работать в моей конуре. Знаю я «конуру» Пейджета — он обычно занимает лучшую каюту на судне.

— Мне жаль, что на сей раз капитан не вывернулся наизнанку ради вас, — сказал я саркастически. — Может быть, вы хотели бы свалить часть вашего лишнего багажа в моей каюте?

Сарказм опасен в обращении с такими людьми, как Пейджет. Он сейчас же отыгрался.

— Ну, если бы я мог избавиться от пишущей машинки и чемодана с канцелярскими принадлежностями...

Этот чемодан весит несколько тонн. Он доставляет бесконечные неприятности носильщикам, и Пейджет цель своей жизни видит в том, чтобы всучить его мне. Мы вечно спорим из-за него. Похоже, что Пейджет считает его моей особой частной собственностью. Я, со своей стороны, рассматриваю его хранение как единственное, на что секретарь действительно годен.

— Хорошо, мы получим дополнительную каюту, — поспешно сказал я.

Решение этой проблемы представлялось мне достаточно простым, однако Пейджет из всего любит делать тайну. На следующий день он пришел ко мне с видом заговорщика эпохи Возрождения.

— Помните, вы велели мне получить 17-ю каюту под наш офис?

— Ну и что из того? Чемодан с канцелярскими принадлежностями застрял в дверях?

— Дверные пролеты во всех каютах одинаковые, — со всей серьезностью ответил Пейджет. — Но должен сказать вам, сэр Юстас, что с этой каютой происходит что-то очень странное.

— Если вы хотите сказать, что туда являются привидения, то мы не собираемся там спать, поэтому я ничего не имею против. Призраки не интересуются пишущими машинками.

Пейджет сказал, что дело не в привидениях, а в том, что 17-я каюта, в конце концов, ему не досталась. Он поведал мне длинную надуманную историю. По-видимому, он, некий мистер Чичестер и девица по имени Беддингфелд чуть не подрались из-за каюты. Нечего и говорить, что девица победила, а Пейджет был явно этим огорчен.

— 13-я и 28-я каюты лучше, — повторял он. — Но они даже смотреть на них не захотели.

— Ну, сказал я, подавляя зевоту, — то же касается и вас, мой дорогой Пейджет.

Он укоризненно посмотрел на меня.

— Но ведь вы приказали мне получить 17-ю каюту?

— Дорогой мой, — сказал я раздраженно, — я упомянул номер 17, так как случайно заметил, что он свободен. Но это совершенно не означало, что вы должны были стоять за него насмерть — 13-й или 28-й подошли бы нам с равным успехом.

Похоже, он обиделся.

Есть и еще кое-что, — настаивал он. — Каюта досталась мисс Беддингфелд, однако сегодня утром я видел, как Чичестер, крадучись, выходил оттуда.

Я строго взглянул на него.

— Если вы пытаетесь раздуть грязный скандал вокруг Чичестера, который хоть и отвратный тип, но миссионер, и этого привлекательного ребенка Энн Беддингфелд, то я не верю ни единому слову, — холодно сказал я. — Энн Беддингфелд очень миленькая — у нее исключительно красивые ножки. Я сказал бы, что они самые лучшие на борту.

Пейджету не понравились мои замечания о ножках Энн Беддингфелд. Он принадлежит к числу мужчин, никогда не обращающих внимания на ножки, а если он и обратит внимание, то скорее умрет, чем в том признается. Кроме того, он считает мое отношение к подобным вещам фривольным. Мне нравится досаждать Пейджету, поэтому я злорадно продолжал:

— Поскольку вы с ней познакомились, вы могли бы пригласить ее отобедать за нашим столом завтра вечером. Будет костюмированный бал. Между прочим, вы бы спустились к парикмахеру и выбрали для меня маскарадный костюм.

— Вы, конечно, не наденете маскарадный костюм? — в ужасе

произнес Пейджет.

Мне стало ясно, что это совершенно не вязалось с его представлением о моем достоинстве. Он был шокирован, его лицо выражало страдание. До сих пор у меня не было никакого намерения надевать маскарадный костюм, но привести Пейджета в полное замешательство было слишком заманчиво, чтобы я мог от этого отказаться.

— С чего вы взяли? — сказал я. — Разумеется, надену. И вы тоже.

Пейджет содрогнулся.

— Итак, ступайте вниз к парикмахеру и позаботьтесь обо всем, — закончил я.

— Не думаю, что у него есть большие размеры, — пробормотал Пейджет, на глаз измеряя мою фигуру.

Временами Пейджет, сам того не сознавая, может больно обидеть.

— И закажите столик на шестерых в салоне, — продолжал я. — Мы пригласим капитана, девицу с красивыми ножками, миссис Блейр...

— Миссис Блейр не пойдет без полковника Рейса, — вставил Пейджет. — Он просил ее отобедать с ним.

Пейджету всегда все известно. Я ощутил законную досаду.

— Кто такой Рейс? — спросил я раздраженно.

Как я уже говорил, Пейджет всегда все знает или думает, что знает. Он снова выглядел таинственным.

— Говорят, будто он из Секретной службы, сэр Юстас. Кроме того, он до некоторой степени большая «шишка», хотя я, конечно, не уверен.

— Ну разве это не похоже на наше правительство?! — воскликнул я. — Здесь на борту находится человек, чья профессия — перевозить секретные документы, а они вручают их мирному профану, который просит только о том, чтобы его оставили в покое.

Пейджет напустил на себя еще больше туману. Он подошел ко мне поближе и понизил голос.

— Если вы спросите меня, сэр Юстас, я скажу, что все очень странно. Взять хотя бы мою болезнь перед отъездом...

— Дорогой мой, — безжалостно прервал его я, — это был приступ холецистита. Вы всегда от него страдаете.

Пейджет слегка поморщился.

— Это не был обычный приступ. На сей раз...

— Ради Бога, не входите в подробности вашего состояния, Пейджет. Я не хочу о них слышать.

— Очень хорошо, сэр Юстас. Однако я считаю, что я был умышленно отравлен!

— А! — сказал я. — Вы говорили с Рейберном. Пейджет не отрицал.

— По крайней мере, сэр Юстас, он так думает, а он должен знать, о чем говорит.

— Между прочим, где этот парень? — спросил я. — Он не попадался мне на глаза с тех пор, как мы оказались на борту.

— Онказывается больным и пребывает в своей каюте, сэр Юстас. — Пейджет снова понизил голос. — Но это камуфляж, я уверен. Так ему удобнее охранять.

— Охранять?

— Вашу безопасность, сэр Юстас. На случай, если на вас будет совершено нападение.

— Вы такой бодрячок, Пейджет, — сказал я. — Полагаю, что воображение заводит вас слишком далеко. На вашем месте я пошел бы на бал в костюме смерти или палача. Это будет соответствовать вашему мрачному чувству прекрасного.

Мои слова заставили его замолчать на время. Я вышел на палубу. Девушка Беддингфелд беседовала с миссионером-проповедником Чичестером. Женщины всегда увиваются вокруг проповедников.

Человеку моей комплекции неудобно нагибаться, тем не менее я оказал Чичестеру любезность, подняв клочок бумаги, который порхал у его ног.

Ни слова благодарности за свои труды я не дождался. Между прочим, я невольно подсмотрел, что было написано на листке. Там было всего одно предложение.

«Не пытайтесь действовать в одиночку, не то будет хуже».

Миленькое обращение к проповеднику. Интересно, кто такой этот Чичестер? На в и д он кроткий как ягненок. Но внешность обманчива. Спрошу о нем Пейджета. Тот всегда все знает.

Я изящно опустился в шезлонг рядом с миссис Блейр, прервав тем самым ее tete-a-tete с Рейсом, и пригласил ее отобедать со мной в вечер костюмированного бала. А Рейсу удалось напроситься на приглашение.

После ланча пришла девушка Беддингфелд и села с нами пить кофе. Я был прав относительно ее ножек. Они действительно самые красивые на судне. Я, конечно, приглашу к обеду и ее.

Я бы очень хотел знать, что приключилось с Пейдже-том во Флоренции. Как только упоминается Италия, он меняется в лице. Если бы я не знал, сколь он порядочен, я заподозрил бы его в какой-нибудь сомнительной интрижке...

Интересно! Даже самые порядочные люди... Для меня было бы

большим утешением узнать, что я оказался прав.

Пейджет — и тайный грех! Великолепно!

Глава XIII

Это был любопытный вечер.

У парикмахера мне впору пришелся единственный костюм — медвежонка. Я не прочь сыграть медведя в обществе каких-нибудь миленьких молоденьких девиц зимним вечерком в Англии, но для экватора — это едва ли идеальный костюм. Тем не менее я вызвал много веселья и получил первый приз в конкурсе «Что вы привезли с собой» — нелепое название для костюма, взятого напрокат на один вечер. Однако это было, в общем, несущественно, поскольку никто, кажется, не имел ни малейшего представления, что было привезено, а что получено здесь.

Миссис Блейр отказалась участвовать в маскараде.

Очевидно, тут она заодно с Пейджетом. Полковник Рейс последовал ее примеру. Энн Беддингфелд придумала для себя костюм цыганки и была чудо как хороша. Пейджет сослался на головную боль и не пришел. Вместо него я пригласил странного маленького человечка по фамилии Ривс. Он — видный член Южно-Африканской рабочей партии. Ужасный человечиска, но я буду поддерживать с ним отношения, поскольку он снабжает меня необходимой информацией. Мне нужно иметь представление об этой истории на Ранде в интерпретации обеих сторон.

Во время танцев было жарко. Дважды я танцевал с Энн Беддингфелд, и ей пришлось сделать вид, что она в восторге. Один раз я танцевал с миссис Блейр, которая не дала себе труда притворяться, и еще помучил несколько других девиц, чья внешность произвела на меня благоприятное впечатление.

Затем мы спустились к ужину. Я заказал шампанского, стюард предложил «Клико» 1911 года как лучшее, что у них есть на борту, и я согласился. Похоже, это было единственное, что развязало язык полковнику Рейсу. И так не слишком молчаливый, он стал просто болтлив. Какое-то время я забавлялся, но потом мне в голову пришло, что душой общества у нас становится полковник, а вовсе не я. Он вышучивал мою привычку вести дневник.

— Когда-нибудь он выдаст все ваши неблагоприятные поступки, Педлер.

— Мой дорогой Рейс, — ответил я, — осмелюсь сказать, что я совсем не такой дурак, как вы думаете. Я могу совершать неблагоприятные поступки, но я не пишу о них в дневнике черным по белому. После моей

смерти мои душеприказчики узнают мое мнение об очень многих людях, но сомневаюсь, что они обнаружат что-нибудь, что обогатит или умалит их мнение обо мне. Дневник полезен для увековечивания особенностей других людей, но не своих собственных.

— Однако существует такая штука, как бессознательное саморазоблачение.

— На взгляд психоаналитика все отвратительно, — нравоучительно ответил я.

— У вас, должно быть, была очень интересная жизнь, полковник? — спросила мисс Беддингфелд, внимательно глядя на него широко открытыми лучистыми глазами.

Вот как они действуют, эти девицы! Отелло очаровал Дездемону, рассказывая ей сказки, но разве Дездемона не очаровала Отелло тем, как она слушала?

Так или иначе девица разговорила Рейса. Он начал рассказывать сказки о львах. Мужчина, застреливший изрядное число львов, имеет несправедливое преимущество перед другими мужчинами. Мне показалось, что пора и мне рассказать сказку о льве. Только более веселую.

«Между прочим, — заметил я, — это напоминает мне одну довольно увлекательную историю, которую я когда-то слышал. Мой приятель охотился где-то в Восточной Африке. Однажды ночью он зачем-то вышел из своей палатки и был напуган негромким рычанием. Он резко обернулся и увидел льва, припавшего к земле перед прыжком. Ружье он забыл в палатке. Тогда он мгновенно присел, и лев перепрыгнул как раз через его голову. Разозлившись из-за своего промаха, животное зарычало и приготовилось к повторному прыжку. Мой приятель снова присел, и лев опять перепрыгнул через него. То же случилось и в третий раз, но теперь охотник оказался у входа в палатку, заскочил внутрь и схватил свое ружье. Когда он вышел из палатки, держа в руке ружье, лев исчез. Это очень озадачило моего приятеля. Он прокрался за палатку на небольшую поляну. И там, конечно, он нашел льва, который усиленно упражнялся в низких прыжках».

Рассказ был встречен бурей аплодисментов. Я выпил немного шампанского.

«В другой раз, — продолжил я, — с этим моим приятелем произошел еще один курьез. Ему надо было пересечь страну, и, стремясь достичь места назначения до начала дневной жары, он приказывает своим людям запрягать еще затемно. Им пришлось потрудиться, так как мулы были чем-то обеспокоены, но наконец они справились и поехали. Мулы летели как

ветер, а когда рассвело, стало ясно, что было тому причиной. В темноте ребята в качестве левого коренника запрягли льва».

Этот рассказ был также хорошо принят, за столом прокатилась волна веселья, но, пожалуй, наибольшее впечатление история произвела на моего приятеля из Рабочей партии, остававшегося бледным и серьезным.

— Боже мой! — взволнованно воскликнул он. — Кто же их распряг?

— Я должна поехать в Родезию, — сказала миссис Блейр. — После того, что вы нам рассказали, полковник Рейс, я просто обязана туда поехать. Хотя это и ужасное путешествие, целых пять дней в поезде.

— Вы должны присоединиться ко мне в моем личном вагоне, — галантно заявил я.

— О, сэр Юстас, как мило с вашей стороны! Вы это серьезно?

— Серьезно ли я! — воскликнул я укоризненно и выпил еще один бокал шампанского.

— Еще примерно неделя, и мы будем в Южной Африке, — со вздохом заметила миссис Блейр.

— Ах, Южная Африка! — сентиментально промолвил я и начал цитировать свою недавнюю речь, произнесенную в Колониальном институте. — Что Южная Африка являет миру? В самом деле, что? Свои фрукты и свои фермы, свою шерсть и свой китовый ус, свои стада и свои шкуры, свое золото и свои алмазы...

Я торопился, ибо знал, что, как только сделаю паузу, вмешается Ривс и сообщит мне, что шкуры ничего не стоят, так как животное попортили их о колючую проволоку, окружающую прииски, или что-нибудь в этом роде, он раскритикует и все остальное и закончит описанием лишений, испытываемых рабочим классом приисков на Ранде. А мне не хотелось, чтобы меня поносили, как капиталиста. Но меня прервали другие, услышав волшебное слово «алмазы».

— Алмазы! — восторженно воскликнула миссис Блейр.

— Алмазы! — выдохнула мисс Беддингфелд. Они обе обратились к полковнику Рейсу.

— Полагаю, вы были в Кимберли?

Я тоже был в Кимберли, но не успел вовремя сказать об этом. Рейса засыпали вопросами. Что собой представляют прииски? Правда ли, что туземцев держат в огороженных бараках? И так далее.

Рейс ответил на их вопросы, продемонстрировав хорошее знание предмета. Он описал, как расселяют туземцев, как организуют изыскательские работы, а также какие меры предосторожности предпринимает «Де Бирс».

— Получается, что украсть алмазы практически невозможно? — спросила миссис Блейр со столь сильным разочарованием, как будто она собиралась туда именно с этой целью.

— Ничего нет невозможного, миссис Блейр. Кражи иногда происходят, как в случае, о котором я вам рассказывал, когда кафр спрятал камень в своей ране.

— Понятно, ну а в крупных масштабах?

— Был один случай в последние годы. Как раз перед войной. Вы должны его помнить, Педлер. Вы ведь тогда были в Южной Африке?

Я кивнул.

— Расскажите нам, — вскричала мисс Беддингфелд. — Пожалуйста, расскажите!

Рейс улыбнулся.

«Очень хорошо, вы все узнаете. Полагаю, большинство из вас слышали о сэре Лоуренсе Ирдсли, великом южноафриканском магнате — владельце приисков? Сам он владел золотыми рудниками, однако в нашей истории он замешан из-за сына. Вы, может быть, помните, что перед самой войной распространились слухи о „новом Кимберли“, скрытом где-то в скалах в джунглях Британской Гвианы. Два молодых исследователя, как сообщалось, вернулись из той части Южной Америки, привезя с собой замечательную коллекцию неотшлифованных алмазов, некоторые достигали значительных размеров. Небольшие алмазы находили и раньше поблизости от рек Эссекибо и Мазаруни, однако эти два молодых человека, Джон Ирдсли и его друг Лукас, заявили, что обнаружили пласты больших углеродистых отложений в общем истоке двух рек. Алмазы были всех цветов — розовые, голубые, желтые, зеленые, черные и совершенно белые. Ирдсли и Лукас приехали в Кимберли, где должны были представить свои драгоценные камни на обследование. В то же время вскрылась сенсационная кража в компании „Де Бирс“. Перед отправкой алмазов в Англию их упаковывают. Они хранятся в большом сейфе, два ключа от которого находятся у двух разных людей, а третьему человеку известна цифровая комбинация, открывающая сейф. Алмазы передаются банку, а тот посылает их в Англию. Каждая упаковка стоит примерно 100 тысяч фунтов стерлингов.

В тот раз служащие банка обратили внимание, что пакет был не совсем обычно запечатан. Он был вскрыт, и оказалось, что в нем лежат кусочки сахара!

Точно не знаю почему, но подозрение в конце концов пало на Джона Ирдсли. Припомнили, что он вел очень беспорядочный образ жизни, когда

учился в Кембридже, и что отец не раз выплачивал за него долги. Так или иначе стали распространяться слухи, что эти рассказы об алмазных месторождениях в Южной Америке — сплошная выдумка. Джон Ирдсли был арестован. У него нашли часть алмазов «Де Бирс».

Однако до суда дело так и не дошло. Сэр Лоуренс Ирдсли выплатил сумму, равную стоимости похищенных алмазов, и компания «Де Бирс» не стала возбуждать судебный иск. Каким образом была совершена кража, так никогда и не узнали. Однако сознание того, что его сын — вор, разбило сердце старика. Вскоре он перенес удар. Что касается Джона, то к нему судьба была до известной степени милостива. Он поступил на военную службу, пошел на войну, храбро сражался и пал на поле боя, смыв таким образом пятно со своего имени. Сам сэр Лоуренс умер от третьего удара около месяца тому назад. Он скончался, не оставив завещания, и его огромное состояние перешло его ближайшему родственнику, человеку, которого он едва знал».

Полковник сделал паузу. Тут разразились восклицания и вопросы. Что-то, по-видимому, отвлекло внимание мисс Беддингфелд, и она обернулась. Ее реакция заставила и меня обернуться.

В дверях стоял мой новый секретарь Рейберн. Сквозь его загар проступала бледность человека, увидевшего привидение. Очевидно, рассказ Рейса произвел на него глубокое впечатление.

Неожиданно ощутив на себе наши взгляды, он резко повернулся и исчез.

— Вы знаете, кто это? — отрывисто спросила Энн Беддингфелд.

— Мой второй секретарь, — объяснил я. — Мистер Рейберн. До сих пор он был нездоров.

Она повертела в руках кусочек хлеба, лежавший у ее тарелки.

— Он давно служит у вас?

— Не очень, — осторожно ответил я.

Однако с женщиной осторожность бесполезна, чем вы сдержаннее, тем она больше нажимает. Энн Беддингфелд не колебалась ни минуты.

— Как давно? — прямо спросила она.

— Ну.., я нанял его как раз перед отплытием. Мне его порекомендовал мой старый приятель.

Она больше ничего не сказала и предалась размышлениям. Я повернулся к Рейсу, ощутив, что настала моя очередь проявить интерес к его рассказу.

— А кто такой ближайший родственник сэра Лоуренса, Рейс? Вы знаете?

— Еще бы, — ответил он, улыбаясь. — Это я!

Глава XIV

(Продолжение рассказа Энн)

Ночью после костюмированного бала я решила, что пришла пора довериться кому-нибудь. До сих пор я действовала в одиночку и мне это нравилось. Сейчас вдруг все переменялось. Я перестала верить собственным суждениям, и впервые мною овладело чувство одиночества.

Я сидела на краю моей койки, все еще в костюме цыганки, и обдумывала ситуацию. Сначала я подумала о полковнике Рейсе. Я, кажется, нравилась ему. Он, конечно, будет любезен со мной. И он не дурак. И все же, поразмыслив, я заколебалась. У него властный характер. Он все заберет в свои руки. А это моя тайна! Были и другие причины, в которых я едва ли могла признаться самой себе, но которые делали нежелательной откровенность с полковником Рейсом.

Потом я подумала о миссис Блейр. Она также добра ко мне. Я не обманывалась на этот счет. Вероятно, ее отношение всего лишь временная прихоть. Тем не менее я способна заинтересовать ее. Она — женщина, испытывавшая большую часть обычных жизненных ощущений. Я же могу предложить ей нечто необычное! И мне она нравится, нравится ее непринужденность, отсутствие сентиментальности, какого-либо жеманства.

Итак, я надумала. Я решила тут же разыскать ее. Вряд ли она уже легла.

Затем я вспомнила, что не знаю номера ее каюты. Знакомая мне горничная, наверное, знает.

Я позвонила в звонок. После некоторого промедления пришел мужчина. Он дал мне нужную информацию. Миссис Блейр занимала номер 71. Мужчина извинился за промедление и объяснил, что ему приходится обслуживать все каюты.

— А где же тогда горничная? — спросила я.

— Они все кончают дежурство в десять часов.

— Нет, я имею в виду ночную горничную.

— Ночью горничные не дежурят, мисс.

— Однако..., прошлой ночью ко мне приходила какая-то горничная..., около часа.

— Вам, должно быть, приснилось, мисс. После десяти горничные не дежурят.

Он удалился, а я осталась, чтобы переварить это сообщение. Кто была женщина, приходившая ко мне в каюту ночью 22-го? Я посерьезнела, когда осознала, сколь хитры и наглы мои неизвестные противники. Затем, взяв себя в руки, я вышла из своей каюты и пошла искать каюту миссис Блейр. Я постучалась в дверь.

— Кто там? — спросил ее голос.

— Это я, Энн Беддингфелд.

— О, входите, цыганка.

Я вошла. Вокруг лежала разбросанная одежда, а сама миссис Блейр была одета в одно из красивейших кимоно, которые я когда-либо видела, — оранжевое, расшитое золотым и черным. При виде его у меня потекли слюнки.

— Миссис Блейр, — сказала я решительно, — я хочу рассказать вам историю моей жизни.., если сейчас не слишком поздно и вам не будет скучно.

— Нисколько. Мне никогда не хочется ложиться спать, — сказала миссис Блейр с очаровательной улыбкой. — И я бы с удовольствием послушала историю вашей жизни. Вы — самое необыкновенное создание, цыганка. Никому другому не пришло бы в голову врываться ко мне в час ночи, чтобы рассказать историю своей жизни. Особенно после того, как вы целую вечность сдерживали мое естественное любопытство. Я не привыкла, чтобы меня осаживали. Это новое ощущение, в общем, доставило мне удовольствие. Садитесь на диван и облегчите свою душу.

Я рассказала ей все. Это заняло некоторое время, поскольку я входила во все детали. Когда я закончила, она глубоко вздохнула и сказала совсем не то, что я ждала. Она взглянула на меня, немного посмеялась и произнесла:

— Знаете ли, Энн, что вы очень неординарная девушка? Вы никогда не испытывали сомнения в собственной правоте?

— Сомнения? — озадаченно переспросила я.

— Да, сомнения, сомнения, сомнения! Уехать одной, практически без денег! Что вы будете делать, когда окажетесь в чужой стране, а все ваши деньги будут истрачены?

— Бесполезно беспокоиться об этом раньше времени. У меня пока еще много денег. Двадцать пять фунтов, подаренные миссис Флемминг, практически не тронуты, и потом, вчера я выиграла в карты. Это еще пятнадцать фунтов. Так что у меня много денег. Целых сорок фунтов!

— Много денег! Бог мой! — прошептала миссис Блейр. — Я бы так не могла, Энн, а ведь я и сама не робкого десятка. Я не могла бы беззаботно уехать-с несколькими фунтами в кармане, не имея представления о том, что делаю и куда еду.

— Но ведь в этом вся прелесть! — вскричала я, совершенно выходя из себя. — Какие необыкновенные ощущения испытываешь, пускаясь в авантюру.

Она посмотрела на меня, кивнула раз или два, а потом улыбнулась.

— Счастливая Энн! На свете немного людей, чувствующих, как вы.

— Хорошо, — нетерпеливо сказала я, — что вы думаете обо всем этом, миссис Блейр?

— Я думаю, что ваш рассказ — самое волнующее, что я когда-либо слышала! Итак, прежде всего вы перестанете называть меня миссис Блейр. Сьюзен будет намного лучше. Договорились?

— С удовольствием, Сьюзен.

— Молодец! Теперь займемся делом. Вы говорите, что в секретаре сэра Юстаса — не в этом с мрачной физиономией, а в другом — вы узнали человека, которого ударили ножом и который искал убежища в вашей каюте?

Я кивнула.

— Это дает нам две нити, связывающие сэра Юстаса со всем клубком. Женщину убили в его доме и именно его секретаря ударили ножом в мистический час ночи. Я не подозреваю самого сэра Юстаса, но все вместе не может быть просто совпадением. Где-то есть связь, даже если он сам ничего не знает.

— Потом этот странный случай с горничной, — задумчиво продолжала она. — Как она выглядела?

— Я ее почти не рассмотрела. Я была так взволнована и напряжена, а горничная, по-видимому, помогла мне разрядиться. Однако.., пожалуй.., действительно, мне кажется, что у нее было знакомое лицо. Ничего удивительного, если я раньше видела ее на судне.

— Ее лицо показалось вам знакомым? — спросила Сьюзен. — Вы уверены, что это не был мужчина?

— Она была очень высокая, — согласилась я.

— Гм. Вряд ли сэр Юстас... Полагаю, что и не мистер Пейджет... Подождите-ка!

Она схватила клочок бумаги и начала лихорадочно что-то рисовать. Склонив голову набок, она внимательно рассмотрела, что у нее получилось.

— Очень похоже на преподобного Эдварда Чичестера. Теперь добавим несколько штрихов. — Она передала рисунок мне. — Это ваша горничная?

— Ну конечно! — вскрикнула я. — Какая вы умница, Сьюзен!

Легким жестом она отклонила комплимент.

— Я всегда подозревала этого Чичестера. Вы помните, как он уронил чашку с кофе и позеленел, когда мы на днях говорили о Криппене?

— И он пытался получить каюту номер 17!

— Да, пока все сходится. Но что все это значит? Что на самом деле должно было произойти в час ночи в каюте номер 17? Нападение на секретаря исключается. Не было никакого смысла приурочивать его к определенному часу в определенный день и определенном месте. Нет, там должна была произойти какая-то условленная встреча, и он шел на нее, когда его ударили ножом. Но с кем была назначена встреча? Безусловно, не с вами. Может быть, с Чичестером. Или с Пейджетом.

— Последнее кажется маловероятным, — возразила я, — они могут видаться в любое время.

Минуту-другую мы посидели молча, а затем Сьюзен попробовала зайти с другой стороны.

— Могло ли что-то быть спрятано в вашей каюте?

— Это представляется более вероятным, — согласилась я, — и объясняет, зачем они рылись в моих вещах на следующее утро. Но там ничего не было спрятано, я уверена.

— А молодой человек не мог что-нибудь незаметно положить в выдвижной ящик накануне ночью?

Я покачала головой.

— Я бы увидела.

— Могли ли они искать ваш драгоценный клочок бумаги?

— Возможно, но это бессмысленно. Там были указаны только время и дата, и они к тому моменту уже прошли.

Сьюзен кивнула.

— Конечно, вы правы. Нет, они искали не бумажку. Между прочим, она у вас с собой? Я бы хотела взглянуть на нее.

Я принесла бумажку как вещественное доказательство № 1 и теперь вручила ее Сьюзен. Она тщательно изучала ее, нахмурившись.

— После 17 стоит точка. Почему не поставили точку и после 1?

— Там оставлен промежуток, — указала я.

— Да, здесь промежуток, однако...

Вдруг она поднялась и стала разглядывать бумажку, поднеся ее к самому свету. В ее действиях было заметно сдерживаемое волнение.

— Энн, это вовсе не точка! Это пятнышко на бумаге! Вы видите? Так что на него не следует обращать внимания, а надо учитывать только промежутки, одни промежутки!

Я встала рядом с ней и прочла цифры так, как теперь их видела.

— 1 71 22.

— Видите! — воскликнула Сьюзен. — Цифры те же, но не совсем. По-прежнему один час и 22-е число, но каюта номер 71! Моя каюта, Энн!

Мы стояли изумленно глядя друг на друга, столь довольные нашим новым открытием и так глубоко взволнованные, что можно было подумать, что мы разгадали всю тайну. Но тут я вдруг спустилась на землю.

— Но, Сьюзен, здесь 22-го в один час ночи ничего не произошло?

Ее лицо тоже вытянулось.

— Нет, ничего.

Мне в голову пришла другая мысль.

— Ведь это не ваша каюта, не так ли, Сьюзен? Я хочу сказать, не та, которую вы первоначально заказали?

— Нет, меня сюда переселил эконо.

— Интересно, была ли она перед отплытием забронирована за кем-то, кто в конце концов не прибыл на борт. Полагаю, мы сможем выяснить.

— Нам нет нужды выяснять, цыганка, — вскричала Сьюзен. — Я знаю! Мне сказал эконо. Каюта была заказана на имя миссис Грей, но, по-видимому, это всего лишь псевдоним знаменитой мадам Надины. Она, вы знаете, известная русская танцовщица. В Лондоне она никогда не выступала, но Париж от нее совершенно без ума. Она пользовалась там оглушительным успехом во время войны. Порядочная дрянь, я полагаю, но очень привлекательная. Когда эконо передавал мне ее каюту, он выразил самые искренние сожаления по поводу ее отсутствия, а потом полковник Рейс порассказал мне о ней. В Париже, кажется, ходили очень странные истории. Ее заподозрили в шпионаже, но не смогли ничего доказать. Полагаю, что полковник Рейс был там и занимался непосредственно этим делом. Он рассказал мне кое-что очень интересное. Там действовала настоящая организованная шайка, но вовсе не немцы. Считали, что ее предводитель, к которому всегда обращались «полковник», был англичанин, но они так никогда и не сумели установить его личность. Однако несомненно, что он руководил большой организацией мошенников международного масштаба. Кражи, шпионаж, разбойные нападения — он ничем не брезговал и обычно ухитрялся подставить для наказания невинного козла отпущения. Он, должно быть, дьявольски умен! Предполагали, что эта женщина была одним из его агентов, но никак не

могли найти что-нибудь, за что можно зацепиться. Да, Энн, мы на верном пути. Надина — как раз такая женщина, которая могла быть замешана в нашем деле. Встреча в этой каюте утром 22-го была назначена именно с ней. Но где же она? Почему она не села на пароход? Тут меня осенило.

— Она намеревалась сесть на пароход, — медленно произнесла я.

— Тогда почему она не сделала этого?

— Потому что она мертва. Сьюзен, Надина — женщина, убитая в Марлоу!

Мое воображение перенесло меня обратно в комнату с голыми стенами в пустом доме, и там меня снова охватило неясное ощущение опасности и зла. Вместе с тем я вспомнила, как уронила карандаш и нашла катушку с пленкой. Катушка напомнила мне что-то совсем недавнее. Где я слышала о катушке с пленкой? И почему у меня это связано с миссис Блейр?

Вдруг я подскочила к ней и стала почти трясти ее в возбуждении.

— Ваша пленка! Та, что вам вернули через вентиляционное отверстие? Разве это было не 22-го?

— Та, которую я потеряла?

— Откуда вы знаете, что она была та самая? Зачем кому-то возвращать вам ее таким путем — посреди ночи? Сумасбродная идея. Нет, там было сообщение, пленку вынули из желтой жестяной коробочки, а вместо нее положили что-то другое. Она все еще у вас?

— Я могла использовать ее. Нет, вот она. Я помню, что бросила ее на полку возле койки.

Она вручила мне пленку.

Это был обычный круглый жестяной цилиндр, в какой упаковывают пленку для тропиков. Я взяла его дрожащей рукой, и в тот же момент мое сердце сильно забило. Он был заметно тяжелее, чем полагалось.

Трясущимися пальцами я отклеила полоску липкой ленты, плотно закрывавшей цилиндр, сняла крышку, и на постель выкатилась струйка тусклых прозрачных стекляшек.

— Стекляшки, — сказала я, сильно разочарованная.

— Стекляшки?! — вскрикнула Сьюзен. Интонация ее голоса насторожила меня.

— Стекляшки? Нет, Энн, не стекляшки! Алмазы!

Глава XV

Алмазы!

Очарованная, я глазела на них. Я взяла один алмаз, который, если бы не его вес, вполне мог быть осколком разбитой бутылки.

— Вы уверены, Сьюзен?

— О, да, моя дорогая. Я слишком много раз видела неотшлифованные алмазы, чтобы сомневаться. Эти тоже очень красивые, Энн, а некоторые из них, полагаю, просто уникальны. С ними наверняка связана целая история.

— История, которую мы слышали сегодня вечером, — вскрикнула я.

— Вы имеете в виду?..

— Историю полковника Рейса. Это не может быть совпадением. Он рассказал ее преднамеренно.

— Чтобы посмотреть, какое она произведет впечатление?

Я кивнула.

— На сэра Юстаса?

— Да.

Однако сказав «да», я засомневалась. Подвергался ли испытанию действительно сэр Юстас или же история была рассказана ради меня? Я вспомнила, как предыдущей ночью почувствовала, что меня явно «проверяли». Так или иначе полковник Рейс подозрителен. Но какое все это имеет к нему отношение? Каким образом он может быть связан с нашим делом?

— Кто такой полковник Рейс? — спросила я.

— Пожалуй, это вопрос, — сказала Сьюзен. — Он хорошо известен как охотник на крупного зверя и, как вы слышали от него сегодня вечером, является дальним родственником сэра Лоуренса Ирдсли. Фактически до настоящей поездки я его никогда не встречала. Он часто ездит в Африку. Все считают, что он работает на Секретную службу. Не знаю, правда ли это. Он, безусловно, окутан тайной.

— Полагаю, ему досталась уйма денег как наследнику сэра Лоуренса Ирдсли?

— Моя дорогая Энн, он, должно быть, купается в них. А знаете, он был бы для вас великолепной партией.

— Я не могу попытаться с ним счастья, когда вы на борту, — сказала я, смеясь. — Ох, уж эти замужние женщины!

— У нас действительно есть преимущество, — промурлыкала

Сьюзен. — И все знают, что я абсолютно предана Кларенсу, моему мужу. Это так спокойно и приятно — ухаживать за преданной женой.

— Кларенс, должно быть, доволен браком с таким человеком, как вы.

— Что вы, жить со мной очень утомительно! Тем не менее он всегда может убежать в свое Министерство иностранных дел, где он вставляет в глаз монокль и засыпает в большом кресле. Мы могли бы телеграфировать ему, чтобы он сообщил нам все, что знает о Рейсе. Я обожаю посылать телеграммы. А Кларенса они так раздражают. Он всегда говорит, что можно обойтись письмом. Однако не думаю, что он нам что-нибудь расскажет. Он ужасно сдержан. Именно поэтому с ним так трудно находиться вместе долгое время. Однако вернемся к нашему сватовству. Я убеждена, что полковник Рейс совершенно пленен вами, Энн. Пара взглядов ваших озорных глаз — и дело сделано. Все обручаются на борту. Здесь больше нечего делать.

— Я не хочу выходить замуж.

— Вот как? — воскликнула Сьюзен. — А почему бы нет? Мне нравится быть замужем — даже за Кларенсом!

Я не отреагировала на ее ветреное замечание.

— Я хочу знать, — решительно заявила я, — какое ко всему этому имеет отношение полковник Рейс? В чем-то он замешан.

— Вы не думаете, что его рассказ был простым совпадением?

— Нет, не думаю, — уверенно сказала я. — Он пристально наблюдал за всеми нами. Помните, часть алмазов была найдена, но не все. Может быть, это недостающие алмазы, а может быть.

— Что?

Я не дала прямого ответа.

— Хотела бы я знать, что случилось с другим молодым человеком. Не Ирдсли, а.., как его звали... Лукасом!

— Так или иначе кое-что нам известно. Все эти люди охотятся за алмазами. Должно быть, именно из-за них «человек в коричневом костюме» убил Надину.

— Он не убивал ее, — резко сказала я.

— Разумеется, ее убил он. Кто же еще мог это сделать?

— Не знаю. Но я уверена, что он ее не убивал.

— Он вошел в тот дом через три минуты после нее и вышел бледный, как полотно.

— Потому что нашел ее мертвой.

— Но туда больше никто не входил.

— Значит, убийца уже был в доме или он забрался туда каким-то иным

путем. Ему не было нужды проходить мимо сторожки, он мог бы перелезть через стену.

Сьюзен проницательно взглянула на меня.

— «Человек в коричневом костюме», — вслух размышляла она. — Интересно, кто это был? В любом случае он и «доктор» в подземке — одно и то же лицо. У него было достаточно времени, чтобы снять грим, переодеться и проследить женщину до Марлоу. Она и Картон должны были там встретиться, у них у обоих имелся ордер на осмотр одного дома. И, если они приняли столь тщательные предосторожности, чтобы их встреча выглядела случайной, они должны были подозревать, что за ними следят. Тем не менее Картон не знал, что его преследователь — «человек в коричневом костюме». Когда он узнал его, потрясение было столь сильным, что он совсем потерял голову и, отступив, упал на рельсы. Все это кажется достаточно ясным, не так ли? Энн!

Я не ответила.

— Да, вот как это было. Он вынул бумажку из кармана погибшего, и, торопясь уйти, уронил ее. Затем он проследил женщину до Марлоу. Что он делал после того, как покинул дом, убив ее или, по вашей версии, найдя ее мертвой? Куда он пошел?

Я снова промолчала.

— Теперь я хотела бы знать, — задумчиво произнесла Сьюзен, — возможно ли, что он уговорил сэра Юстаса Педлера взять его с собой в качестве секретаря? Это было бы несравненным шансом безопасно выбраться из Англии, избежав погони. Но как он добился своего от сэра Юстаса? Похоже, будто он имеет над ним власть.

— Или над Пейджетом, — предположила я помимо воли.

— Кажется, вам не нравится Пейджет, Энн. Сэр Юстас утверждает, что он самый способный и трудолюбивый молодой человек. И очевидно, такое представление о нем соответствует действительности. Итак, вернемся к моим догадкам. Рейберн — «человек в коричневом костюме». Он прочел бумажку, которую уронил. Поэтому, введенный, как и вы, в заблуждение пятнышком, он пытается проникнуть в каюту номер 17 в один час 22-го, предварительно постаравшись заполучить эту каюту с помощью Пейджета. По пути туда кто-то ударил его ножом...

— Кто? — вставила я.

— Чичестер. Да, все сходится. Телеграфируйте лорду Нэсби, что вы нашли «человека в коричневом костюме», и вы разбогатели, Энн!

— Вы не учли несколько моментов.

— Каких? У Рейберна есть шрам, я знаю, но он вполне может быть

фальшивым. Рост и телосложение подходят. Как вы назвали форму его головы, повергнув во прах людей из Скотленд-Ярда?

Я задрожала. Сьюзен — женщина образованная и начитанная, и я молилась, чтобы она не оказалась знакома со специальными антропологическими терминами.

— Долихоцефальная, — беспечно сказала я. Сьюзен засомневалась.

— Это точно?

— Конечно. Длинноголовый. Голова, ширина которой составляет менее 75% ее длины, — без запинки объяснила я.

Наступило молчание. Я как раз собиралась перевести дух, когда Сьюзен вдруг спросила:

— А как называется противоположность?

— Что вы имеете в виду?

— Должна же быть противоположность. Как вы называете головы, ширина которых более 75% их длины?

— Брахицефальные, — нехотя прошептала я.

— Вот. Мне кажется, что вы тогда сказали именно так.

— Разве? Я оговорила. Я хотела сказать «долихоцефальная», — произнесла я со всей убедительностью, на какую только была способна.

Сьюзен испытующе посмотрела на меня. Затем она рассмеялась.

— Вы лжете очень искусно, цыганка. Однако мы сэкономим время и силы, если вы сейчас расскажете мне все.

— Мне нечего рассказывать, — нехотя промолвила я.

— Будто бы? — мягко заметила Сьюзен.

— Наверное, придется рассказать вам, — проговорила я медленно. — Я ничего не стыжусь. Нельзя стыдиться чего-то, что просто.., случается с вами. Вот как все было. Он вел себя отвратительно — грубо и неблагодарно, но мне кажется, я понимаю почему. Это как собака, которую посадили на цепь или с которой плохо обращались, — она укусит любого. Вот такой он был — ожесточенный и огрызающийся. Не знаю почему, но я полюбила его. Страшно полюбила. Я только увидела его — и вся моя жизнь совершенно перевернулась. Я люблю его. Мне его недостает. Я пройду босая через всю Африку, пока не найду его, и я заставлю его полюбить меня. Ради него я бы умерла. Ради него я готова работать, быть рабой, красть, даже просить подаяния! Ну вот, теперь вы знаете!

Сьюзен посмотрела на меня долгим взглядом.

— Вы совсем не похожи на англичанку, — сказала она наконец. — В вас нет ни капли сентиментальности. Я никогда не встречала никого, кто был бы одновременно столь практичным и столь страстным. Я никогда

никого так не люблю, и слава Богу, и все же.., и все же я завидую вам, цыганка. Это великолепно — быть способной любить. Большинство людей не способны на любовь. Однако какое счастье для вашего маленького доктора, что вы не вышли за него. По вашим словам, он совсем не походит на человека, который бы с удовольствием держал у себя дома взрывчатку! Итак, телеграммы лорду Нэсби не будет?

Я покачала головой.

— И вы все же верите, что он невиновен?

— Я также думаю, что невиновного могут повесить.

— Гм, пожалуй. Но, Энн, дорогая, вы умеете смотреть фактам в лицо, сделайте это сейчас. Несмотря на все, что вы говорите, он, вероятно, убил ту женщину.

— Нет, — сказала я. — Он не убивал.

— Это эмоции.

— Нет. Он мог бы убить ее. Может быть, даже выследил с таким намерением. Но он не стал бы брать с собой кусок черного шнура и душить ее им. Он задушил бы ее голыми руками.

Сьюзен слегка поежилась, а потом оценивающе прищурилась.

— Гм! Энн, я начинаю понимать, почему вы находите своего молодого человека столь привлекательным.

Глава XVI

На следующее утро я воспользовалась случаем, чтобы поговорить с полковником Рейсом. Палубу только что закончили убирать, и мы вдвоем отправились на прогулку.

— Как цыганка чувствует себя сегодня утром? Тоскует по суше и своему фургону?

Я покачала головой.

— Теперь, когда море ведет себя так тихо, я чувствую, что хотела бы плыть и плыть.

— Какой энтузиазм!

— Разве сегодня не чудесное утро?

Мы перегнулись через поручень. Море было зеркально гладкое. Казалось, будто оно пропитано маслом. На поверхности плавали большие цветные пятна, синие, бледно-зеленые, изумрудные, фиолетовые, густо-оранжевые, как на картине кубиста. Временами на солнце вспыхивали серебром летающие рыбы. Воздух был сырой и теплый, почти липкий. Он ласково наполнял наши легкие.

— Вчера вечером вы рассказали нам очень интересную историю, — сказала я, прерывая молчание.

— Которую?

— Об алмазах.

— Полагаю, женщины всегда интересуются алмазами.

— Конечно. Между прочим, что случилось с другим молодым человеком? Вы сказали, что их было два.

— Юным Лукасом? Что ж, они, разумеется, не могли судить одного без другого, поэтому он тоже избежал наказания.

— А что с ним случилось? Потом, я имею в виду. Кому-нибудь это известно?

Полковник Рейс смотрел на море прямо перед собой. Его лицо, подобно маске, было лишено какого-либо выражения, но мне показалось, что ему не понравились мои вопросы. Тем не менее он ответил достаточно охотно.

— Он пошел на войну и храбро сражался. Сообщалось, что он, раненный, пропал без вести, его сочли убитым.

Таким образом я узнала то, что хотела. Больше я ни о чем не спрашивала. Но сильнее, чем когда-либо, я задавалась вопросом: как много

известно полковнику Рейсу? Для меня было загадкой, какую роль он играл во всем этом деле.

Я сделала еще кое-что. Порасспросила ночного стюарда. С помощью небольшого финансового поощрения мне вскоре удалось его разговорить.

«Надеюсь, леди не испугалась, а, мисс? Похоже, это безвредная шутка. Пари или что-то вроде, насколько я понял».

Мало-помалу я все вытянула из него. По пути из Кейптауна в Англию один из пассажиров вручил ему катушку с пленкой с указанием, что ее надо бросить на койку в каюту номер 71 в 1 час ночи 22-го января на обратном пути. Каюту должна была занимать дама, и все дело было представлено как пари. Я поняла, что стюарду щедро заплатили за его участие. Имя дамы не упоминалось. Поскольку миссис Блейр прошла прямо в каюту номер 71, поговорив с экономом сразу по прибытии на борт, стюарду, разумеется, не пришло в голову, что это была не та дама. Фамилия пассажира, затеявшего сделку, была Картон, и его описание полностью соответствовало внешности мужчины, погибшего в подземке.

Итак, одна тайна, во всяком случае, прояснилась, и алмазы, очевидно, были ключом ко всему.

Последние дни на «Килмордене», кажется, прошли очень быстро. По мере приближения к Кейптауну передо мной встала необходимость тщательно обдумать планы на будущее. Я хотела следить за многими людьми. Мистер Чичестер, сэр Юстас и его секретарь и, конечно, полковник Рейс! Что мне было делать? Естественно, первым, кто требовал моего внимания, был Чичестер. В сущности, я уже с неохотой собиралась исключить сэра Юстаса и мистера Пейджета из списка подозреваемых, когда случайный разговор пробудил у меня новые сомнения.

Я не забыла непонятной реакции мистера Пейджета, когда упомянули о Флоренции. В последний наш вечер на судне мы все сидели на палубе, и сэр Юстас обратился к своему секретарю с совершенно невинным вопросом. Не помню точно, о чем он спросил, что-то об опозданиях поездов в Италии, но я сразу же заметила, что мистеру Пейджету вновь стало не по себе. Когда сэр Юстас пригласил миссис Блейр на танец, я быстро продвинулась вместе с моим шезлонгом поближе к секретарю. Я была полна решимости добраться до сути дела.

— Мне всегда так хотелось поехать в Италию, — сказала я. — И особенно во Флоренцию. Разве вам там не очень понравилось?

— Конечно, очень, мисс Беддингфелд. Прошу прощения, но корреспонденция сэра Юстаса...

Я крепко схватила его за рукав.

— О, вы не должны убегать! — вскричала я с игривой интонацией престарелой вдовы. — Я уверена, сэр Юстас не хотел бы, чтобы вы оставили меня одну без собеседника. Вы, кажется, не склонны говорить о Флоренции. О, мистер Пейджет, я полагаю, у вас на совести есть тайный грех!

Я все еще держала его за рукав и смогла почувствовать, как он вздрогнул.

— Вовсе нет, мисс Беддингфелд, вовсе нет, — серьезно сказал он — Я был бы совершенно счастлив рассказать вам все, но действительно есть несколько телеграмм...

— О, мистер Пейджет, какая неубедительная отговорка! Я расскажу сэру Юстасу...

Продолжать мне не потребовалось. Он снова испуганно дернулся. Кажется, его нервы были напряжены до предела.

— О чем бы вы желали узнать?

Смиренная мука в его голосе заставила меня внутренне улыбнуться.

— О, обо всем! О картинах, оливковых деревьях... Я замолчала, сама не зная, что сказать.

— Полагаю, вы говорите по-итальянски, — продолжала я.

— К сожалению, совсем не говорю. Разве только со швейцарами и.., гидами.

— Совершенно верно, — поспешила заметить я. — А какая картина вам понравилась больше всего?

— О, о... «Мадонна».., э... Рафаэля, знаете ли.

— Милая старая Флоренция, — сентиментально промурлыкала я. — Такая живописная на берегах Арно. Красивая река. А Дуомо^[8], вы помните Дуомо?

— Конечно, конечно.

— Тоже красивая река, не так ли? — рискнула я. — Едва ли не лучше, чем Арно?

— Совершенно с вами согласен.

Ободренная тем, что он попался в мою маленькую ловушку, я продолжала. Однако сомнений почти не оставалось. С каждым словом мистер Пейджет все больше оказывался в моих руках. Он никогда в жизни не был во Флоренции.

Но если не во Флоренции, то где же он был? В Англии? В Англии фактически в то время, когда произошло таинственное убийство в Милл-Хаусе? Я решилась на смелый шаг.

— Любопытная вещь, — сказала я, — мне казалось, что я вас где-то

уже видела раньше. Но я, должно быть, ошибаюсь, поскольку вы тогда были во Флоренции. И все же...

Я откровенно изучала его. В его глазах появилось затравленное выражение. Он облизал пересохшие губы.

— Где же..., где...

— Я могла вас видеть? — закончила я за него. — В Марлоу. Вы знаете Марлоу? Ну, конечно, как это глупо с моей стороны, ведь там находится дом сэра Юстаса!

Однако тут, пробормотав бессвязное извинение, моя жертва спаслась бегством.

В тот вечер я вторглась в каюту Сьюзен, пылая от возбуждения.

— Вы видите, Сьюзен, — настаивала я, закончив свой рассказ, — он был в Англии, в Марлоу, во время убийства. Вы и сейчас так уверены, что «человек в коричневом костюме» виновен?

— Я уверена в одном, — неожиданно заявила Сьюзен, сверкая глазами.

— В чем же?

— В том, что «человек в коричневом костюме» красивее, чем бедный мистер Пейджет. Нет, Энн, не сердитесь Я шучу. Сядьте сюда. Без шуток, я думаю, что вы сделали очень важное открытие. До сих пор мы считали, что у Пейджета есть алиби. Теперь мы знаем, что у него его нет.

— Вот именно, — сказала я. — Мы должны следить за ним.

— Так же, как и за всеми остальными, — уныло заметила Сьюзен. — Итак, это одна из тем, на которую я хотела с вами побеседовать. Другая — проблема финансов. Нет, не задирайте нос. Я знаю, что вы до нелепости гордая и самостоятельная, но вам придется прислушаться к соображениям грубого здравого смысла. Мы — компаньоны, я не предложила бы вам ни пенни только потому, что вы мне понравились, или потому, что вы одинокая девушка. Мне не хватает сильных ощущений, и я готова платить за них. Мы будем заниматься расследованием вместе, не считаясь с расходами. Начнем с того, что вы поселитесь со мной в отеле «Маунт Нелсон» за мой счет, и мы составим план наших действий.

Мы поспорили. В конце концов я сдалась, но мне ее идея была не по нраву. Я хотела действовать самостоятельно.

— Договорились, — наконец сказала Сьюзен, вставая, потягиваясь и широко зевая. — Я страшно устала от собственного красноречия. Итак, давайте обсудим, что делать с нашими жертвами. Мистер Чичестер едет дальше в Дурбан. Сэр Юстас собирается поселиться в отеле «Маунт Нелсон» в Кейптауне, а потом поехать в Родезию. У него в поезде будет

личный вагон, и позапрошлым вечером в порыве благодушия после четвертого бокала шампанского он предложил мне присоединиться к нему. Полагаю, что на самом деле у него не было такого намерения, но так или иначе он теперь не сможет пойти на попятную, если я напомню ему его обещание.

— Хорошо, — одобрила я. — Вы следите за сэром Юстасом и Пейджетом, а я займусь Чичестером. А как насчет полковника Рейса?

Сьюзен взглянула на меня с сомнением.

— Энн, не можете же вы подозревать...

— Могу. Я подозреваю всех. Я склонна к этому, когда речь идет о поисках кого-то совершенно неожиданного.

— Полковник Рейс тоже едет в Родезию, — задумчиво произнесла Сьюзен. — Если бы мы могли устроить так, чтобы сэр Юстас пригласил и его...

— Вы можете добиться этого. Вы всего можете добиться.

— Люблю, когда мне льстят, — промурлыкала Сьюзен.

Мы расстались, договорившись, что Сьюзен должна использовать свои способности с наибольшим толком для дела.

Я чувствовала себя слишком возбужденной, чтобы сразу лечь спать. Это была моя последняя ночь на борту. Завтра рано утром мы будем в Столовой бухте.

Я проскользнула на палубу. Дул свежий и прохладный бриз. Судно слегка покачивалось на волнах. Темнели пустые палубы. Было за полночь.

Я перегнулась через поручень, наблюдая за фосфоресцирующим следом, оставляемым судном. Впереди лежала Африка, мы стремительно двигались к ней по темной воде. Я чувствовала, что я одна в чудесном мире. Окутанная удивительным покоем, я стояла там, потеряв счет времени и погрузившись в мечты.

И вдруг меня охватило странное предчувствие. Я ничего не слышала, но инстинктивно обернулась. Сзади ко мне подкрадывалась темная фигура. Когда я обернулась, человек бросился на меня. Одной рукой он сжал мне горло, не давая крикнуть. Я боролась отчаянно, но у меня было мало шансов. Наполовину задушенная, я кусалась и царапалась чисто по-женски. Наши силы несколько уравнивались тем, что он должен был прилагать определенные усилия, не давая мне крикнуть. Если бы ему удалось подобраться ко мне незамеченным, он легко сумел бы, неожиданно подняв, перебросить меня через борт. Об остальном позаботились бы акулы.

Отбиваясь, я почувствовала, что слабею. Нападавший тоже понял это.

Он собрал все свои силы. И тут быстро и бесшумно к нам приблизилась еще одна тень. Одним ударом кулака мой противник был с грохотом повергнут на палубу. Освободившись, я отступила к поручню, измученная и дрожащая.

Мой спаситель быстро повернулся ко мне.

«Вам больно?»

В его тоне было что-то свирепое, в нем слышалась угроза в адрес человека, посмеявшегося причинить мне боль. Еще до того, как он заговорил, я узнала его. То был он, человек со шрамом.

Однако мгновения, на которое его внимание было привлечено ко мне, хватило поверженному врагу. Стремительно, как молния, он вскочил на ноги и пустился бежать по палубе. Рейберн с проклятием бросился вдогонку.

Я никогда не остаюсь сторонним наблюдателем. И я присоединилась к погоне, хотя толку от меня было мало.

Обежав вокруг палубы, мы выскочили к правому борту судна. Там у двери в салон безжизненной массой лежал человек. Рейберн наклонился над ним.

— Вы его опять ударили? — запыхавшись, окликнула я.

— В этом не было необходимости, — ответил он мрачно. — Когда я подбежал, он в изнеможении лежал у двери. Или же он не смог открыть ее и теперь притворяется. Мы скоро все выясним и посмотрим, кто он такой.

С бьющимся сердцем я подошла поближе. Я сразу же поняла, что напавший на меня человек был выше Чичестера. Так или иначе, Чичестер был существом слабым, и в крайнем случае воспользовался бы ножом.

Рейберн зажег спичку. Мы оба вскрикнули. Перед нами лежал Ги Пейджет.

Рейберн, по-видимому, был совершенно ошеломлен этим открытием.

— Пейджет, — пробормотал он. — Боже мой, Пейджет.

Я ощутила легкое чувство превосходства.

— Вы, кажется удивлены?

— Да, удивлен, — мрачно сказал он. — Я никогда не подозревал... — Вдруг он повернулся ко мне. — А вы? Вы — нет? Наверное, вы узнали его, когда он на вас напал?

— Нет, не узнала. И тем не менее я не слишком удивлена.

Он подозрительно смотрел на меня.

— Интересно, какое вы ко всему имеете отношение? И что вам известно?

Я улыбнулась.

— Много, мистер... Лукас!

Он схватил меня за руку. Сила его хватки заставила меня поморщиться от боли.

— Откуда вы знаете это имя? — спросил он хрипло.

— Разве оно не ваше? — тихо спросила я. — Или вы предпочитаете, чтобы вас называли «человек в коричневом костюме»?

Эти слова потрясли его. Он выпустил мою руку и слегка попятился.

— Вы девушка или ведьма? — выдохнул он.

— Я друг, — я немного придвинулась к нему. — Я уже предлагала вам свою помощь и предлагаю ее опять. Примете ли вы ее?

Ярость, с которой он ответил, поразила меня.

— Нет. Я не хочу иметь ничего общего ни с вами, ни с любой другой женщиной.

Как и в первый раз, я начала выходить из себя. — Вероятно, — заметила я, — вы не понимаете, до какой степени вы в моей власти? Одно слово капитану...

— Скажите ему, — усмехнулся он. А затем быстро придвинулся ко мне. — А пока мы здесь разбираемся, моя дорогая, понимаете ли вы, что в данную минуту находитесь в моей власти? Я мог бы схватить вас за горло вот так. — Быстрым движением он привел в исполнение свою угрозу. Я почувствовала, как его руки сомкнулись на моем горле и сжали его — совсем чуть-чуть. — Вот так — и выпущу из вас дух! А потом — подобно нашему бездыханному другу, но с большим успехом, — выброшу ваше мертвое тело акулам. Что вы на это скажете?

Я ничего не сказала. Я рассмеялась. И все же я знала, что опасность реальна. В ту минуту он ненавидел меня. Но я также знала, что мне нравится опасность, нравится чувствовать его руки на горле. Что я не променяю это мгновение ни на какое другое в жизни.

С коротким смешком он выпустил меня.

— Как вас зовут? — резко спросил он.

— Энн Беддингфелд.

— Вы ничего не боитесь, Энн Беддингфелд?

— Ну почему же? — ответила я с притворным спокойствием, от которого была на самом деле очень далека. — Я боюсь ос, саркастических женщин, очень молодых мужчин, тараканов и самодовольных продавцов.

Он вновь отрывисто рассмеялся. Затем он дотронулся ногой до безжизненного тела Пейджета.

— Что будем делать с этим хамом? Выбросим за борт? — небрежно спросил он.

— Как хотите, — ответила я с не меньшим безразличием.

— Я восхищаюсь вашими поистине кровожадными инстинктами, мисс Беддингфелд. Тем не менее мы оставим его, чтобы он пришел в себя, когда захочет. С ним ничего страшного не произошло.

— Я вижу, вы уклоняетесь от второго убийства, — сладко сказала я.

— Второго убийства?

Он был по-настоящему озадачен.

— Женщина в Марлоу, — напомнила я ему, внимательно наблюдая, какое впечатление произвели мои слова.

На его лице появилось неприятное выражение тягостного раздумья. Казалось, он забыл о моем присутствии.

— Я мог бы убить ее, — произнес он. — Иногда я думаю, что собирался это сделать...

Необузданные чувства, ненависть к мертвой женщине охватили меня. В тот момент я могла бы убить ее, окажись она передо мной... Ибо он, должно быть, некогда любил ее, он должен был, должен был чувствовать нечто подобное!

Я овладела собой и заговорила обычным голосом:

— Кажется, мы сказали все, что следовало, кроме «спокойной ночи».

— Спокойной ночи и прощайте, мисс Беддингфелд.

— Au revoir, мистер Лукас.

И вновь он вздрогнул при звуке этого имени. Он приблизился.

— Почему вы так говорите, я имею в виду «до свидания»?

— Потому что, я полагаю, мы встретимся опять.

— Не встретимся, если это будет зависеть от меня!

Несмотря на его интонацию, я не обиделась. Напротив, я поздравила себя с тайным удовлетворением. Я не такая уж дура.

— Все равно, — сказала я серьезно, — думаю, что встретимся.

— Почему?

Я покачала головой не в состоянии объяснить, какое чувство двигало мной.

— Я никогда не захочу снова увидеть вас, — сказал он неожиданно и яростно.

Это было в самом деле очень грубо сказано, но я только тихо рассмеялась и ускользнула в темноту.

Он двинулся было за мной, потом остановился, и до меня долетело какое-то слово. Думаю, что то было «ведьма»!

Глава XVII

(Отрывок из дневника сэра Юстаса Педлера)

Отель «Маунт Нелсон», Кейптаун Я испытал воистину огромное облегчение, сойдя с «Килмордена». За время плавания я постоянно ощущал, что окружен сетью интриг. В довершение всего Ги Пейджет ввязался в пьяную драку прошлой ночью. Конечно, можно оправдываться сколько угодно, но фактически дело сводится к этому. О чем еще вы подумали бы, если бы к вам пришел человек с шишкой на голове, величиной с яйцо, и глазом, отливающим всеми цветами радуги?

Разумеется, Пейджет упорно пытался окутать тайной все происшедшее. По его словам выходило, что подбитый глаз был непосредственным итогом преданности моим интересам. Его рассказ был чрезвычайно туманным и бессвязным, и долгое время я ничего не мог понять.

Сначала, кажется, он увидел человека, который вел себя подозрительно. Такими словами выражался Пейджет. Он позаимствовал их прямо со страниц немецкого романа про шпионов. Что он подразумевает под «человеком, который вел себя подозрительно», он и сам не знает. Я так ему и сказал.

— Он крался по коридору, стараясь остаться незамеченным, и была середина ночи, сэр Юстас.

— А что вы сами-то делали? Почему вы не были в постели и не спали, как добрый христианин? — раздраженно спросил я.

— Я зашифровывал ваши телеграммы, сэр Юстас, и перепечатывал последние дневниковые записи.

Верьте, что Пейджет всегда прав и страдает из-за этого!

— И что дальше?

— Я как раз думал немного оглядеться кругом перед тем, как лечь спать, сэр Юстас. Тот человек шел по коридору из вашей каюты. По тому, как он озибался по сторонам, я сразу решил: что-то не так. Он проскользнул по лестнице, ведущей к салону. Я последовал за ним.

— Мой дорогой Пейджет, — сказал я, — почему бы бедняге не выйти на палубу без слежки за ним? Многие даже спят там, что очень неудобно, по-моему. Моряки смывают вас вместе со всем остальным в пять утра. — Я

содрогнулся при мысли об этом.

— Так или иначе, — продолжал я, — если вы все время надоедали какому-то бедняге, страдавшему от бессонницы, не удивляюсь, что он наподдал вам разок.

Пейджет, кажется, ни на что не обращал внимания.

— Если бы вы выслушали меня, сэр Юстас... Я был убежден, что человек бродил возле вашей каюты, где ему нечего было делать. Единственные две каюты, выходящие в этот коридор, принадлежат вам и полковнику Рейсу.

— Рейс, — заметил я, зажигая сигару, — может позаботиться о себе без вашей помощи, Пейджет. — Потом я добавил:

— И я тоже.

Пейджет приблизился и часто задышал, как он всегда делает перед тем, как сообщить что-то по секрету.

— Понимаете, сэр Юстас, я вообразил, а теперь я в самом деле уверен, что это был Рейберн.

— Рейберн?

— Да, сэр Юстас.

Я покачал головой.

— Рейберн слишком разумен, чтобы пытаться разбудить меня посреди ночи.

— Совершенно согласен с вами, сэр Юстас. Думаю, что он ходил к полковнику Рейсу. Тайная встреча — чтобы получить инструкции!

— Перестаньте шипеть, Пейджет, — сказал я, немного отодвигаясь, — и не дышите так часто. Ваша мысль абсурдна. Зачем им понадобилось тайно встречаться в середине ночи? Если бы им нужно было переговорить, они могли бы пообщаться за бульоном, что выглядело бы совершенно непреднамеренно и естественно.

Я увидел, что Пейджет несколько не разубежден.

— Прошлой ночью что-то происходило, сэр Юстас, — настаивал он, — иначе зачем Рейберну надо было так грубо набрасываться на меня?

— Вы совершенно уверены, что это был Рейберн?

Кажется, Пейджет абсолютно убежден. Здесь единственное место в его рассказе, в котором он не напустил туману.

— Во всем этом есть что-то очень странное, — сказал он. — Прежде всего, где Рейберн?

Действительно, после того как мы сошли на берег, мы его не видели. Он не приехал с нами в гостиницу. Тем не менее я отказываюсь верить, что он боится Пейджета.

Однако сложившаяся ситуация очень неприятна. Один из моих секретарей исчез, а другой похож на пользующегося дурной славой боксера-профессионала. В его нынешнем состоянии я не могу взять его с собой. Я стану посмешищем всего Кейптауна. Сегодня позднее у меня назначена встреча, на которой я должен передать billet-doux^[9] старика Милрея, но Пейджета я не возьму с собой. К черту его вместе с его крадущимися незнакомцами.

В общем, я совершенно не в себе. Я отвратительно позавтракал с противными людьми. Голландским официанткам с толстыми лодыжками понадобилось целых полчаса, чтобы принести мне кусок скверной рыбы. И меня очень утомил этот фарс с вставанием в 5 утра по прибытии в порт, и все для того, чтобы увидеть чертова доктора и подержать руки над головой.

Позднее

Случилось нечто очень серьезное. Я отправился на свидание с премьер-министром, взяв запечатанное послание Милрея. Было непохоже, чтобы его кто-нибудь трогал, однако внутри оказался лишь чистый лист бумаги!

Теперь я оказался в крайне неприятном положении. Не могу понять, зачем я дал этому блеющему старому дураку Милрею вовлечь меня в его дела.

Известно, что Пейджет — плохой утешитель. Он проявляет какое-то мрачное удовлетворение, которое доводит меня до бешенства. Кроме того, он воспользовался моим расстройством и навязал мне чемодан с канцелярскими принадлежностями. Если он не остережется, то следующие похороны, на которых он будет присутствовать, будут его собственные.

Однако в конце концов пришлось прислушаться к нему.

— Предположим, сэр Юстас, что Рейберн подслушал несколько слов из вашего разговора с мистером Милреем на улице. Вспомните, вы ведь не получили от него письменной рекомендации. Вы приняли Рейберна за того, за кого он себя выдал.

— Значит, вы считаете Рейберна мошенником? — тихо спросил я.

Пейджет так и считал. Не знаю, насколько на его мнение подействовало чувство обиды за подбитый глаз. Он привел весьма убедительные доводы против Рейберна. Кроме того, и внешность

последнего свидетельствовала не в его пользу. Я решил ничего не предпринимать. Человек, позволивший себя так одурачить, не жаждет раззвонить об этом.

Однако Пейджет, силы которого не ослабли из-за его недавних неприятностей, был всецело за принятие энергичных мер. Он, конечно, настоял на своем. Он поспешил в полицейский участок, разослал бесчисленное множество телеграмм и приглашал толпу английских и голландских чиновников пить виски с содовой за мой счет.

В тот же вечер мы получили ответ от Милрея. Он ничего не знал о моем бывшем секретаре! Из всей ситуации я смог извлечь только одно утешение.

— По крайней мере, — сказал я Пейджету, — вы не были отравлены. У вас был один из ваших обычных приступов холецистита.

Я увидел, как он поморщился. Это была моя единственная удача.

Позднее

Пейджет в своей стихии. Он просто фонтанирует блестящими идеями. Теперь он утверждает, что Рейберн — не кто иной, как знаменитый «человек в коричневом костюме». Полагаю, он прав. Он обычно прав. Однако все это становится неприятным. Чем скорее я отправлюсь в Родезию, тем лучше. Я объяснил Пейджету, что ему не придется меня сопровождать.

«Понимаете, мой дорогой, — сказал я, — вы должны остаться здесь. Вы можете понадобиться в любую минуту, чтобы опознать Рейберна. А кроме того, я вынужден подумать о моем достоинстве как депутата английского парламента. Я не могу разъезжать с секретарем, который, по видимому, недавно позволил себе участвовать в пошлой уличной драке.»

Пейджет поморщился. Он столь респектабелен, что его внешность доставляет ему массу огорчений.

— А что же вы будете делать с корреспонденцией и заметками для ваших речей, сэр Юстас?

— Я справлюсь, — сказал я беспечно.

— Ваш личный вагон будет прицеплен к одиннадцатичасовому поезду, который отправляется завтра утром, — продолжал Пейджет. — Я обо всем договорился. Миссис Блейр берет с собой служанку?

— Миссис Блейр? — я даже открыл рот от изумления.

— Она говорит, что вы предложили ей место в своем вагоне.

Так и было, теперь припоминаю. На костюмированном балу. Я даже настаивал на своем приглашении. Но я никогда не думал, что она его примет. Хотя миссис Блейр и очаровательна, я не уверен, что нуждаюсь в ее обществе на всем пути в Родезию и обратно. Женщины требуют к себе столько внимания. И иногда они страшно мешают.

— Я еще кого-нибудь приглашал? — нервно спросил я. Такие вещи делаются в порыве благодушия.

— Миссис Блейр, кажется, полагает, что вы пригласили также полковника Рейса.

Я зарычал.

— Должно быть, я был сильно пьян, если позвал Рейса. Действительно сильно пьян. Послушайтесь моего совета, Пейджет, и пусть подбитый глаз послужит вам предостережением, больше не кутите.

— Вы знаете, сэр Юстас, что я трезвенник.

— Гораздо мудрее дать зарок воздержания от спиртных напитков, если у вас есть такая слабость. Больше я никого не приглашал, Пейджет?

— Насколько мне известно, нет, сэр Юстас. Я облегченно вздохнул.

— Еще мисс Беддингфелд, — задумчиво сказал я. — Кажется, она хочет поехать в Родезию, чтобы искать кости. У меня есть неплохая мысль — предложить ей временную работу секретаря. Она умеет печатать на машинке, я знаю, она сама мне сказала.

К моему удивлению, Пейджет яростно воспротивился. Ему не нравится Энн Беддингфелд. После «ночи подбитого глаза» он неизменно выражает крайнюю неприязнь при каждом упоминании ее имени. Теперь Пейджет полон таинственности.

Предложу девушке работу, просто чтобы досадить ему. Как я уже говорил, у нее очень красивые ножки.

Глава XVIII

(Продолжение рассказа Энн)

Не думаю, что когда-нибудь забуду, как я впервые увидела Столовую гору. Я очень рано встала и вышла на воздух. Поднялась прямо на шлюпочную палубу, что, по-моему, является ужасным нарушением, но я решила рискнуть, воспользовавшись тем, что вокруг никого не было.

Мы как раз входили в Столовую бухту. Кудрявые белые облака нависали над Столовой горой, по склонам которой к самому морю спускался спящий город, позолоченный утренним солнцем.

От этой картины у меня перехватило дыхание и внутри появилось странное ощущение, которое иногда овладевает вами, когда вы встречаетесь с чем-то необыкновенно красивым. Я не очень умею выражать подобные чувства, но сразу поняла, что нашла, пусть очень ненадолго, то, что искала всегда, с тех пор, как покинула Литтл Хемпсли. Нечто новое, о чем я до настоящего времени даже не мечтала, нечто, утолившее мою страстную жажду романтики.

Совершенно бесшумно, или мне так только казалось, «Килморден» скользил по воде все ближе и ближе к берегу. Это было еще очень похоже на сон. Однако подобно всем мечтателям, я не могла расстаться со своей мечтой. Мы, жалкие смертные, так боимся, как бы не пропустить чего-нибудь.

«Это Южная Африка, — усердно повторяла я про себя — Южная Африка, Южная Африка. Ты видишь мир. Вот он — мир. Ты видишь его. Представь себе, Энн Беддингфелд, голова твоя садовая. Ты видишь мир!»

До сих пор мне казалось, что здесь наверху я одна, но теперь я заметила фигуру другого человека, перегнувшегося через поручень, также погруженного, подобно мне, в созерцание быстро приближающегося города. Он еще не успел повернуть голову, как я узнала его. На мирном утреннем солнышке сцена, разыгравшаяся прошлой ночью, представлялась нереальной и мелодраматичной. Что он мог подумать обо мне? Меня бросило в жар, когда я поняла, что я ему наговорила накануне. И ведь я так не думала — или все-таки думала?

Я решительно отвернулась и уставилась на Столовую гору. Если Рейберн поднялся сюда, чтобы побыть в одиночестве, мне, по крайней

мере, не следует мешать ему, напоминая о своем присутствии.

Однако, к моему крайнему изумлению, я услышала легкие шаги по палубе позади меня, а затем нормальный приятный голос произнес:

— Мисс Беддингфелд.

— Да?

Я обернулась.

— Я хочу извиниться перед вами». Прошлой ночью я вел себя как совершенно невоспитанный человек.

— Вчера... была необычная ночь, — поспешно сказала я.

Это было не слишком понятное замечание, но больше мне ничего не пришло в голову.

— Вы простите меня?

Не говоря ни слова, я протянула ему руку. Он пожал ее.

— Я хочу сказать еще кое-что, — посерьезнел он. — Мисс Беддингфелд, вы, наверное, не осознаете, что замешаны в весьма опасном деле.

— Я все хорошо понимаю, — сказала я.

— Нет, вы не понимаете. Вероятно, это и невозможно. Но я хочу предупредить вас. Оставьте это дело. Поверьте, оно не имеет к вам никакого отношения. Не вмешивайтесь в дела других людей из-за обыкновенного любопытства. Только, пожалуйста, не сердитесь на меня. Я говорю не о себе. Вы не представляете, с чем вы можете столкнуться — этих людей ничто не остановит. Они не знают жалости. Вы уже в опасности — вспомните прошлую ночь. Они думают, вам кое-что известно. Ваш единственный шанс — убедить их, что они ошибаются. Но будьте внимательны, постоянно будьте начеку. И, послушайте меня, если когда-нибудь вы попадете к ним в руки, не экспериментируйте и будьте умницей — расскажите всю правду. Это будет ваше единственное спасение.

— Вы приводите меня в ужас, мистер Рейберн, — сказала я до некоторой степени искренне. — Зачем вам надо предупреждать меня?

Несколько минут он молчал, а потом тихо произнес:

— Может быть, это последнее, что я могу для вас сделать. На берегу со мной все будет в порядке, но мне, возможно, не удастся сойти на берег.

— Что? — вскрикнула я.

— Понимаете, боюсь, вы не единственный человек на борту, кто знает, что я — «человек в коричневом костюме».

— Если вы думаете, что я проболталась... — с жаром воскликнула я.

Он успокоил меня улыбкой.

— Я не сомневаюсь в вас, мисс Беддингфелд. Если я когда-то говорил

иначе, я лгал. Нет, на борту есть человек, которому все было известно с самого начала. Стоит ему сказать одно слово — и моя песенка спета. Тем не менее я надеюсь, что он не заговорит.

— Почему?

— Потому, что он любит действовать в одиночку. А если полиция схватит меня, я ему буду больше не нужен. Я не буду зависеть от него. Что ж, время покажет.

Он рассмеялся несколько принужденно, но я заметила, что его лицо вытянулось. Если он и раньше играл с судьбой, то был хорошим игроком. Он умел проигрывать, улыбаясь.

— В любом случае, — беспечно сказал он, — не думаю, что мы снова встретимся.

— Нет, — задумчиво сказала я. — Вероятно, нет.

— Тогда прощайте.

— Прощайте.

Он крепко пожал мне руку, его внимательные светлые глаза на мгновение, казалось, впились в мои, затем он резко повернулся и ушел. Я слышала звук его шагов по палубе. Они долго отдавались у меня в ушах, и я чувствовала, что всегда буду слышать их. Шаги, уходящие из моей жизни.

Могу откровенно признать, что следующие два часа не доставили мне удовольствия. Я снова вздохнула с облегчением, только ступив на причал после завершения большей частью смехотворных формальностей, требуемых чиновниками. Никого не арестовали, и я поняла, что день восхитителен и что я очень голодна. Я присоединилась к Сьюзен. В любом случае ночь я собиралась провести с ней в гостинице. Судно отплывало в Порт-Элизабет и Дурбан только на следующее утро. Мы взяли такси и поехали в отель «Маунт Нелсон».

Все было божественно. Солнце, воздух, цветы! Когда я представила себе Литтл Хемпсли в январе, грязь по колено и непременные дожди, меня охватил восторг. Сьюзен совсем не испытывала подобных чувств. Она, конечно, много путешествовала. Кроме того, она не из тех, кто волнуется перед завтраком. Она строго отчитала меня, когда я восхищенно вскрикнула при виде не правдоподобного гигантского голубого вьюнка.

Между прочим, я хотела бы уточнить раз и навсегда, что эта история не будет рассказом о Южной Африке. Я не обещаю подлинного местного колорита — вы знаете, о чем я говорю — на каждой странице полдюжины слов, набранных курсивом. Я очень хотела бы писать так, но не умею. Говоря об островах Океании, вы, разумеется, сейчас же упоминаете о beche-de-mer^[10]. Я не знаю, что это такое, никогда не знала, и, вероятно,

никогда не узнаю. Раз или два я пробовала догадаться, но ошибалась. В Южной Африке, насколько мне известно, вы немедленно начинаете говорить о stoep^[11], и я знаю, что это штука вокруг дома, на которой сидят. В различных других частях света ее называют веранда, piazza и ha-ha. Потом еще есть папайя, Я часто читала о них. И сразу же поняла, что они собой представляют, когда мне подали одну на завтрак. Сначала я подумала, что мне досталась испорченная дыня. Голландская официантка просветила меня и убедила попробовать еще раз с лимонным соком и сахаром. Я была очень рада узнать, что такое папайя. У меня она всегда смутно ассоциировалась с hula-hula^[12], которая, кажется, хотя я могу и ошибиться, что-то вроде соломенных юбочек, в которых танцуют гавайские девушки. Нет, я, вероятно, ошиблась, это lava-lava.

По крайней мере, после Англии подобные названия очень утешают. Я не могу отделаться от мысли, что наша жизнь на холодных островах стала бы ярче, если бы на завтрак можно было съесть бекон-бекон, а потом пойти платить по счетам, облачившись в джемпер-джемпер.

После завтрака Сьюзен немного смягчилась. Мне предоставили соседнюю комнату с чудесным видом на Столовую бухту. Я любовалась видом, а Сьюзен искала какой-то особый крем для лица. Когда она нашла его и начала тут же мазаться, то обрела способность выслушать меня.

— Вы видели сэра Юстаса? — спросила я. — Он выплывал из буфетной комнаты как раз, когда мы вошли. Ему подали несвежую рыбу или что-то вроде того, и он, выговаривая старшему официанту, швырнул об пол персик, думая, что тот отскочит, чтобы показать, какой он твердый, однако персик оказался совсем не твердым и расплющился.

Сьюзен улыбнулась:

— Сэр Юстас любит вставать рано ничуть не больше, чем я. Но, Энн, видели ли вы мистера Пейджета? Я столкнулась с ним в коридоре. У него подбит глаз. Что бы такое он мог сделать?

— Всего лишь пытался столкнуть меня за борт, — небрежно ответила я.

Очко в мою пользу. Сьюзен оставила лицо наполовину ненамазанным и потребовала подробностей. Я рассказала.

— Дело становится все более и более таинственным, — воскликнула она. — Я думала, что мне предстоит легкая работа не отходить ни на шаг от сэра Юстаса, а все сливки с преподобным Эдвардом Чичестером достанутся вам, но теперь я уже не так уверена. Надеюсь, Пейджет не выкинет меня с поезда как-нибудь темной ночью.

— Думаю, вы все еще вне подозрений, Сьюзен. Но, если случится худшее, я телеграфирую Кларенсу.

— Вы напомнили мне — подайте телеграфный бланк. Надо сообразить, что написать. «Вовлечена в самую волнующую тайну пожалуйста вышли мне сейчас же тысячу фунтов Сьюзен».

Я взяла бланк и указала, что она могла бы опустить артикли и, вероятно, обойтись без «пожалуйста», если ей не обязательно быть столь вежливой. Сьюзен, по-видимому, совершенно безрассудна в денежных вопросах. Вместо того чтобы прислушаться к моим советам быть поэкономнее, она добавила еще три слова: «получаю массу удовольствия».

Сьюзен пригласили на ланч с друзьями, которые заехали за ней в гостиницу около одиннадцати. Я осталась предоставленной самой себе. Пройдя через парк при гостинице, я пересекла трамвайные пути и спустилась прохладной тенистой улочкой прямо на главную улицу. Я прогуливалась по ней, глаза по сторонам, наслаждаясь солнцем и чернолицыми продавцами цветов и фруктов. Обнаружила место, где продавали очень вкусную крем-соду, и в конце концов, купив корзинку персиков за шесть пенни, вернулась в гостиницу.

К своему удивлению и радости, я обнаружила, что меня ждет записка. Она была от зрителя музея, который прочел о моем прибытии на «Килмордене» в газете, где я была представлена как дочь покойного профессора Беддингфелда. Зритель немного знал моего отца и всегда восхищался им. В записке говорилось, что его жена будет счастлива, если я приеду к ним на чашку чаю сегодня днем на их виллу в Мейсенберге, и было указано, как туда добраться.

Мне было приятно, что о бедном папе еще помнят и высоко его ценят. Я опасалась, что меня обязательно поведут в музей до моего отъезда из Кейптауна, но решила рискнуть. Для большинства людей это было бы удовольствием, однако любым лакомством можно объесться, если потреблять его утром, днем и вечером.

Надев свою лучшую шляпку (одну из отданных мне Сьюзен) и наименее мягкое белое платье, после ланча я отправилась. Скорым поездом я добралась до Мейсенберга примерно за полчаса. Поездка была славная. Мы медленно ехали вокруг подножия Столовой горы, и некоторые цветы были восхитительны. Я слаба в географии и никогда раньше не представляла себе толком, что Кейптаун находится на полуострове. Поэтому была несколько удивлена, когда, выйдя из поезда, вновь оказалась у моря. Это была чарующая картина. Люди на коротких закругленных досках носились по волнам. Для чая было еще слишком рано, поэтому я

направилась к купальному павильону и, когда меня спросили, не желаю ли я получить доску для серфинга, я ответила утвердительно. Серфинг кажется очень простым. Это не так. Больше я ничего не скажу. Я страшно разозлилась и просто отшвырнула мою доску прочь. Тем не менее решила при первой возможности вернуться и попробовать еще раз. Я не сдамся. Потом совершенно случайно я удачно прокатилась на доске и вышла из воды в эйфории. Серфинг!.. Вы или проклинаете все на свете, или по-идиотски довольны собой.

Немного проплутав, я нашла виллу «Меджи». Она располагалась на самом склоне горы в стороне от других коттеджей и вилл. Я позвонила, мне открыл улыбающийся мальчик-кафр.

«Миссис Раффины?» — спросила я.

Он впустил меня, провел по коридору и распахнул дверь. Я уже собралась войти, как вдруг заколебалась. Меня охватило дурное предчувствие. Я переступила порог, и дверь позади резко захлопнулась.

Из-за стола встал мужчина и подошел с протянутой для приветствия рукой.

«Я так рад, что мы убедили вас приехать, мисс Беддингфелд», — сказал он.

Мужчина был высокий, очевидно голландец, с огненно-рыжей бородой. Он нисколько не походил на смотрителя музея. Тут меня осенило, какого дурака я свалила.

Я находилась в руках врага.

Глава XIX

Я невольно вспомнила 3-ю серию фильма «Памела в опасности». Как часто я сидела на шестипенсовых местах, поедая двухпенсовую плитку молочного шоколада и страстно мечтая, чтобы то же самое произошло со мной! Что ж, мои мечты сбылись в полном смысле слова. И почему-то это не доставило мне такого удовольствия, как я воображала. На экране все прекрасно — вы спокойны, зная, что впереди должна быть 4-я серия. Однако в реальной жизни не было абсолютно никакой гарантии, что «Анна — искательница приключений» не завершится внезапно в конце любой серии.

Да, я оказалась в тяжелом положении. Все, что Рейберн сказал в то утро, всплыло в моей памяти с неприятной отчетливостью. Говорите правду, сказал он. Что ж, я всегда могла поступить так, однако поможет ли это? Прежде всего, поверят ли мне? Поверят ли, что я пустилась в такую безумную авантюру просто из-за клочка бумаги, пропахшего нафталином? Для меня это звучало как совершенно не правдоподобная выдумка. В приступе холодного здравомыслия я проклинала себя за мелодраматический идиотизм и тосковала по мирной скуке Литтл Хемпсли.

Все эти мысли стремительно пронеслись в моем мозгу. Я инстинктивно отступила назад и нащупала ручку двери. Заманивший меня человек лишь ухмыльнулся.

— Вы здесь и здесь останетесь, — весело заметил он. Я собрала все силы, чтобы придать своему лицу уверенное выражение.

— Меня пригласил сюда смотритель Кейптаунского музея. Если я совершила ошибку...

— Ошибку? О, да, большую ошибку!

Он хрипло рассмеялся.

— Какое вы имеете право задерживать меня? Я сообщу в полицию...

— Тяв, тяв, тяв, — как маленькая игрушечная собачка. — Он засмеялся.

Я села на стул.

— Вы опасный сумасшедший, — сказала я холодно.

— В самом деле?

— Хочу сообщить вам, что мои друзья прекрасно осведомлены о том, куда я отправилась, и если к вечеру я не вернусь, они придут искать меня. Вам понятно?

— Так ваши друзья знают, где вы? Кто же из них?

Я молниеносно подсчитала свои шансы. Стоит ли упоминать сэра Юстаса? Он известный человек, и его имя могло бы иметь вес. Но если они в контакте с Пейджетом, они могут знать, что я говорю не правду. Лучше не рисковать с сэром Юстасом.

— Во-первых, миссис Блейр, — беспечно сказала я. — Она моя подруга, с которой я рядом живу.

— Не уверен, — сказал мой похититель, иронически покачав-рыжей головой. — Вы не виделись с ней после одиннадцати часов утра. А нашу записку, приглашавшую вас приехать сюда, вы получили во время ланча.

Его слова показали мне, насколько внимательно следили за каждым моим шагом, но я не собиралась сдаваться без борьбы.

— Вы очень умны, — заметила я. — Вероятно, вы слышали о таком полезном изобретении, как телефон? Миссис Блейр позвонила мне, когда я отдыхала у себя в номере после ланча. Тогда я ей сказала, куда собираюсь днем.

К моему величайшему удовлетворению, я увидела, как по его лицу пробежала тень беспокойства. Он явно не учел, что Сьюзен могла позвонить мне. Как бы я хотела, чтобы это было правдой!

— Ну, довольно! — грубо сказал он, вставая.

— Что вы собираетесь со мной делать? — спросила я, все еще пытаюсь выглядеть спокойной.

— Поместить вас туда, где вы не сможете повредить нам, если за вами придут ваши друзья.

На мгновение я вся похолодела, но его следующие слова успокоили меня.

— Завтра вам придется ответить на несколько вопросов, и после этого мы будем знать, что с вами делать. И могу заверить вас, юная леди, у нас не один способ заставить говорить упрямых маленьких дурочек.

Его слова не утешали, но, по крайней мере, обещали отсрочку. До завтра. Он явно был подчиненным лицом, выполняющим приказы начальника. Мог ли им быть Пейджет?

Мужчина позвонил, и появились два кафра. Меня повели наверх.

Несмотря на сопротивление, мне заткнули рот кляпом, а потом связали руки и ноги. Комната, в которую меня привели, оказалась чем-то вроде мансарды под самой крышей. Очень пыльная, и непохоже, что в ней кто-нибудь жил. Голландец издевательски поклонился и ушел, прикрыв за собой дверь.

Я лежала совершенно беспомощная. Как я ни вертелась, ни

извивалась, я не могла ни на йоту ослабить путы, а кляп не давал мне кричать. Если бы по какой-то случайности в дом кто-нибудь и пришел, я бы не смогла ничем привлечь к себе внимание. Снизу до меня донесся звук запираемой двери. Очевидно, голландец выходил из дома.

Неспособность что-нибудь предпринять сводила меня с ума. Я снова и снова пыталась ослабить свои путы, но узлы крепко держали. Наконец, я перестала дергаться и потеряла сознание или провалилась в сон. Когда я пришла в себя, у меня все болело. Было совсем темно, и я поняла, что уже давно ночь, так как луна стояла высоко в небе и светила сквозь застекленную крышу. Кляп душил меня, недостаток воздуха и боль были невыносимы.

Тогда мой взгляд упал на валявшийся в углу осколок стекла. Косой лунный луч коснулся его, и отблеск привлек мое внимание. Когда я увидела его, меня вдруг осенило.

Мои руки и ноги беспомощны, но я, безусловно, еще в состоянии перекатиться. Медленно и неуклюже я начала перемещаться. Это было нелегко. Мало того, что мне было очень больно, поскольку я не могла защитить лицо руками, было чрезвычайно трудно двигаться в определенном направлении.

Я скатывалась в любую сторону, кроме нужной. Наконец я все же достигла цели. Осколок почти касался моих связанных рук.

Даже теперь моя задача не была простой. Прошло бесконечно много времени, прежде чем мне удалось, уперев осколок о стену, закрепить его так, чтобы им можно было перетереть веревки. Я трудилась долго, мучительно, и почти отчаялась, пока наконец сумела перерезать веревки на запястьях. Остальное было уже делом времени. Чтобы восстановить кровообращение, я принялась энергично растирать запястья, и смогла вынуть кляп. После нескольких глубоких вдохов мне стало лучше.

Очень скоро я развязала последний узел, но и тут понадобилось некоторое время, чтобы встать на ноги. Однако наконец я выпрямилась, размахивая руками в разные стороны, чтобы размять онемевшее тело, и более всего мечтая достать чего-нибудь поесть.

Я подождала около четверти часа, чтобы вполне убедиться, что силы вернулись ко мне. Затем на цыпочках бесшумно подошла к двери. Как я и ожидала, она не была заперта, а только прикрыта. Я открыла ее и осторожно выскользнула из комнаты.

Все было спокойно. Лунный свет проникал через окно и освещал пыльную пустую лестницу. Я тихонько прокралась вниз. Опять ни звука, но, когда я остановилась на лестничной площадке, до меня долетел

приглушенный шум голосов. Я замерла и какое-то время не двигалась. Часы на стене показывали за полночь.

Я прекрасно сознавала, сколь рискованно спускаться ниже, но любопытство было сильнее меня. С бесконечными предосторожностями я отправилась в разведку. Миновав последний лестничный пролет, очутилась в прямоугольном холле. Осмотрелась, и у меня перехватило дыхание. У двери в холл сидел мальчик-кафр. Он не видел меня, вскоре по его дыханию я поняла, что он крепко спит.

Что делать? Отступить или продолжать мой путь? Голоса доносились из комнаты, в которую меня провели, когда я приехала. Один из них принадлежал моему голландскому приятелю, другой я сразу не смогла узнать, хотя он показался мне чем-то знакомым.

В конце концов, я решила, что просто обязана услышать все, что удастся. Я должна рискнуть, пусть даже и разбужу мальчика-кафра. Я бесшумно пересекла холл и встала на колени у двери. Несколько мгновений слышно было плохо. Потом голоса стали громче, но я не могла разобрать, о чем говорят.

Тогда я приоткрыла к скважине глазом. Действительно, одним из собеседников был высокий голландец. Другого мужчину мне не было видно.

Неожиданно он встал, чтобы налить себе выпить. Я увидела облаченную в черное спину благопристойного человека. Прежде чем он обернулся, я узнала его.

Преподобный мистер Чичестер!

Теперь я начала разбирать слова.

— Все равно, это опасно. А вдруг приедут ее друзья? — сказал голландец. Чичестер ответил ему, но уже без всякой елейности. Неудивительно, что я раньше не узнала его.

— Сплошной блеф. Они не имеют представления, где она.

— Она говорила очень уверенно.

— Ну и что? Я все разузнал, и нам нечего бояться. В любом случае, таковы распоряжения «полковника». Полагаю, ты ведь не пойдешь против них?

Голландец сказал что-то на своем языке. Очевидно, поспешил отвергнуть подобное предположение.

— Но почему бы не избавиться от нее? — проворчал он. — Это было бы просто. Лодка всегда наготове. Ее можно вывезти в море.

— Да, — задумчиво сказал Чичестер. — Я так бы и сделал. Определенно, она знает слишком много. Однако «полковник» любит

поступать по-своему, пусть даже никто другой так не сделает.

Что-то в его собственных словах, казалось, пробудило в нем неприятные воспоминания.

— Ему нужны какие-то сведения от этой девчонки. Он сделал паузу, и голландец тут же прервал его.

— Сведения?

— Что-то вроде.

— Алмазы, — заметила я про себя.

— А теперь, — продолжал Чичестер, — передай мне списки.

Долгое время их разговор был мне совсем непонятен. Он, кажется, касался огромного количества овощей. Упоминались даты, цены и различные неизвестные мне географические названия. Прошло целых полчаса, пока они кончили свои проверки и подсчеты.

— Хорошо, — сказал Чичестер и, по-видимому, откинулся в кресле. — Я возьму их с собой, чтобы показать «полковнику».

— Когда вы уезжаете?

— Завтра в десять утра.

— Хотите взглянуть на девчонку перед отъездом?

— Нет. «Полковник» строго приказал, чтобы никто ее не видел, пока он сам не приедет. Она в порядке?

— Я заглянул к ней, когда пришел обедать. Думаю, она спала. Как насчет еды?

— Ей не повредит немного поголодать. «Полковник» приедет сюда завтра. Она будет лучше отвечать на вопросы, если проголодается. А пока пусть лучше никто к ней не подходит. Она надежно связана?

Голландец рассмеялся.

— А как вы думаете?

Они оба захохотали. И я тоже, но тихо. Потом по звукам я догадалась, что они собираются выйти из комнаты, и поспешно ретировалась. И как раз вовремя. На самом верху лестницы я услышала, как дверь в комнату открылась, и в тот же момент кафр зашевелился. Нечего было и думать о побеге через дверь холла. Я предусмотрительно вернулась в мансарду, обвязалась веревками и снова легла на пол на случай, если им взбредет в голову зайти посмотреть на меня.

Они, однако, не пришли. Примерно через час я прокралась по лестнице вниз, кафр у двери не спал и что-то тихо мурлыкал себе под нос. Я очень хотела выбраться из дома, но не представляла, как это можно сделать.

В конце концов, мне пришлось снова вернуться в мансарду. Было ясно,

что кафр будет сторожить всю ночь. Я терпеливо оставалась на месте, пока не послышались звуки утренних приготовлений. Мужчины завтракали в холле, их голоса отчетливо долетали наверх. Я начала нервничать всерьез. Как же мне выбраться из дома?

Уговорила себя потерпеть. Одно опрометчивое движение могло все испортить. После завтрака я услышала, что Чичестер уезжает. К моему великому облегчению, голландец отбыл вместе с ним.

Я ждала, затаив дыхание, пока убирали со стола и делали работу по дому. Наконец, кажется, все звуки замерли. Я еще раз выскользнула из своего укрытия. Очень осторожно прокралась вниз по лестнице. Холл был пуст. Как молния, я проскочила через него, открыла дверь и очутилась на солнечной аллее. Я бросилась бежать по ней как одержимая.

На улице я перешла на нормальный шаг. Люди с любопытством смотрели на меня, и неудивительно. Мои лицо и одежда, должно быть, были покрыты пылью от катания по полу в мансарде. Наконец я пришла в гараж.

«Со мной произошел несчастный случай, — объяснила я. — Мне нужно, чтобы меня немедленно отвезли в Кейптаун. Я должна успеть на пароход до Дурбана».

Мне не пришлось долго ждать. Десять минут спустя я уже летела к Кейптауну. Я обязана узнать, сел ли Чичестер на пароход. Я не могла решить, стоит ли плыть мне самой, но, в конце концов, решила плыть. Чичестер не знает, что я видела его на вилле в Мейсенберге. Он, конечно, начнет расставлять мне новые ловушки, но я буду начеку. Ведь именно за ним я собиралась следить, он разыскивал алмазы от имени таинственного «полковника».

Увы, моим планам не суждено было сбыться. Когда я прибыла в порт, «Килморден касл» выходил в море. И я никак не могла узнать, отплыл на нем Чичестер или нет!

Глава XX

Я поехала в гостиницу. В комнате для отдыха не было никого из знакомых. Я побежала наверх и постучалась в дверь Сьюзен. Ее голос произнес «войдите». Увидев меня, она буквально бросилась мне на шею.

— Энн, дорогая, где вы были?? Я смертельно беспокоилась о вас. Что вы делали?

— У меня были приключения, — ответила я. — 3-я серия «Памелы в опасности».

И рассказала ей все. Когда я кончила, она перевела дух.

— Почему такие вещи всегда случаются с вами? — жалобно спросила она. — Почему мне никто не заткнет рот кляпом и не свяжет руки и ноги?

— Вам бы это не понравилось, — уверила ее я. — По правде говоря, я сама теперь не так стремлюсь к приключениям, как раньше. Немного таких испытаний хватает надолго.

Похоже, что я не разубедила Сьюзен. Час или два пребывания связанной и с кляпом во рту достаточно быстро изменили бы ее мнение. Сьюзен нравится все необычное, но она ненавидит отсутствие комфорта.

— А что мы будем делать теперь? — спросила она.

— Не знаю, — задумчиво сказала я. — Вы, конечно, должны поехать в Родезию, чтобы следить за Пейджетом...

— А вы?

Здесь как раз начинались мои затруднения. Отправится ли Чичестер на «Килмордене»? Намеревался ли он осуществить свой первоначальный план и поехать в Дурбан? Время его отъезда из Мейсенберга указывало, что ответ на оба вопроса утвердительный. В таком случае я могла бы поехать в Дурбан поездом.

Полагаю, что доберусь туда быстрее, чем пароход. Однако, если Чичестеру телеграфируют о моем побеге, а также сообщат, что я выехала из Кейптауна в Дурбан, ему ничего не стоит сойти с парохода в Порт-Элизабет или Ист-Лондон и таким образом улигнуть от меня.

Передо мной стояла довольно сложная проблема.

— Так или иначе, мы узнаем о поездках на Дурбан, — сказала я.

— И еще не слишком поздно для утреннего чая, — заметила Сьюзен — Нам подадут его в гостиную отеля.

Поезд на Дурбан, как мне сказали в конторе, отходил в 8.15 вечера. В данную минуту я отложила окончательное решение и присоединилась к

Сьюзен за несколько запоздалым «одиннадцатичасовым чаем».

— Вы думаете, что сумеете узнать Чичестера — я имею в виду в новом обличье? — спросила Сьюзен.

Я уныло покачала головой.

— Я не узнала его, переодетого горничной, и никогда не поняла бы, что это он, если бы не ваш рисунок.

— Он — профессиональный актер, я уверена, — задумчиво сказала Сьюзен. — Гримируется просто чудесно. Он может сойти на берег, как чернорабочий или еще кто-нибудь, и вы никогда его не опознаете.

— Все это очень утешает, — заметила я.

В тот момент полковник Рейс вошел с улицы и присоединился к нам.

— Что делает сэр Юстас? — спросила Сьюзен. — Я его сегодня еще не видела.

На лице полковника промелькнуло довольно странное выражение.

— У него небольшие неприятности личного характера, которыми он вынужден заниматься.

— Расскажите нам сейчас же.

— Я не должен выносить сор из избы.

— Расскажите нам что-нибудь, пусть даже вам придется придумать это специально для нас.

— Итак, что вы скажете на такую новость: знаменитый «человек в коричневом костюме» путешествовал вместе с нами.

— Что?

Я почувствовала, как кровь отлила у меня от лица, а потом прихлынула опять. К счастью, полковник Рейс не смотрел на меня.

— Да, таковы факты. Его ждали во всех портах, а он обманом нанялся в секретари к Педлеру!

— Но это не мистер Пейджет?

— О, нет, другой парень. Он называл себя Рейберном.

— Они арестовали его? — спросила Сьюзен. Под столом она успокаивающе пожала мне руку. Затаив дыхание, я ждала ответа.

— Похоже, что он растворился в воздухе.

— Как все воспринял сэр Юстас?

— Как личное оскорбление, нанесенное ему судьбой.

Возможность послушать самого сэра Юстаса представилась в тот же день. Мы проснулись после короткого освежающего дневного сна, разбуженные мальчишкой-посыльным, принесшим записку. Сэр Юстас выражал трогательную надежду на наше приятное общество за чаем у себя в гостиной.

Бедняга действительно был в жалком состоянии. Он излил на нас свои неприятности, одобряемый сочувственными восклицаниями Сьюзен (Ей это очень удастся)

«Сначала совершенно незнакомая женщина имеет наглость позволить убить себя в моем доме — полагаю, чтобы досадить мне. Почему в моем доме? Зачем из всех домов Великобритании выбрали Милл-Хаус? Что я такого сделал этой женщине, что ей приспичило, чтобы ее убили именно там?»

Сьюзен снова издала сочувственный возглас, и сэр Юстас продолжал еще более удрученно:

«Но этого еще недостаточно, убивший ее человек имеет бесстыдство, колоссальное бесстыдство, пристроиться ко мне на должность секретаря. Только представьте себе! Я устал от секретарей, они мне больше не нужны. Они или скрывающиеся убийцы, или пьяные дебоширы. Вы видели подбитый глаз Пейджета? Ну, конечно же, видели. Как я могу разъезжать с подобным секретарем? И, кроме того, его лицо отливает такой отвратительной желтизной, что никак не сочетается с подбитым глазом. С меня довольно секретарей, разве только я найму девушку. Хорошенькую девушку со светлыми глазами, которая будет держать меня за руку, когда я сержусь. Как насчет вас, мисс Энн? Не возьметесь ли вы за эту работу?

— Как часто мне придется держать вас за руку? — спросила я, смеясь.

— Весь день, — галантно ответил сэр Юстас.

— В таком случае я не буду успевать печатать, — напомнила ему я.

— Не имеет значения. Вся эта работа — идея Пейджета Он изводит меня. Я предвкушаю, как оставлю его здесь, в Кейптауне.

— Так он остается?

— Да, он будет чудно проводить время, охотясь за Рейберном. Такая деятельность вполне ему по нраву. Он обожает интриги. Но мое предложение абсолютно серьезно. Поедете с нами? Вот миссис Блейр — опытная дуэнья, и вы сможете иногда часть дня посвятить поискам костей.

Большое спасибо, сэр Юстас, осторожно сказала я, — но сегодня вечером я, наверное, поеду в Дурбан.

— Не упрямитесь. Вспомните, в Родезии много львов. А вам они нравятся. Как и всем девушкам.

— Они будут упражняться в низких прыжках? — спросила я, смеясь. — Нет, большое спасибо, но мне надо ехать в Дурбан.

Сэр Юстас посмотрел на меня, глубоко вздохнул, потом открыл дверь соседней комнаты и позвал Пейджета.

«Если вы вполне завершили свой дневной сон, дорогой мой, может

быть, вы для разнообразия сослужите мне небольшую службу?»

В дверях показался Пейджет. Он поклонился нам обеим, слегка вздрогнув при виде меня, и ответил меланхоличным тоном:

— Я весь день печатаю меморандум, сэр Юстас.

— Что ж, тогда перестаньте его печатать. Сходите в Управление комиссариата по делам торговли или Министерство сельского хозяйства, или Горнорудную палату, или еще куда-нибудь и попросите, чтобы мне предоставили какую-нибудь женщину для поездки в Родезию. Она должна иметь светлые глаза и не возражать, чтобы я держал ее за руку.

— Хорошо, сэр Юстас. Я приглашу опытную стенографистку-машинистку.

— Пейджет — зловредное создание, — сказал сэр Юстас после того, как секретарь ушел. — Я готов биться об заклад, что он выберет какую-нибудь уродину, специально, чтобы досадить мне. Я забыл ему сказать, что, кроме того, у нее должны быть красивые ноги.

Я в возбуждении схватила Сьюзен за руку и буквально потащила в ее комнату.

— Теперь, Сьюзен, — сказала я, — поспешим заняться нашими планами. Вы слышали, Пейджет остается здесь?

— Да. Полагаю, теперь мне не будет позволено ехать в Родезию, что очень обидно — ведь я хочу поехать туда. Какая скука!

— Не расстраивайтесь, — сказала я. — Вы поедете, как было задумано. Я не вижу, как вы можете уклониться в последний момент, не вызвав сильных подозрений. И, кроме того, сэр Юстас может внезапно передумать и взять Пейджета с собой, и тогда вам будет гораздо труднее снова присоединиться к нему.

— Едва ли это будет прилично, — кокетливо заметила Сьюзен. — Но мне придется для отвода глаз изобразить роковую страсть к сэру Юстасу.

— В то же время, если вы окажетесь в Родезии, когда туда приедет Пейджет, все будет выглядеть совершенно просто и естественно. И потом, не думаю, что нам следует совсем терять из виду двух других.

— О, Энн, вы, конечно, не можете подозревать полковника Рейса или сэра Юстаса?

— Я подозреваю всех, — угрюмо ответила я, — и если вы читали какие-нибудь детективные рассказы, Сьюзен, то должны знать, что злодей всегда самый неожиданный персонаж. Многие преступники были веселыми толстяками вроде сэра Юстаса.

— Полковник Рейс не особенно толстый, да и к тому же не очень веселый.

— Иногда злодеи бывают худые и мрачные, — парировала я. — Не утверждаю, что всерьез подозреваю кого-нибудь из них, но, в конце концов, женщину убили в доме сэра Юстаса.

— Да, да, не стоит начинать все с начала. Я последую за ним ради вас, Энн, и, если он станет еще толще и еще веселее, я тут же пошлю вам телеграмму. «Сэр Ю, очень подозрительно распух. Немедленно приезжайте».

— Послушайте, Сьюзен, — вскричала я, — вы, кажется, думаете, что все это игра!

— Я понимаю, — невозмутимо ответила Сьюзен. — Но так оно выглядит. А все вы, Энн. Я проникаюсь вашей жадой приключений. Они совсем не похожи на реальную жизнь. Если бы только Кларенс знал, что я ношусь по Африке, выслеживая опасных преступников, его хватил бы удар.

— Почему вы не телеграфировали ему? — спросила я саркастически.

Чувство юмора всегда изменяет Сьюзен, когда речь заходит о телеграммах. Она приняла мое предложение за чистую монету.

— Я могу. Это была бы очень длинная телеграмма. Ее глаза блеснули. — Но думаю, лучше воздержаться. Мужья постоянно стремятся помешать самым безобидным развлечениям.

— Итак, — сказала я, подытоживая, — вы будете следить за сэром Юстасом и полковником Рейсом...

— Я понимаю, почему должна наблюдать за сэром Юстасом, — прервала меня Сьюзен, — из-за его фигуры и пристрастия к шуткам. Но подозревать полковника Рейса — это слишком. Ведь он имеет какое-то отношение к Секретной службе. Знаете, Энн, я считаю, что лучше всего нам было бы довериться ему и рассказать всю эту историю.

Я категорически возражала против подобного предложения, усмотрев в нем разрушительные последствия для супружеской жизни. Как часто мне доводилось слышать, как вполне умная женщина произносит безапелляционно «Эдгар говорит...» А вы между тем отлично сознаете, что Эдгар — круглый дурак. Будучи замужней женщиной, Сьюзен стремилась опереться на какого-нибудь мужчину.

Тем не менее она обещала, что не проронит ни слова полковнику Рейсу, и мы продолжили составление планов.

«Совершенно ясно, что я должна остаться здесь и наблюдать за Пейджетом. Думаю, лучше всего это сделать так. Мне следует притвориться, что сегодня вечером я уезжаю в Дурбан, взять с собой багаж и все остальное, но в действительности поселиться в какой-нибудь маленькой гостинице в городе. Я могу немного изменить внешность —

надеть светлый парик и плотную белую кружевную вуаль. У меня будет гораздо больше возможностей выяснить, каковы его настоящие намерения, если он будет уверен, что я уехала».

Сьюзен искренне одобрила мой план. Мы демонстративно проделали все приготовления, еще раз справились в конторе о времени отправления поезда и упаковали мой багаж.

Пообедали вместе в ресторане. Полковник Рейс не появился, зато сэр Юстас и Пейджет сидели за своим столом. Пейджет вышел из-за стола, не доев. Мне было досадно, потому что я собиралась попрощаться с ним, но сойдет и сэр Юстас. Закончив есть, я подошла к нему.

— До свидания сэр Юстас, — сказала я. Сегодня вечером я уезжаю в Дурбан.

Сэр Юстас тяжело вздохнул.

— Я уже слышал. Вы не хотите, чтобы я поехал с вами, а?

— Я была бы счастлива.

— Милая девочка. Вы уверены, что не передумаете и не поедете искать львов в Родезию?

— Совершенно уверена.

— Он, должно быть, очень красивый парень, — жалобно сказал сэр Юстас. — Какой-то молодой мальчишка в Дурбане. Полагаю, он затмевает мое зрелое очарование. Между прочим, Пейджет через минуту-другую поедет на машине. Он может подвезти вас на станцию.

— О, нет, спасибо, — поспешно сказала я. — Мы с миссис Блейр уже заказали такси.

Поехать с Ги Пейджетом — это именно то, чего мне не доставало! Сэр Юстас внимательно посмотрел на меня.

— Мне кажется, вы недолюбливаете Пейджета. Я вас не виню. Кто он, как не назойливый, докучливый осел, расхаживающий с видом мученика и делающий все, чтобы раздражать и огорчать меня!

— Что он натворил на сей раз? — спросила я с некоторым любопытством.

— Он нанял мне секретаршу. Вы никогда не видели такую женщину! Ей все сорок, она носит пенсне, толстые ботинки и у нее вид воплощенной работоспособности, что сведет меня в могилу. Форменная уродина.

— Она будет вас держать за руку?

— От души надеюсь, что нет! воскликнул сэр Юстас — Это было бы последней каплей. Что ж прощайте, светлые глазки. Если я подстрелю льва то не подарю вам шкуру после того, как вы так неблагородно покинули меня.

Он тепло пожал мне руку, и мы расстались. Сьюзен ждала меня в холле. Она собиралась поехать провожать меня.

— Поедем сейчас же, — сказала я поспешно и сделала знак швейцару, чтобы он взял такси.

И тут голос позади заставил меня вздрогнуть:

— Простите, мисс Беддингфелд, но я как раз еду в город на машине. Я могу подбросить вас и миссис Блейр на вокзал.

— О, спасибо, — поспешила сказать я. — Но вам не стоит беспокоиться. Я...

— Никакого беспокойства, уверяю вас. Портье, отнесите вещи в машину.

Я была беспомощна. Можно было бы и дальше протестовать, но легкое предупреждающее подталкивание Сьюзен побудило меня остановиться.

— Благодарю вас, — мистер Пейджет, — холодно сказала я. Мы сели в машину. По дороге в город я мучительно соображала, что бы сказать. В конце концов, молчание нарушил сам Пейджет.

— Я нашел сэру Юстасу очень способную секретаршу, — заметил он. — Мисс Петтигрю.

— Он только что был не совсем в восторге от нее, — возразила я.

Пейджет взглянул на меня холодно.

— Она опытная стенографистка-машинистка, — сказал он с нажимом.

Мы остановились перед вокзалом. Здесь уж наверняка он нас оставит. Я повернулась, протянув руку, — не тут то было.

— Я провожу вас. Сейчас ровно восемь, ваш поезд отходит через четверть часа.

Он дал указание носильщикам. Я стояла растерянная, не решаясь взглянуть на Сьюзен. Меня подозревали. Пейджет хотел убедиться, что я действительно уеду на поезде. Что мне оставалось делать? Ничего. Я представила себе, как через четверть часа поезд тронется, а Пейджет будет торчать на платформе и махать мне вслед. Он ловко поменялся со мной ролями. И, более того, изменилось его обращение со мной. В нем появилась изрядная доля деланной симпатии, которая не шла ему и вызывала во мне отвращение. Человек этот — лстивый лицемер. Сначала он пытался убить меня, а теперь говорит мне комплименты! Неужели он воображает, что я не узнала его в ту ночь на судне? Нет, это была игра, которую он заставил меня принять.

Беспомощная, как овца, я поступала согласно его умелым распоряжениям. Вещи сложили в моем купе — я взяла себе двухместное.

Было уже двенадцать минут девятого. Через три минуты поезд отправится.

Однако Пейджет недооценил Сьюзен.

— В поезде будет ужасно жарко, Энн, — вдруг сказала она. — Особенно, когда завтра будете проезжать через плато Карру. Вы, наверное, взяли с собой одеколон или лавандовую воду.

Моя ответная реплика была очевидна.

— Ох, — вскрикнула я. — Я забыла мой одеколон на туалетном столике в отеле.

Тут Сьюзен пригодились ее привычка командовать. Она властно обратилась к Пейджету.

— Мистер Пейджет. Поторопитесь. У вас еще есть время. Аптека почти напротив вокзала. Энн нужен одеколон.

Он колебался, но не смог воспротивиться повелительной манере Сьюзен. Она прирожденная аристократка. Пейджет повиновался. Сьюзен проводила его взглядом, пока он не исчез.

— Энн, быстро выходите с другой стороны — на случай, если он не ушел, а следит за нами с конца платформы. Оставьте свой багаж. Вы сможете телеграфировать о нем завтра. Только бы поезд отправился вовремя!

Я открыла дверцу у противоположного входа на платформу и спустилась вниз. Никто меня не заметил. Я как раз могла видеть Сьюзен там, где ее оставила. Она смотрела вверх на поезд и делала вид, что болтает со мной, стоящей у окна. Раздался свисток, поезд тронулся. Тогда я услышала, как по платформе сломя голову бежит человек. Я отступила в спасительную тень книжного киоска и продолжала наблюдать.

Сьюзен перестала махать платочком вслед уходящему поезду и повернулась.

— Слишком поздно, мистер Пейджет, — сказала она бодро. — Она уехала. Это одеколон? Какая жалость, что мы не подумали о нем раньше!

Они прошли неподалеку от меня, направляясь к выходу из вокзала. Ги Пейджет был ужасно разгорячен. Он, очевидно, бежал всю дорогу в аптеку и обратно.

— Взять для вас такси, миссис Блейр?

Сьюзен доиграла свою роль до конца.

— Да, пожалуйста. Может быть, я могу подвезти вас обратно? У вас много поручений от сэра Юстаса? Как бы я хотела, чтобы Энн Беддингфелд поехала с нами завтра. Мне не нравится, что такая молодая девушка отправляется в Дурбан совсем одна. Но она была непоколебима. Что-то там ее привлекает. Я полагаю...

Дальше я их не слышала. Умница Сьюзен. Она спасла меня.

Переждав минуту-другую, я пошла к выходу из вокзала, едва не столкнувшись по пути с мужчиной неприятного вида с непропорционально большим для его лица носом.

Глава XXI

В дальнейшем мне удалось выполнить мой план без затруднений. Я нашла маленькую гостиницу на боковой улочке, сняла там комнату, уплатила задаток, так как у меня не было с собой багажа, и спокойно легла спать.

На следующее утро я рано встала и вышла, чтобы купить кое-какую одежду. Я не хотела ничего предпринимать до отхода одиннадцатичасового поезда в Родезию с большей частью нашей компании. Пейджет вряд ли решится на какие-нибудь гнусные шаги, пока не избавится от нее. Поэтому я села на поезд и отправилась на загородную прогулку. Было сравнительно прохладно, и я была рада размять ноги после долгого плавания и душного заключения в Мейсенберге.

Многое зависит от мелочей. На повороте дороги у меня развязался шнурок на туфле, и я остановилась, чтобы завязать его.

Когда я наклонилась, какой-то мужчина свернул за угол и чуть не наступил на меня. Он приподнял свою шляпу, пробормотав извинение, и пошел дальше. Потом мне пришло в голову, что я его уже где-то видела, но в тот момент больше о нем не думала. Я посмотрела на свои ручные часы. Приближалось время отхода поезда. Я повернула в сторону Кейптауна.

Трамвай как раз должен был отойти, и мне пришлось побежать, чтобы успеть на него. Я услышала, что сзади кто-то бежит. Я вскочила на заднюю площадку, и человек прыгнул за мной. Тут я узнала его. Это был мужчина, обогнавший меня на дороге, когда я завязывала шнурок. И в ту же минуту я поняла, почему его лицо показалось мне знакомым. Коротышка с большим носом, на которого я налетела при выходе с вокзала накануне вечером!

Поразительное совпадение! Может быть, он преследует меня не случайно? Я решила тут же проверить. Позвонив вагоновожатому, я вышла на следующей остановке. Мужчина остался в трамвае. Я отошла в тень магазинного навеса и стала наблюдать. Мужчина сошел на следующей остановке и двинулся обратно в моем направлении.

Ясно. За мной следят. Обрадовалась я слишком рано. Моя победа над Ги Пейджетом принимала несколько иной характер. Я остановила другой трамвай, и, как и ожидала, мой преследователь тоже сел в него. Я задумалась.

Совершенно очевидно, что я впуталась в более серьезную историю, чем представляла себе раньше. Убийство в Марлоу — не отдельное

преступление, совершенное одиночкой. Я столкнулась с целой шайкой. Благодаря откровениям полковника Рейса и тому, что мне удалось подслушать в Мейсенберге, я начинала кое-что понимать в ее разнообразной деятельности. Преступления, возведенные в систему, организованы человеком, которого его подчиненные называли «полковник»!

Я вспомнила обрывок разговора, услышанного на борту судна, о забастовке на Ранде и ее причинах, а также предположение, что какая-то тайная организация разжигает беспорядки. Это была работа «полковника», его эмиссары действовали по плану. Он сам, как я слышала, ни в чем таком не принимал участия, а только руководил и организовывал. Предпочитал быть мозговым центром, опасный труд исполнителей был не для него. Тем не менее, вполне вероятно, что он сам находился рядом, отдавая приказы и оставаясь при этом вне подозрений.

Так вот, оказывается, зачем полковник Рейс находился на «Килморден касле»! Шел по следу главного преступника. Все соответствует такому предположению. Он большая шишка в Секретной службе, и его задача — арестовать «полковника».

Я кивнула самой себе — происходящее становилось вполне ясным для меня. Какова же моя роль в этом деле? Какое я имею к нему отношение? Охотятся ли они только за алмазами? Я покачала головой. Сколько бы они ни стоили, они едва ли могли служить причиной отчаянных попыток, которые предпринимались, чтобы убрать меня с дороги. Нет, я значила больше. Сама не знаю почему, но я представляла для них угрозу, опасность! Я была о чем-то осведомлена или им так казалось, и они стремились избавиться от меня любой ценой. И моя осведомленность каким-то образом была связана с алмазами. Один человек наверняка мог бы просветить меня, если бы захотел. «Человек в коричневом костюме» — Гарри Рейберн. Ему было известно остальное. Но он исчез, за ним охотились, он спасался от преследования. По всей вероятности, мы никогда больше не увидимся...

Я поспешила вернуться к реальной действительности. Не стоит давать волю чувствам и вспоминать о Гарри Рейберне. Он проявил ко мне величайшую антипатию — сначала. Или, по крайней мере... Ну вот, я опять мечтаю! А передо мной стояла проблема — что делать сейчас!

Гордившаяся своей ролью наблюдательницы, я превратилась в объект наблюдения. И мне стало страшно! Впервые я почувствовала, что теряю самообладание. Я была песчинкой, мешавшей плавной работе большого механизма, и представляла себе, как быстро он сумеет разделаться с крошечной песчинкой. Однажды меня спас Гарри Рейберн, другой раз я

спаслась сама, но тут я вдруг ощутила, что попала в исключительно неблагоприятные обстоятельства. Кругом были враги, и они приближались. Если я по-прежнему буду действовать в одиночку, я обречена.

С трудом я овладела собой. В конце концов, что они могут мне сделать? Я нахожусь в цивилизованном городе с полицейскими через каждые несколько ярдов. Теперь я буду осторожна. Они больше не заманят меня в ловушку, как в Мейсенберге.

Когда мои размышления достигли этой точки, трамвай остановился на Эддерли-стрит. Я вышла, и, не решив, что же делать, медленно пошла по левой стороне улицы. Я не дала себе труда посмотреть, идет ли за мной сторож. Знала, что идет. Войдя в кафе Картрайта, я заказала два стакана кофейной крем-сода, чтобы успокоить нервы. Мужчина, наверное, выпил бы коньяку с содовой, но девушки ищут утешения в крем-соде. С наслаждением я потягивала напиток. Прохладная жидкость легкой струйкой текла через мое горло самым приятным образом. Опорожнив первый стакан, я отставила его.

Я сидела на одном из маленьких высоких табуретов перед стойкой. Краем глаза я видела, как мой соглядатай вошел и скромно сел за небольшой столик возле двери. Я покончила со вторым стаканом и заказала кленовую крем-соду. Практически я могу выпить неограниченное количество крем-сода.

Вдруг мужчина у двери встал и вышел. Его поведение удивило меня. Если он собирался подождать снаружи, почему он не сделал этого сразу? Соскользнув с табурета, я осторожно подошла к двери и тут же отскочила в тень. Мужчина разговаривал с Ги Пейджетом.

Если у меня когда и были сомнения, сейчас они окончательно рассеялись. Пейджет вынул часы и посмотрел. Мужчины обменялись несколькими словами, после чего секретарь повернулся и мерно зашагал по улице в направлении вокзала. Очевидно, он отдал приказания. Но какие?

Внезапно у меня сердце ушло в пятки. Мой преследователь вышел на середину улицы и обратился к полицейскому. Он говорил довольно долго, жестами показывая в сторону кафе и явно что-то объясняя. Я тут же поняла его замысел. Меня должны были арестовать под тем или иным предлогом, вероятно, за карманную кражу. Шайке будет совсем нетрудно обтяпать такое простое дельце. И что толку заявлять о своей невинности? Они предусмотрели каждую мелочь. Много лет назад выдвинули обвинение в краже алмазов «Де Бирс» против Гарри Рейберна, и он так и не смог его опровергнуть, хотя я практически не сомневалась в его полной невинности. Какие у меня шансы избежать западни, расставленной мне

«полковником»?

Почти механически взглянув на стенные часы, я вдруг осознала еще кое-что. Я поняла, зачем Ги Пейджет смотрел на свои часы. Было как раз около одиннадцати, вот-вот должен был отойти почтовый поезд в Родезию с моими влиятельными друзьями, которые могли бы прийти мне на помощь. Вот почему до сих пор я была неприкосновенна с минувшего вечера и до одиннадцати утра я была в безопасности, но теперь вражеские сети накрывали меня.

Я поспешно открыла сумочку, заплатила за напиток, и тут мое сердце чуть не остановилось. В ней лежал мужской бумажник, набитый банкнотами! Должно быть, его ловко подсунули мне, когда я сходила с трамвая.

Совсем потеряв голову, я выскочила из кафе. Коротышка с большим носом и полицейский как раз переходили дорогу. Они увидели меня, и коротышка возбужденно указал на меня полицейскому. Я бросилась бежать, понадеявшись, что он плохо бегают и я обгоню его. Но у меня не было никакого плана, даже в эту минуту. Я просто изо всех сил неслась по Эддерли-стрит. Люди начали оглядываться. Я чувствовала, что в следующую минуту кто-нибудь остановит меня.

Идея сверкнула в моем мозгу.

— Где вокзал? — задыхаясь, спросила я.

— Здесь недалеко, справа.

Я припустила. Бежать, опаздывая на поезд, вполне допустимо. Я завернула в здание вокзала, но тут услышала настигавшего меня человека. Коротышка с большим носом, похоже, был чемпионом по спринту. Я поняла, что меня поймают прежде, чем я попаду на нужную платформу. Я взглянула на вокзальные часы — было без одной минуты одиннадцать. Если мой план удастся, я как раз успею.

Я вбежала в вокзал через главный вход на Эддерли-стрит. Теперь я ринулась наружу через боковые двери. Прямо напротив меня находился боковой вход почты, центральный вход которой был на Эддерли-стрит.

Как я и ожидала, мой преследователь вместо того, чтобы бежать за мной, выскочил обратно на улицу, чтобы перехватить меня, когда я появлюсь через главный вход почты, или предупредить полицейского об этом.

Мгновенно я проскользнула через улицу снова в вокзал. Я неслась, как сумасшедшая. Было ровно одиннадцать. Длинный состав уже двигался, когда я вбежала на платформу. Меня попытался остановить носильщик, но я увернулась от него и прыгнула на подножку. Поднялась по двум

ступенькам и открыла дверь вагона. Спасена! Поезд набирал ход.

Мы миновали человека, одиноко стоявшего у конца платформы. Я помахала ему.

— До свидания, мистер Пейджет, — прокричала я. Никогда в жизни я не видела, чтобы человек был настолько ошеломлен. Он как будто увидел привидение. Через минуту-другую у меня возникли трения с проводником. Но я взяла надменный тон.

— Я — секретарь сэра Юстаса Педлера, — высокомерно заявила я. — Будьте добры, проведите меня в его личный вагон.

Сьюзен и полковник Рейс стояли сзади на открытой обзорной платформе. Увидев меня, они оба вскрикнули в крайнем удивлении.

— Привет, мисс Энн, закричал полковник Рейс, откуда вы свалились? Я думал, вы уехали в Дурбан. Какая вы непредсказуемая!

Сьюзен ничего не сказала, но в ее глазах я прочла сотню вопросов.

— Я должна доложить моему шефу, — сдержанно сказала я. — Где он?

— В своем офисе — среднем купе — невероятно много диктует несчастной мисс Петтигрю.

— Такое рвение в работе — что-то новенькое, — заметила я.

— Гм! — сказал полковник Рейс. — Полагаю, его идея заключается в том, чтобы загрузить ее работой и приковать к пишущей машинке в ее купе до конца дня.

Я засмеялась. Потом в сопровождении этой пары я разыскала сэра Юстаса. Он шагал взад и вперед по ограниченному пространству, изливая потоки слов на несчастную секретаршу, которую я увидела в первый раз. Высокая плотная женщина в уныло-серой одежде, с пенсне на носу, и с видом образцового работника. Я решила, что ей трудно поспевать за сэром Юстасом, так как ее карандаш просто летал по бумаге, при этом она ужасно хмурилась...

Я вошла в купе.

— Прибыла на борт, сэр, — дерзко отрапортовала я.

Сэр Юстас замер на середине сложной фразы о ситуации с рабочими ресурсами и уставился на меня. Мисс Петтигрю, должно быть, нервная особа, потому что она, несмотря на всю свою образцовость, подскочила так, будто в нее выстрелили.

— Боже мой! — воскликнул сэр Юстас. — А как же молодой человек в Дурбане?

— Я предпочла вас, — ответила я мягко.

— Дорогая, — сказал сэр Юстас. — Вы можете сейчас же взять меня

за руку.

Мисс Петтигрю кашлянула, и сэр Юстас поспешно убрал руку.

— Ах, да, — сказал он. — Дайте вспомнить, где мы остановились? Да. Тилман Рус в своей речи... В чем дело? Почему вы не записываете?

— Полагаю, — нежно сказал полковник Рейс, — что мисс Петтигрю сломала свой карандаш.

Он взял его и поточил. Сэр Юстас и я уставились на полковника. В его тоне было что-то не совсем мне понятное.

Глава XXII

(Отрывок из дневника сэра Юстаса Педлера)

Я намерен оставить работу над своими «Воспоминаниями». Вместо них я напишу небольшую статью, озаглавленную «Секретари, состоявшие у меня на службе». Что касается секретарей, тут я просто подвержен какой-то напасти. То у меня их нет совсем, то их слишком много. В настоящее время я путешествую в Родезию с кучей женщин. Рейс сбегает с двумя самыми красивыми, а меня оставляет с дурнушкой. Со мной так всегда происходит, а ведь, в конце концов, это мой личный вагон, а не Рейса.

К тому же меня в Родезию сопровождает Энн Беддингфелд под тем предлогом, что она — мой временный секретарь. Однако весь сегодняшний день она провела на обзорной платформе с Рейсом, восхищаясь красотами горного хребта Хексрифир. Я действительно сказал, что ее основная обязанность — держать меня за руку. Но она даже этого не делает. Вероятно, она боится мисс Петтигрю. Если так, я не виню Энн. В мисс Петтигрю нет ничего привлекательного — отвратительное существо женского пола с огромными ногами, больше похожее на мужчину, чем на женщину.

В Энн Беддингфелд есть что-то очень таинственное. Она впрыгнула в поезд в последнюю минуту, отдуваясь, как паровоз, так, будто бежала наперегонки — а Пейджет сказал, что видел, как она уехала в Дурбан вчера вечером! Или Пейджет снова выпил, или девица — обладательница астрального тела.

И она никогда ничего не объясняет. Никто ничего не объясняет.

Да, «Секретари, состоявшие у меня на службе». Номер 1 — убийца, скрывающийся от правосудия. Номер 2 — тайный пьяница, имевший сомнительные интрижки в Италии. Номер 3 — красивая девица, обладающая полезной способностью находиться одновременно в двух местах. Номер 4 — мисс Петтигрю, я нисколько не сомневаюсь — переодетая особо опасная мошенница! Может быть, одна из итальянских подружек Пейджета, которую он подсунул мне. Я не удивлюсь, если в один прекрасный день окажется, что Пейджет всех крупно надул. В целом, я думаю, Рейберн был лучшим из них. Он никогда не беспокоил меня и не мешал мне. Ги Пейджет имел наглость всучить нам чемодан с

канцелярскими принадлежностями. Теперь никто не может пройти, чтобы не споткнуться от него.

Я только что вышел на обзорную платформу, надеясь, что мое появление будет встречено криками восторга. Обе женщины, как зачарованные, слушали один из «охотничьих» рассказов Рейса. Я назову этот вагон не «Сэр Юстас и команда», а «Полковник Рейс и гарем».

Потом миссис Блейр приспичило делать дурацкие снимки. Каждый раз, как мы описывали особенно отвратительную дугу, взбираясь все выше и выше, она щелкала паровоз.

— Понимаете, в чем суть, — восхищалась она. — Нужно, чтобы мы поворачивали, тогда можно сзади снять переднюю часть поезда, и на фоне гор это будет выглядеть ужасно опасным.

Я обратил ее внимание на то, что, вероятно, невозможно будет определить, действительно ли снимали из заднего вагона. Она посмотрела на меня с жалостью.

— Я укажу это под снимком. «Снято из поезда. Паровоз описывает дугу».

— Так можно написать под любым снимком поезда, — сказал я. Женщины никогда не думают о столь простых вещах.

— Я рада, что мы проезжаем здесь днем, — вскричала Энн Беддингфелд. — Ведь я бы ничего такого не увидела, если бы вчера вечером уехала в Дурбан.

— Конечно, нет, — сказал полковник Рейс, улыбаясь, — вы проснулись бы завтра утром и очутились на безводном плато Карру, в жаркой, пыльной, каменистой пустыне.

— Как хорошо, что я передумала, — сказала Энн, удовлетворенно вздыхая и оглядываясь вокруг.

Вид был замечательный. Кругом высокие горы, через которые вилась наша дорога, и мы с трудом забирались все выше и выше.

— Это лучший из ежедневных поездов в Родезию? — спросила Энн Беддингфелд.

— Ежедневных? — рассмеялся Рейс. — Что вы, моя дорогая мисс Энн, туда идут только три поезда в неделю. По понедельникам, средам и субботам. Вы сознаете, что приедете на водопад^[13] только в субботу?

— Как хорошо мы узнаем друг друга к тому времени! — злобно сказала миссис Блейр. — Как долго вы собираетесь оставаться у водопада, сэр Юстас?

— Смотря по обстоятельствам, — осторожно ответил я.

— Каким?

— Это будет зависеть от развития обстановки в Йоханнесбурге. Сначала я думал побыть пару дней у водопада, который никогда не видел, хотя в Африке уже третий раз, а потом поехать в Йобург, чтобы изучить состояние дел на Ранде. Дома, знаете ли, я выступаю как знаток южно-африканской политики. Однако судя по тому, что я слышу, примерно через неделю Йобург станет чрезвычайно неприятным местом для посещения. Я не хочу изучать состояние дел в разгар разбушевавшегося восстания.

Рейс улыбнулся с видом превосходства.

— Полагаю, ваши страхи преувеличены, сэр Юстас. В Йобурге будет не слишком опасно.

Женщины немедленно посмотрели на него, думая, по-видимому, «какой вы отважный герой». Меня это сильно разозлило. Я столь же храбр, как Рейс, но не вышел фигурой. Длинные, худые, загорелые мужчины всегда добиваются своего.

— Полагаю, вы будете там? — холодно заметил я.

— Очень возможно. Мы могли бы поехать вместе.

— Не уверен, что не останусь ненадолго у водопада, — ответил я уклончиво. Почему Рейсу так хочется, чтобы я поехал в Йобург? Он, кажется, положил глаз на Энн. — А каковы ваши планы, мисс Энн?

— Смотря по обстоятельствам, — ответила она сдержанно, подражая мне.

— Я полагал, что вы мой секретарь, — возразил я.

— О, но меня вывели из игры. Вы весь день держали за руку мисс Петтигрю.

— Что бы я сегодня ни делал, клянусь, что этого-то не было, — заверил я ее.

Четверг, вечер

Мы только что покинули Кимберли. Рейса заставили снова рассказать историю о краже алмазов. Почему женщин так волнует все, имеющее какое-либо отношение к алмазам?

Наконец Энн Беддингфелд сбросила с себя покров тайны. По-видимому, она корреспондент газеты. Сегодня утром она послала из Де-Ара огромную телеграмму. Судя по болтовне, продолжавшейся в купе миссис Блейр почти всю ночь, Энн, должно быть, читала вслух все свои

будущие экстренные сообщения.

Кажется, она все время шла по следу «человека в коричневом костюме». Она явно не узнала его на «Килмордене», хотя вряд ли у нее была такая возможность, но сейчас она очень суетится, телеграфируя домой: «Как я путешествовала с убийцей», сочиняет вымышленные истории о том, «Что он мне сказал» и т. д. Я знаю, как делаются подобные вещи. Я сам так делаю в свои] «Воспоминаниях», когда мне позволяет Пейджет, и, разумеется, кто-нибудь из квалифицированных сотрудников Нэсби придаст подробностям еще больше блеску, и когда все появится в «Дейли баджет», Рейберн не узнает сам себя.

Тем не менее девица умна. Очевидно, совершенно самостоятельно она установила личность женщины, убитой в моем доме. Это русская танцовщица по имени Надина. Я спросил Энн Беддингфелд, уверена ли она в своей правоте. Она ответила, что просто воспользовалась методом дедукции — совсем в духе Шерлока Холмса. Однако я понимаю, что в газету Нэсби она телеграфировала об этом, как о доказанном факте. У женщин есть интуиция — я нисколько не сомневаюсь, что Энн Беддингфелд абсолютно права в своей догадке, — но называть это дедукцией — абсурд.

Не могу представить себе, как она сумела попасть в штат «Дейли баджет». Но она из тех молодых женщин, которым удаются такие дела. Ей невозможно противостоять. Она искусно пользуется уговорами и задабриванием, маскирующими негибкую решимость. Посмотрите только, как она проникла в мой личный вагон!

И я начинаю догадываться зачем. Рейс что-то сказал насчет полиции, подозревающей, что Рейберн направится в Родезию. Он вполне мог поехать поездом в понедельник. Полагаю, они телеграфировали во все пункты по дороге, но никого, соответствующего его описанию, не нашли, хотя это мало о чем говорит. Он хитрый молодой человек и Африку знает. Вероятно, он ловко переоделся старой кафрской женщиной, — а простаки из полиции продолжают искать красивого молодого мужчину со шрамом, одетого по последнему слову европейской моды. Я никогда не верил, что шрам настоящий.

Так или иначе, Энн Беддингфелд идет по его следу.

Она хочет, чтобы слава раскрытия этого дела досталась ей и «Дейли баджет». В наши дни молодые женщины совершенно бесчувственны. Я намекнул ей, что она занимается не женским делом. В ответ она рассмеялась и уверила меня, что, если его выследит, ее будущее обеспечено. Я вижу, что Рейсу это тоже не нравится. Может быть, Рейберн

едет на нашем поезде. Если так, нас всех могут убить прямо в постели. Я так и сказал миссис Блейр, но она, кажется, вполне приветствовала такую перспективу и заметила, что, если меня убьют, это явится действительно великолепной сенсационной новостью для газеты Энн! Сенсация для Энн, вот еще!

Завтра мы будем проезжать через Бечуаналенд. Пыль будет ужасная. Кроме того, маленькие кафрские дети на каждой станции будут продавать причудливых деревянных зверей, которых они сами вырезают, а также чашки и корзинки. Я побаиваюсь, что миссис Блейр может обезуметь от них. В этих игрушках есть свое примитивное очарование, которое, наверное, придется ей по вкусу.

<i>Пятница, вечер</i>

Я не ошибся. Миссис Блейр и Энн закупили сорок девять деревянных зверей!

Глава XXIII

(Продолжение рассказа Энн)

Я получила большое удовольствие от поездки в Родезию. Каждый день мы видели что-нибудь новое, удивительное. Сначала чудесные пейзажи горного хребта Хексрифир, потом безлюдное великолепие высокого плато Карру и, наконец, замечательная, прямая, как стрела, линия дороги в Бечуаналенде и совершенно восхитительные игрушки, которые туземцы приносили для продажи. Мы с Сьюзен едва не отставали от поезда на каждой станции, если их можно так назвать. Мне казалось, что поезд останавливался, когда ему заблагорассудится, и тут же, как из-под земли, появлялась толпа туземцев, предлагавших маисовые лепешки и сахарный тростник, накидки из звериных шкур и восхитительных резных деревянных зверей. Сьюзен немедленно решила составить коллекцию игрушек. Я последовала ее примеру — большинство из них стоили всего «тики» (три пенни) и ни одна не повторяла другую. Там были жирафы и тигры, змеи, меланхолическая южно-африканская антилопа и еще нелепые маленькие черные воины. Мы прелестно провели время.

Сэр Юстас пытался удержать нас, но напрасно. Я все еще считаю чудом, что мы не отстали от поезда в каком-нибудь оазисе, расположенном вдоль дороги. Южноафриканские поезда не гудят и очень спокойно трогается с места. Они начинают плавно двигаться, а вы, заметив это, бросаете торговаться и бежите вдогонку изо всех сил.

Можно себе представить, как изумилась Сьюзен, увидев меня в поезде в Кейптауне. В первый же вечер мы тщательно проанализировали сложившуюся ситуацию. Проговорили мы полночи.

Мне стало ясно, что наряду с наступательной следует применять и оборонительную тактику. Путешествуя с сэром Юстасом и его спутниками, я — в полной безопасности. Он и полковник Рейс — могущественные покровители, и я рассудила, что мои враги не захотят из-за меня тревожить осиное гнездо. Кроме того, пока я возле сэра Юстаса, я более или менее в контакте с Ги Пейджетом, а он — центр всей тайны. Я спросила Сьюзен, возможно ли, по ее мнению, что сам Пейджет и есть таинственный «полковник». Его подчиненное положение, безусловно, говорит против такого предположения, но раза два мне пришло в голову, что сэр Юстас,

несмотря на его властные манеры, в сущности, находится под влиянием своего секретаря. Сэр Юстас — беспечный человек, которого его ловкий секретарь легко может обвести вокруг пальца. В действительности его сравнительно незаметное положение ему только на руку, так как он всячески стремится оставаться в тени.

Сьюзен, однако, категорически отвергла мои соображения. Она отказывается верить, что всем правит Ги Пейджет. Настоящий руководитель — «полковник» — пребывает где-то за кулисами и, вероятно, уже находился в Африке со времени нашего приезда.

Я согласилась, что многое говорит в пользу ее версии, но была не вполне удовлетворена. Ибо в каждом подозрительном случае видна направляющая рука Пейджета. На первый взгляд ему действительно не хватало уверенности и решимости, характерных для матерого преступника, однако в конце концов, по утверждению полковника Рейса, этот таинственный лидер выполнял только умственную работу, а творческий дух часто живет в физически слабом и робком существе.

— В вас говорит профессорская дочь, — прервала меня Сьюзен, когда в своих рассуждениях я дошла до этого момента.

— Все равно я права. Однако Пейджет может быть, так сказать, великим визирем его высочества. — Я помолчала минуту-другую, а потом, поразмыслив, продолжила:

— Хотела бы я знать, на чем сэр Юстас сделал свое состояние!

— Снова подозреваете его?

— Сьюзен, я теперь не могу не подозревать кого-нибудь! Я, в сущности, не подозреваю его, но, в конце концов, он нанял Пейджета и владеет Милл-Хаусом.

— Я не раз слышала, что он сделал состояние на чем-то таком, о чем не жаждет распространяться, — задумчиво сказала Сьюзен. — Но совсем не обязательно, что его возникновение связано с преступлением, вполне вероятно, оно нажито на коротких гвоздях или жидкости для восстановления волос!

Я нехотя согласилась.

— Надеюсь, — сказала Сьюзен с сомнением, — мы не идем по ложному следу, совершенно сбившись с пути? Я имею в виду предположение о соучастии Пейджета? А вдруг он абсолютно честный человек?

Я подумала минуту-другую, а потом покачала головой.

— Не могу поверить.

— В конце концов, у него на все есть объяснения.

— Д-да, но они не слишком убедительны. Например, в ту ночь, когда он пытался сбросить меня за борт на «Килмордене», он, по его словам, вышел на палубу следом за Рейберном, а тот обернулся и сбил его с ног. Теперь мы знаем, что это не правда.

— Да, — охотно согласилась Сьюзен. — Но мы слышали о происшедшем только в пересказе сэра Юстаса Если бы мы послушали самого Пейджета, все могло бы выглядеть иначе. Вы знаете, что при пересказе люди всегда немного искажают события.

Я обдумала слова Сьюзен.

— Нет, — сказала я наконец, — я не могу не подозревать его. Пейджет виновен. Вы не можете отрицать тот факт, что он пытался сбросить меня за борт, и все остальное тоже сходится. Почему вы так отстаиваете свою новую идею?

— Из-за его физиономии.

— Его физиономии? Но...

— Да, я знаю, что вы собираетесь сказать. Физиономия у него зловещая. Это точно. Но с такой физиономией в действительности невозможно быть злым. Природа, должно быть, сыграла с ним великолепную шутку.

Меня не слишком убедил довод Сьюзен. Я много знаю о природе прошлых веков. Если у нее и есть чувство юмора, она не очень-то его проявляет. Сьюзен из той породы людей, которые охотно наделяют природу всеми собственными чертами.

Затем мы перешли к обсуждению наших непосредственных планов. Мне было ясно, что я должна на что-то решиться. Я не могла постоянно избегать объяснений. Решение всех моих трудностей находилось у меня под рукой, хотя какое-то время я об этом не думала. «Дейли баджет»! Мое молчание или мое слово не могли больше повлиять на участь Гарри Рейберна. Он стал известен как «человек в коричневом костюме» не по моей вине. Я могу помочь ему наилучшим образом, притворившись, что действую против него. «Полковник» и его шайка не должны подозревать о существовании какой-либо симпатии между мной и человеком, которого они выбрали в качестве козла, отпущения за убийство в Марлоу. Насколько я знаю, убитая женщина все еще не опознана. Я телеграфирую лорду Нэсби, что она, видимо, не кто иная, как знаменитая русская танцовщица Надина, так долго восхищавшая Париж. Мне казалось невероятным, что она до сих пор не опознана, но когда много времени спустя я узнала подробности всего дела, я поняла, насколько это было объяснимо.

Надина никогда не была в Англии, пока она делала успешную карьеру

в Париже. Лондонской публике она была незнакома. Снимки жертвы убийства в Марлоу, помещенные в газетах, были очень неясными и неузнаваемыми. Неудивительно, что никто не смог установить личность изображенной на них женщины. И вместе с тем Надина сохраняла в глубокой тайне от всех свое намерение посетить Англию. Через день после убийства ее импресарио получил письмо, написанное якобы танцовщицей, в котором она сообщала, что возвращается в Россию по неотложным личным делам, а он по возможности должен уладить проблемы, возникшие из-за разорванного контракта.

Все это, разумеется, я узнала только потом. С полного одобрения Сьюзен я послала длинную телеграмму из Де-Ара. Она пришла в самый удобный момент (о чем я, конечно, узнала опять-таки потом). «Дейли баджет» просто необходима была сенсация. Моя догадка была проверена и полностью подтвердилась, и газета получила самую сенсационную новость за все время своего существования. «Жертва убийства в Милл-Хаусе опознана нашим специальным корреспондентом». И так далее. «Наш корреспондент совершает морское путешествие вместе с убийцей — „человеком в коричневом костюме“. Кто он в действительности?»

Основные факты, разумеется, были переданы по телеграфу в южноафриканские газеты, однако я прочла свои собственные пространные статьи только значительно позже! Телеграмму с одобрением и всеми инструкциями я получила в Булавайо. Я была принята в штат «Дейли баджет», и меня поздравил сам лорд Нэсби. Именно мне было доверено выследить убийцу, и только я знала, что им был не Гарри Рейберн! Но пусть мир думает, что это он — пока так лучше.

Глава XXIV

Мы приехали в Булавайо в субботу рано утром. Я была разочарована. Стояла невыносимая жара, и гостиница оказалась отвратительная. Кроме того, настроение сэра Юстаса я могу охарактеризовать как крайне мрачное. Думаю, что его разозлили наши деревянные звери, особенно большой жираф, гигантских размеров, с невероятной шеей, кроткими глазами и уныло висящим хвостом. У зверя был свой характер, свое очарование. Уже разгорался спор о том, кому он принадлежит — мне или Сьюзен. Каждая из нас дала «тики» на его покупку. Сьюзен претендовала на него по праву старшинства и положения замужней дамы, я настаивала на том, что первая оценила его красоту.

Тем временем, должна это признать, игрушки заняли изрядную часть отведенного нам пространства. Везти с собой сорок девять зверей, громоздких и неуклюжих, сделанных из чрезвычайно непрочного дерева — до некоторой степени проблема. Мы погрузили игрушки на двух носильщиков, один из них сразу уронил восхитительных страусов и отбил им головы. Предупрежденные таким образом, Сьюзен и я потащили то, что было нам по силам, полковник Рейс помогал, а большого жирафа я всучила сэру Юстасу. Даже идеальная мисс Петтигрю не избежала подобной участи, ей достались крупный гиппопотам и два черных воина. Мне казалось, что мисс Петтигрю меня невзлюбила. Вероятно, она полагала, что я самоуверенная потаскушка. Так или иначе, она по возможности избегала меня. И самое смешное, ее лицо казалось мне почему-то знакомым, хотя я никак не могла понять почему.

Почти все утро мы отдыхали, а днем поехали на автомобиле в Матопос посмотреть могилу Родса. Точнее, мы собирались это сделать все вместе, но в последний момент сэр Юстас отказался. Он был в таком же дурном настроении, как в утро прибытия в Кейптаун, когда он швырнул на пол персик, и тот расплющился! Очевидно, ранние приезды плохо на него действуют. Он клял носильщиков, официанта за завтраком, дирекцию гостиницы, несомненно, с удовольствием обругал бы и мисс Петтигрю, болтавшуюся под ногами со своими карандашом и блокнотом, но не думаю, что даже сэр Юстас решился бы на это. Она — вылитая образцовая секретарша из учебника. Я едва успела спасти нашего дорогого жирафа. Чувствую, что сэр Юстас с наслаждением швырнул бы его на землю.

Возвращаясь к нашей экспедиции — после отказа сэра Юстаса мисс

Петтигрю заявила, что останется дома на случай, если она понадобится. А в самую последнюю минуту Сьюзен прислала сообщить, что у нее мигрень. Итак, полковник Рейс и я поехали одни.

Он странный человек. В компании это не так заметно. Однако наедине воздействие его личности почти непреодолимо. Он становится еще молчаливее, и тем не менее его молчание более красноречиво, чем слова.

В тот день мы ехали в Матопос через небольшой желто-бурый кустарник. Все вокруг было погружено в странное безмолвие, кроме нашего автомобиля, представлявшего мне первым «Фордом», когда-то сделанным человеком! Обивка машины свисала клочьями, и, хотя я ничего не понимаю в моторе, даже я могла догадаться, что внутри у него не все так.

Вскоре характер местности изменился. Появились огромные валуны, громоздившиеся самым причудливым образом. Я вдруг почувствовала, что попала в первобытную эпоху. Сейчас неандертальцы казались мне столь же реальными, как когда-то папе. Я повернулась к полковнику Рейсу.

— Здесь когда-то, должно быть, обитали великаны, — сказала я мечтательно. — А их дети были как все дети в наши дни — они играли в камешки, то нагромождая их друг на друга, то сталкивая вниз, и чем искуснее были постройки из камешков, тем больше они радовались. Если бы мне пришлось давать имя этому месту, я назвала бы его «Страной маленьких великанов».

— Вы, может быть, ближе к истине, чем думаете, — веско заявил полковник Рейс. — Простая, примитивная, огромная — такова Африка.

Я согласно кивнула.

— Вы любите ее, не так ли? — спросила я.

— Люблю, но долгое пребывание здесь делает человека, как вы сказали бы, жестоким. Он начинает слишком легко относиться к жизни и смерти.

— Да, — согласилась я, думая о Гарри Рейберне. Он тоже был таким. — Но не жестоким к слабым?

— Есть разные мнения о том, кого считать «слабым», мисс Энн.

В его голосе прозвучала серьезная нотка, которая немного испугала меня. Я почувствовала, что, в сущности, очень мало знаю его.

— Я говорила о детях и собаках.

— Могу определенно сказать, что никогда не был жесток к детям или собакам. Значит, женщин вы не считаете слабыми?

Я задумалась.

— Нет, думаю, нет, хотя они, конечно, слабые. Но таковы они в наше

время. Папа всегда говорил, что вначале мужчины и женщины бродили по миру одинаково сильные — как львы и тигры.

— И жирафы? — лукаво вставил полковник Рейс.

Я рассмеялась. Все подшучивают над нашим жирафом.

— И жирафы. Люди вели кочевой образ жизни. И только после того, как они осели и женщины стали делать одну работу, а мужчины — другую, женщины стали слабыми. Но внутри, конечно, человек остался прежним — я имею в виду, что он чувствует так же, и вот почему женщины почитают физическую силу в мужчинах: они сами ею некогда обладали, а потом утратили.

— В общем, почти культ предков?

— Что-то вроде.

— И вы действительно в этом уверены? Что женщины поклоняются силе, я хочу сказать?

— Наверное, это правда — если быть честной. Сначала воображаешь, что восхищаешься моральными качествами, но, когда полюбишь, возвращаешься к первобытному, где ценится только физическая сила. Но я не думаю, что все тем и кончается. Если жить в первобытных условиях, тогда конечно, но время уже не то, и, в конце концов, побеждает иное. Всегда побеждает нечто, казалось бы, слабое, гонимое. Оно одерживает верх в единственной сфере, которая имеет значение. Как в Библии, где сказано о том, что вы потеряете жизнь и обретете ее.

— В конечном счете, — задумчиво сказал полковник Рейс, — вы влюбляетесь, а потом разочаровываетесь, если я вас правильно понял?

— Не совсем, но можно и так сказать, если хотите.

— Но я не думаю, что вы когда-нибудь разлюбливали, мисс Энн?

— Да, вы правы, — охотно согласилась я.

— А влюблялись? Я не ответила.

Мы приехали на место, и разговор оборвался.

Выйдя из машины, мы начали медленное восхождение к обзорной площадке. Уже не впервые я ощущала некоторую неловкость в обществе полковника Рейса. Он так надежно скрывал свои мысли за непроницаемыми черными глазами. Он даже всегда немного пугал меня. Я никогда не знала, как себя с ним вести.

Мы молча взбирались на гору, пока не достигли могилы, где лежит Родс, охраняемый гигантскими валунами. Странное, мрачное место, удаленное от людей, — вечный гимн суровой красоте.

Некоторое время мы посидели молча, а затем стали спускаться вниз, слегка, однако, отклонившись от тропинки. Временами нам приходилось

нелегко, а один раз мы подошли к крутому склону или скале, которая была почти отвесной.

Полковник Рейс прошел первым, потом повернулся, чтобы помочь мне.

— Лучше я вас перенесу, — неожиданно сказал он и быстрым движением поднял меня.

Я почувствовала, какой он сильный, когда он поставил меня на землю и убрал руки. Железный человек с мускулами, как упругая сталь. И вновь я испугалась, особенно от того, что он не посторонился, а стоял прямо передо мной, пристально глядя на меня.

— Зачем вы здесь на самом деле, Энн Беддингфелд? — спросил он отрывисто.

— Я цыганка, желающая посмотреть мир.

— Да, но это не вся правда. Работа в газете — только предлог. Вы не похожи на журналистку. Вы действуете самостоятельно, в вас есть жадность к жизни. Но и это еще не все.

Чего он хотел от меня? Мне было очень страшно. Я смотрела ему прямо в лицо. Мои глаза не умеют хранить тайны, как его глаза, но могут ответить ударом на удар.

— А зачем вы здесь на самом деле, полковник Рейс? — спросила я в упор.

На мгновение мне показалось, что он не собирался отвечать. Однако он был явно ошеломлен. Наконец он заговорил, и его слова, по-видимому, доставили ему мрачное удовлетворение.

— Тешу честолюбие, — сказал он. — Всего лишь тешу честолюбие. Ведь вы помните, мисс Беддингфелд, что в этот грех впадают ангелы.

— Говорят, — медленно произнесла я, — что вы сотрудник Секретной службы и связаны с правительством. Это правда?

Почудилось ли мне, или он действительно поколебался долю секунды, прежде чем ответить?

— Могу заверить вас, мисс Беддингфелд, что я здесь исключительно как частное лицо, путешествующее ради собственного удовольствия.

Размышляя потом над его ответом, я нашла его несколько расплывчатым. Но, вероятно, полковник не случайно ответил так.

Мы молча вернулись к машине. На полпути обратно в Булавайо мы остановились выпить чаю в какой-то развалюхе у дороги. Хозяин копался в саду, и, казалось, был раздосадован тем, что ему помешали. Но тем не менее любезно обещал посмотреть, что можно сделать. После бесконечного ожидания нам принесли черствые кексы, тепловатый чай и

молоко. Затем хозяин снова исчез в своем саду.

Как только он ушел, нас окружили кошки, целых шесть штук, все они разом жалобно замыкали. Вымогательство было оглушительным. Я раздала им кусочки кекса. Они жадно сожрали их. Тогда я вылила все наше молоко в блюдо, и они стали бороться за обладание им.

— О, — вскричала я с негодованием, — их морят голодом! Это низко. Пожалуйста, пожалуйста, закажите еще молока и кексов.

Полковник Рейс без слов пошел выполнять мою просьбу. Кошки снова принялись мяукать. Полковник вернулся с целым кувшином молока, и кошки вылакали его всё.

Я решительно встала.

— Я собираюсь взять кошек с собой, я не оставляю их здесь.

— Дорогое дитя, не говорите глупостей. Вы не можете таскать с собой шесть кошек, как пятьдесят деревянных зверей.

— Не беспокойтесь о деревянных зверях. Эти кошки живые. Я возьму их с собой.

— Вы ничего подобного не сделаете. — Я возмущенно посмотрела на него, но он продолжал:

— Вы считаете меня жестоким, но в жизни нельзя сентиментальничать по такому поводу. Бесполезно настаивать — я не позволю вам взять их. Это примитивная страна, как вы знаете, и я сильнее вас.

Я всегда сознаю, когда терплю поражение. Я пошла к машине со слезами на глазах.

— Может быть, они голодны только сегодня, — попытался утешить меня полковник. — Жена хозяина поехала в Булавайо за покупками. Завтра все будет в порядке. Но так или иначе, вам известно, что в мире полно голодных кошек.

— Не надо, не надо, — яростно сказала я.

— Я учу вас воспринимать жизнь такой, как она есть. Я учу вас быть суровой и безжалостной — как я. В этом секрет силы — и секрет успеха.

— Я скорее умру, чем буду суровой, — воскликнула я страстно.

Мы сели в машину и поехали. Постепенно я пришла в себя. Вдруг, к моему изумлению, он взял меня за руку.

— Энн, — нежно сказал он, — вы нужны мне. Выходите за меня замуж.

Я была совершенно ошеломлена.

— О, нет, — запинаясь произнесла я. — Не могу.

— Почему нет?

— Я не люблю вас. И никогда не думала о вас как о муже.

— Понимаю. Это единственная причина?

Я вынуждена была быть честной, просто обязана — перед ним.

— Нет, — сказала я, — не единственная. Видите ли.., я.., люблю другого.

— Понимаю, — повторил он. — А вы уже любили его, когда я впервые увидел вас на «Килмордене»?

— Нет, — прошептала я. — Это случилось потом.

— Я понимаю, — повторил он в третий раз, но сейчас его слова были полны значения, побудившего меня повернуться и взглянуть на него. Его лицо было мрачнее, чем когда-либо прежде.

— Что.., что вы хотите сказать? — спросила я дрогнувшим голосом.

Он посмотрел на меня загадочно и властно.

— Только то, что теперь я знаю, что делать.

Его слова заставили меня затрепетать. В них была непонятная решимость, и она испугала меня.

До возвращения в гостиницу мы не сказали больше ни слова. Я сразу побежала наверх к Сьюзен. Она читала, лежа в постели, и у нее не было никаких признаков мигрени.

— Здесь покоится идеальная gooseberry^[14], — заметила Сьюзен. — Она же тактичная дуэнья. Но, Энн, дорогая, что случилось?

Ибо я буквально разразилась потоком слез.

Я рассказала ей о кошках — я чувствовала, что было бы не правильно рассказывать ей о полковнике Рейсе. Но Сьюзен очень проницательна. Полагаю, она поняла, что мое состояние объяснялось еще чем-то.

— Надеюсь, вы не простудились, Энн? В такую жару подобные предположения звучат абсолютно нелепо, но вы вся дрожите.

— Ничего страшного, — отозвалась я. — Нервы, и к тому же меня дрожь пробирает. Я все время чувствую, что должно произойти нечто ужасное.

— Не будьте глупышкой, — решительно сказала Сьюзен. — Давайте поговорим о чем-нибудь интересном. Например, о тех алмазах...

— Что с ними?

— Я не уверена, что они у меня в безопасности. Раньше все было нормально, никто не мог вообразить, что они находятся среди моих вещей. Но теперь, когда все знают, что мы подруги, я тоже под подозрением.

— Однако никому не известно, что они в коробочке из-под пленки, — доказывала я. — Это великолепный тайник, и я не думаю, что мы могли бы найти лучшее место.

Поколебавшись, она согласилась со мной, но сказала, что мы вернемся

к этому вопросу, когда приедем на водопад.

Наш поезд отошел в девять часов. Сэр Юстас был все еще не в лучшем настроении, и мисс Петтигрю выглядела подавленной. Полковник Рейс полностью пришел в себя. Я чувствовала, что весь разговор с ним на обратном пути из Матопоса мне просто приснился.

Я плохо спала в ту ночь на жестком ложе, меня одолевали сумбурные сны, предвещавшие дурное. Проснувшись я с головной болью и вышла на обзорную площадку вагона. День был свежий и чудесный, и кругом, насколько хватало глаз, высились холмы, поросшие лесом. Мне они понравились больше, чем какое-либо другое место, которое я когда-нибудь видела. Мне тогда захотелось иметь маленькую хижину где-нибудь в чаще кустарника и жить там всегда...

Около половины третьего полковник Рейс вызвал меня из офиса и указал на причудливый букет белого тумана, клубившийся над частью леса.

— Брызги водопада, — сказал он. — Мы почти приехали.

После беспокойной ночи меня все еще охватывало странное мечтательное чувство. Все время казалось, что я приехала домой... Домой! А между тем я не была здесь раньше — или, может быть, во сне?

Мы пошли пешком от станции к гостинице, большому белому зданию, хорошо защищенному сетками от москитов. Кругом не было ни дорог, ни домов. Мы вышли на веранду, и я онемела от изумления. Прямо перед нами в полумиле виднелся водопад. Я никогда не видела ничего столь грандиозного и прекрасного — и никогда не увижу.

— Энн, вы сегодня странная, — сказала Сьюзен, когда мы уселись за ланч. — Я прежде вас такой не видела.

Она с любопытством уставилась на меня.

— Разве? — я рассмеялась, но почувствовала, что смех мой неестественный. — Просто мне тут все очень нравится.

— Тут что-то еще.

Ее брови слегка нахмурились понимающе.

Да, я была счастлива, но за этим скрывалось странное ощущение, что я жду чего-то, что скоро произойдет. Я волновалась и не находила себе места.

После чая мы вышли прогуляться, сели на дрезину и, подталкиваемые улыбающимися чернокожими, двинулись по небольшому рельсовому пути к мосту.

Вид был изумительный, огромная пропасть и несущаяся вниз вода, туманная завеса и брызги, то и дело расходящиеся на короткое мгновение, чтобы явить нашему взору падение воды, а затем снова смыкавшиеся в своей непостижимой таинственности. Таково, по моему мнению, вечное

очарование водопада — неуловимость. Вы все время думаете, что сейчас увидите его — и никогда не видите.

Мы пересекли мост, медленно пошли вперед по дорожке, тянущейся вдоль края обрыва и размеченной по обе стороны белыми камнями. Наконец мы достигли большой расселины, где слева тропинка вела вниз к пропасти.

— Пальмовая лощина, — объяснил полковник Рейс. — Спустимся вниз? Или оставим на завтра? Это займет некоторое время и потом придется еще совершить обратное восхождение?

— Оставим на завтра, — решительно произнес сэр Юстас. Я заметила, он совсем не любит требующих усилий физических упражнений.

Назад он пошел первым. По дороге нам встретился прекрасный туземец, шествовавший гордой поступью. За ним шла женщина, на голове которой, по-видимому, были водружены все домашние пожитки! Коллекция включала даже сковородку.

— У меня никогда нет с собой фотоаппарата, когда он мне нужен, — застонала Сьюзен.

— Такая картина будет встречаться достаточно часто, миссис Блейр, — сказал полковник Рейс. — Так что не горюйте.

Мы пришли обратно к мосту.

— Пойдемте в радужный лес? — предложил полковник. — Или вы боитесь промокнуть?

Сьюзен и я пошли вместе с ним. Сэр Юстас отправился обратно в гостиницу. Радужный лес несколько разочаровал меня. Радуг мы толком не увидели и промокли до нитки, но то и дело перед нашими глазами мелькал водопад, и мы представляли себе, какой он необыкновенно широкий. О, милый, милый водопад, как я люблю тебя и поклоняюсь тебе, и так будет всегда!

В гостиницу мы вернулись как раз вовремя, чтобы успеть переодеться к обеду. Сэр Юстас, кажется, проникся явной антипатией к полковнику Рейсу. Сьюзен и я слегка иронизировали над сэром Юстасом, но не получали от этого особого удовлетворения.

После обеда он удалился в свою гостиную и утащил с собой мисс Петтигрю. Мы с Сьюзен немного поболтали с полковником Рейсом, а потом она объявила, широко зевая, что собирается лечь спать. Я не хотела оставаться наедине с полковником, поэтому тоже встала и пошла к себе.

Однако я была слишком возбуждена, чтобы заснуть. Я даже не разделась. Откинувшись на спинку кресла, я предалась мечтаниям. И все время ощущала, как на меня что-то надвигается..., все ближе и ближе...

Раздался стук в дверь, и я вздрогнула. Я встала и пошла открывать. Маленький чернокожий мальчуган протянул мне записку. Она была адресована мне, но почерк был незнакомый. Я взяла ее и вернулась в комнату. Постояв немного с запиской в руке, я наконец развернула ее. Она была очень короткая!

«Я должен увидеть вас. Не осмеливаюсь появляться в гостинице. Вы придете к расселине у пальмовой лощины? В память о каюте номер 17, пожалуйста, приходите. Человек, которого вы знали как Гарри Рейберна».

Мое сердце неистово забилося. Так он здесь! О, я знала это — знала все время! Я чувствовала, что он рядом. Совершенно непроизвольно я приближалась к его убежищу.

Повязав голову шарфиком, я тихонько подошла к двери. Надо быть осторожной. За ним охотятся. Никто не должен увидеть, как мы встретимся. Проскользнув в комнату Сьюзен, я убедилась, что она крепко спит. Слышалось ее ровное дыхание.

Сэр Юстас? Я остановилась у двери его гостиной. Да, он диктовал мисс Петтигрю, раздавался ее монотонный голос, повторяющий: «Поэтому рискну предположить, что, взявшись за решение проблемы использования труда цветных...» Она сделала паузу, чтобы он продолжал, и я услышала, как он что-то недовольно проворчал.

Прокравшись дальше по коридору, я обнаружила, что комната полковника Рейса пуста. Не было его и в гостиной отеля. А ведь именно его я опасалась больше всех! И все же нельзя было терять больше времени. Я быстро выскользнула из гостиницы и направилась по тропинке к мосту.

Перейдя на другую сторону, я притаилась в тени. Если кто-нибудь шел за мной, я увижу, как он переходит мост.

Однако минуты бежали, а никто не появлялся. Меня не выслеживали. Я повернулась и пошла по дорожке к расселине. Сделав примерно шесть шагов, я остановилась. Что-то зашуршало позади меня. Это не мог быть кто-то, кто шел за мной от гостиницы. Это был некто, заранее поджидавший здесь.

И в ту же минуту без всякого основания я интуитивно почувствовала, что надо мной нависла угроза. Подобное чувство я уже испытала на «Килмордене» в ту ночь — безошибочный инстинкт, предупреждавший меня об опасности.

Повернув голову, я внимательно посмотрела через плечо. Тишина. Я сделала шаг или два. Снова послышалось то же шуршание. Продолжая идти, я снова оглянулась через плечо. Из тени вышла мужская фигура. Заметив, что я увидела его, он рванулся вперед прямо за мной.

Было слишком темно, чтобы я могла кого-нибудь узнать. Я сумела разглядеть только то, что он высокий и что это был европеец, а не туземец, и бросилась бежать. Позади раздавался его тяжелый топот. Я бежала быстрее, ориентируясь по белым камням, указывавшим мне путь, так как в ту ночь не было луны.

И вдруг мои ноги провалились в пустоту. Я услышала, как человек позади меня засмеялся зловещим смехом, который звучал в моих ушах, пока я падала головой вниз — все ниже и ниже — чтобы разбиться далеко внизу.

Глава XXV

Медленно и мучительно я приходила в себя. Когда я попыталась двинуться, то ощутила, что у меня болит голова и ломит левую руку, и все казалось нереальным, как во сне. Передо мной проплывали кошмарные видения. Я чувствовала, что падаю — вновь падаю. Однажды мне почудилось, что из тумана появилось склонившееся надо мной лицо Гарри Рейберна. Я едва не вообразила, что оно — реальность. Потом оно снова исчезло, как бы дразня меня. Однажды, я помню, кто-то поднес чашку к моим губам, и я попила. Перед моими глазами скалилось черное лицо — лицо дьявола, додумала я и пронзительно вскрикнула. Потом опять сны — длинные беспокойные сны, в которых я тщетно разыскивала Гарри Рейберна, чтобы предупредить его — предупредить его — о чем? Я и сама не знала. Но была какая-то опасность — большая опасность — и только я могла спасти его. Затем снова темнота, благотворная темнота и крепкий сон.

Наконец я окончательно проснулась. Длинный кошмар прекратился. Я прекрасно помнила все, что произошло: мое поспешное бегство из гостиницы навстречу Гарри, мужчина в тени и этот последний ужасный момент падения...

Благодаря какому-то чуду я не погибла. Я разбилась, у меня все болело, я была очень слабая, но живая. Но где же я теперь? С трудом, повернув голову, я огляделась вокруг. Я находилась в маленькой комнатке с грубыми деревянными стенами. На них были развешаны шкуры животных и бивни из слоновой кости. Я лежала на чем-то вроде грубо сколоченной кушетки, также покрытой шкурами, моя левая рука была забинтована и не сгибалась. Сначала я подумала, что в комнатухе никого больше нет, но потом увидела фигуру мужчины, сидевшего между мной и окном, его голова была повернута к окну. Он был так неподвижен, что казался вырезанным из дерева. Его коротко стриженная черноволосая голова мне кого-то напоминала, но я не решилась дать волю воображению. Вдруг он обернулся, и я затаила дыхание. Это был Гарри Рейберн. Гарри Рейберн из плоти и крови.

Он встал и подошел ко мне.

— Чувствуете себя получше? — спросил он, немного смущаясь.

Ответить я не смогла. По моему лицу катились слезы. Я была еще слаба, но взяла его руку обеими руками. Если бы только я могла умереть

вот так, пока он стоит здесь и смотрит на меня с этим новым выражением в глазах!

— Не плачьте, Энн. Пожалуйста, не плачьте. Теперь вы в безопасности. Никто вас не обидит.

Он отошел, взял чашку и принес ее мне.

— Выпейте немного молока.

Я послушно выпила. Он продолжал говорить тихим убеждающим голосом, каким, наверное, говорил бы с ребенком.

— Не задавайте сейчас никаких вопросов. Еще поспите. Постепенно вы окрепнете. Если хотите, я уйду.

— Нет, — сказала я настойчиво. — Нет, нет.

— Тогда я останусь.

Он принес маленькую табуретку и сел подле меня. Положив свою руку на мою, он успокаивал и утешал меня, и я снова провалилась в сон.

Когда я проснулась, должно быть, был вечер, однако высоко в небе сияло солнце. В хижине я была одна, но стоило мне пошевелиться, как вбежала старая туземка. Она была страшная, как смертный грех, но одобряюще улыбнулась мне. Женщина принесла воды в тазу и помогла мне вымыть лицо и руки. Потом она подала мне большую чашку супу, и я съела все до капли. Я задала ей несколько вопросов, но она только улыбалась, кивала и болтала на своем гортанном языке, и я поняла, что она не знает английского.

Неожиданно она встала и почтительно отступила на несколько шагов, вошел Гарри Рейберн, кивком отпустил ее, и она вышла, оставив нас вдвоем. Он улыбнулся мне.

— Сегодня вам определенно лучше!

— Да, правда, но я все еще ничего не понимаю. Где я?

— Вы на небольшом островке на Замбези примерно в четырех милях выше водопада.

— А.., а мои друзья знают, что я здесь?

Он покачал головой.

— Я должна известить их.

— Это, разумеется, ваше право, но на вашем месте я подождал бы, пока немного не окрепну.

— Зачем?

Он не ответил сразу, и я продолжила:

— Как долго я здесь?

Его ответ изумил меня.

— Почти месяц.

— О! — вскрикнула я. — Я должна сообщить о себе Сьюзен.

Она ужасно беспокоится.

— Кто такая Сьюзен?

— Миссис Блейр. Я жила в гостинице вместе с ней, сэром Юстасом и полковником Рейсом, но вы, конечно, знаете об этом?

Он покачал головой.

— Я ничего не знаю, кроме того, что нашел вас на развилине дерева без, сознания, ваша рука была сильно вывихнута.

— Где находилось это дерево?

— Оно нависало над ущельем. Если бы ваша одежда не зацепилась за ветки, вы, безусловно, разбились бы насмерть.

Я содрогнулась. Потом мне в голову пришла мысль.

— Вы говорите, что не знали, где я жила. А как же тогда записка?

— Какая записка?

— Которую вы послали мне, прося встретиться с вами в расселине.

Он уставился на меня.

— Я не посылал никакой записки.

Я почувствовала, что краснею до корней волос. К счастью, он, кажется, ничего не заметил.

— А как вы очутились на месте столь чудесным образом? — спросила я по возможности бесстрастно. — И что вы делаете в этом уголке света?

— Я живу здесь, — просто ответил он.

— На этом острове?

— Да, я приехал сюда после войны. Иногда я катаю на лодке постояльцев гостиницы, жизнь здесь очень дешева, и я делаю то, что хочу.

— Вы живете здесь совсем один?

— Я не жажду общества, уверяю вас, — холодно ответил он.

— Прошу прощения, что навязала вам свое, — парировала я, — но я, кажется, об этом особенно не просила.

К моему удивлению, его глаза слегка сверкнули.

— Совершенно верно, не просили. Я взвалил вас себе на плечи, как мешок с углем, и принес в лодку. Совсем как первобытный человек каменного века.

— Но по другой причине, — вставила я.

На сей раз он залился жгучей краской смущения. Она проступила даже сквозь его загар.

— Но вы не сказали, как очутились поблизости в столь подходящий для меня момент? — поспешно произнесла я, чтобы скрыть его замешательство.

— Я не мог уснуть. Не находил себе места — беспокоился — у меня было ощущение, что должно что-то произойти. В конце концов, я взял лодку, высадился на берег и побрел вниз к водопаду. Я как раз подошел к краю пальмовой лощины, когда услышал ваш пронзительный крик.

— Почему вы не сходили за помощью в гостиницу, а вместо этого привезли меня сюда? — спросила я.

Он снова покраснел.

— Наверное, вам мой поступок представляется непростительной вольностью, но не думаю, что даже сейчас вы осознаете, что вам угрожает! Вы полагаете, я должен был известить ваших друзей? Прекрасных друзей, позволивших вам попасть в смертельную ловушку. Нет, я поклялся себе, что позабочусь о вас лучше, чем кто-либо другой. На этом островке ни души. Я договорился со старой Батани, которую когда-то вылечил от лихорадки, что она будет приходить ухаживать за вами. Она верный человек. Никогда не скажет ни слова. Я мог держать вас здесь месяцами, и никто ничего не узнал бы.

Я мог держать вас здесь месяцами, и никто ничего не узнал бы! Как бывают приятны некоторые слова!

— Вы поступили совершенно правильно, — спокойно сказала я. — И я никого не буду извещать. Один-два лишних дня беспокойства не имеют существенного значения. Эти люди мне не слишком близки. Мы, в сущности, только знакомые — даже со Сьюзен. И тот, кто написал ту записку, должен был знать очень много! Это не мог сделать посторонний.

На сей раз мне удалось упомянуть о записке, совсем не покраснев.

— Если бы вами руководил я... — нерешительно произнес он.

— Не думаю, что получится, — заявила я чистосердечно. — Но послушать не вредно.

— Вы всегда делаете то, что хотите, мисс Беддингфелд?

— Обычно да, — осторожно ответила я. Кому-нибудь другому я сказала бы: «Всегда».

— Мне жаль вашего мужа, — неожиданно сказал он.

— Не стоит жалеть его, — парировала я. — Я и не подумаю выйти замуж, если безумно не люблю. А женщине, разумеется, ничто не доставляет такого удовольствия, как делать все то, что ей не нравится, ради того, кто ей действительно нравится. И чем она своевольнее, тем большее удовольствие она получает.

— Боюсь, я не согласен с вами. Ответственность, как правило, лежит на другом. — Он говорил с мягкой усмешкой.

— Вот именно, — с жаром воскликнула я. — Именно в этом причина

такого большого количества несчастных браков. Во всем виноваты мужчины. Они или уступают своим женам — тогда жены презирают их, — или проявляют крайний эгоизм, настаивая только на своем, и никогда не говоря «спасибо». Счастливые мужья заставляют своих жен делать то, что им нужно, а потом страшно шумно начинают заботиться о них в благодарность за это. Женщины любят подчиняться, но не выносят, когда их жертвы не получают должной оценки. Мужчины, со своей стороны, не ценят по-настоящему женщин, которые всегда внимательны к ним. Когда я выйду замуж, то буду дьяволицей, но время от времени, когда мой муж будет меньше всего ждать, я буду показывать ему, каким совершенным ангелочком могу быть! Гарри от души расхохотался.

— Вы будете жить, как кошка с собакой!

— Влюбленные всегда воюют, — подтвердила я. — Потому что не понимают друг друга. А когда они уже начинают понимать, они уже больше не любят.

— Обратное тоже соответствует истине? Те, кто воюет друг с другом, всегда влюбленные?

— Я.., я не знаю, — сказала я, на мгновение сконфузившись.

Он отвернулся к очагу.

— Хотите еще супу? — спросил он как бы между прочим.

— Да, пожалуйста. Я так голодна, что съела бы и гиппопотама.

— Очень хорошо.

Он занялся огнем, я наблюдала.

— Когда я смогу вставать, я буду вам готовить, — пообещала я.

— Вы вряд ли что-нибудь смыслите в готовке.

— Я умею разогревать консервы не хуже вас, — возразила я, показав на выстроенные на камине в ряд банки.

— Сдаюсь, — сказал он и засмеялся.

Когда он смеялся, лицо его совершенно менялось, становилось мальчишеским, счастливым — совсем другой человек.

Я с удовольствием поела супу. За едой я напредила, что он, в конце концов, так и не дал мне совета.

— Ах, да, я хотел сказать вам следующее. На вашем месте я затаился бы здесь, пока окончательно не оправился бы. Ваши враги будут считать вас мертвой. Едва ли они удивятся, не найдя тела. Оно должно было бы вдребезги разбиться о камни и быть унесено стремительным потоком.

Я вздрогнула.

— Когда вы полностью выздоровеете, вы сможете спокойно поехать в Бейру и сесть на пароход, чтобы вернуться в Англию.

— Это было бы очень банально, — насмешливо возразила я.

— В вас говорит неразумная школьница.

— Я вовсе не глупая школьница, — вскричала я с негодованием. — Я взрослая женщина.

С непонятным выражением он смотрел, как я привстала на постели, покрасневшая и взволнованная.

— Спаси меня Бог, вы правы, — пробормотал он и внезапно вышел из хижины.

Я быстро поправлялась. Мои раны ограничивались ушибом головы и сильным вывихом руки. Последнее было более серьезно, и мой спаситель сначала подумал, что рука сломана. Однако внимательный осмотр убедил его, что он ошибался, и, несмотря на то, что рука очень болела, я довольно успешно восстанавливала способность пользоваться ею.

Это было странное время. Мы жили отрезанные от мира, вдвоем, как Адам и Ева, но сколь иным было наше положение! Старая Батани вертелась вокруг, но мы не принимали ее в расчет, как какую-нибудь собачонку. Я настояла, что буду готовить, по крайней мере, насколько мне позволяла одна рука. Гарри помногу отсутствовал, но потом мы проводили долгие часы вместе, лежа в тени пальм, беседуя и споря обо всем на свете, ссорясь и снова мирясь. Мы много спорили, но между нами крепились настоящие товарищеские отношения, о которых я никогда даже не мечтала. Дружба — и не только.

Приближалось время, когда я буду уже в силах ехать, и я сознавала это с тяжелым сердцем. Неужели он меня отпустит? Без единого слова? Без вздоха сожаления? На него находили приступы молчания, длинные периоды дурного настроения, мгновения, когда он вскакивал и убегал бродить один. Однажды вечером наступил кризис. Мы закончили наш скромный ужин и сидели в дверях хижины. Солнце садилось.

Мне были жизненно необходимы шпильки, но Гарри не мог достать их, и мои волосы, прямые и черные, свисали до колен. Я сидела, положив подбородок на руки, погруженная в размышления. И вскоре почувствовала, чем увидела, что Гарри смотрит на меня.

— Вы похожи на колдунью, Энн, — сказал он наконец, и в его голосе прозвучало нечто совершенно новое.

Он протянул руку и слегка коснулся моих волос. Я затрепетала. Вдруг он вскочил с проклятиями.

— Вы должны уехать завтра же, слышите? — кричал он. — Я.., я не могу больше. В конце концов, я мужчина. Вы должны уехать, Энн, должны. Вы не дурочка. Вы сами понимаете, что так не может продолжаться.

— Наверное, вы правы, — медленно сказала я. — Но.., это было счастливое время, не так ли?

— Счастливое? Это был ад!

— Так ужасно?

— За что вы меня изводите? Зачем вы дразните меня? Почему вы так говорите, — смеясь про себя?

— Я не смеюсь и не дразню вас. Если вы хотите, чтобы я уехала, я уеду. Но если хотите, чтобы я осталась — я останусь.

— Не надо! — закричал он исступленно. — Не надо. Не искушайте меня, Энн. Вы понимаете, кто я? Дважды преступник. Человек, за которым охотятся. Здесь я известен как Гарри Паркер. Они не знают, что я ездил в Англию, но в любой день могут сообразить, что к чему — и тогда нанесут удар. Вы так молоды, Энн, и так прекрасны, ваша красота сводит мужчин с ума. Перед вами весь мир — любовь, жизнь, все. Моя жизнь позади — сгоревшая, искалеченная, с привкусом пепла.

— Если я не нужна вам...

— Вы знаете, что нужны мне. Вы знаете, что я отдал бы душу за то, чтобы взять вас на руки, оставить здесь и спрятать от всего мира навсегда-навсегда. А вы меня искушаете, Энн. С вашими длинными, как у ведьмы, волосами, золотыми, карими, сам не пойму какими, глазами, никогда не перестающими смеяться, даже когда вы не улыбаетесь. Но я спасу вас и от вас и от себя. Вы уедете сегодня вечером. В Бейру...

— Я не поеду в Бейру, — прервала его я.

— Поедете. Вы поедете в Бейру, даже если мне придется силой отвезти вас туда и закинуть на пароход. Из чего, вы думаете, я сделан? Вы соображаете, что я буду просыпаться каждую ночь в страхе, что они схватили вас? Нельзя все время рассчитывать на чудеса. Вы должны вернуться в Англию, Энн, и.., и выйти замуж, и быть счастливой.

— За надежного человека, который создаст мне здоровую семейную жизнь!

— Лучше так, чем явное несчастье.

— А как же вы?

Его лицо стало жестоким и неподвижным.

— Я знаю, что делать. Не спрашивайте меня. Полагаю, вы можете догадаться. Но одно скажу — я верну свое честное имя или погибну при этом, и я задушу проклятого негодяя, сделавшего все, чтобы убить вас тогда ночью.

— Надо быть справедливыми, — сказала я. — На самом деле он не сталкивал меня.

— У него не было необходимости. Его план был хитрее. Я потом поднялся к той дорожке. Все выглядело нормально, однако по следам на земле я увидел, что камни, которыми была размечена дорожка, были сначала убраны, а потом положены обратно, но не совсем на прежнее место. Над самым обрывом растут высокие кусты. Тот человек укрепил на них камни с внешней стороны дорожки, так, что вы должны были считать, что находитесь еще на ней, когда в действительности шагнули в пустоту. Спаси его Бог, если он попадетсЯ мне в руки!

Он сделал небольшую паузу, а потом произнес совершенно другим тоном:

— Мы никогда не говорили об этой истории, Энн, правда? Но настало время. Я хочу, чтобы вы все узнали — с самого начала.

— Если вам больно возвращаться в прошлое, не надо мне ничего говорить, — тихо сказала я.

— Ноя хочу, чтобы вы знали. Никогда не думал, что буду с кем-нибудь говорить об этом отрезке моей жизни. Забавные штуки выкидывает судьба, не правда ли?

Минуту-другую он помолчал. Солнце село, и бархатистая темнота африканской ночи окутала нас, как мантия.

— Кое-что мне известно, — мягко сказала я.

— Что именно?

— Что ваше настоящее имя — Гарри Лукас.

Он все еще колебался, не глядя на меня, уставившись прямо перед собой. Я не могла разгадать ход его мыслей, но наконец он резко тряхнул головой, как бы молча соглашаясь с каким-то невысказанным решением, и начал свой рассказ.

Глава XXVI

— Вы правы. Мое настоящее имя — Гарри Лукас. Мой отец, отставной солдат, приехал обрабатывать землю в Родезию. Он умер, когда я учился на втором курсе в Кембридже.

— Вы любили его? — вдруг спросила я.

— Я... я не знаю.

Потом он покраснел и продолжал с неожиданной горячностью:

— Почему я так говорю? Я, конечно, любил моего отца. Мы наговорили друг другу много горького, когда виделись в последний раз, и мы часто ссорились, из-за моей необузданности и моих долгов, но я любил старика. Насколько сильно, я понимаю только сейчас, когда слишком поздно. — И продолжал более спокойно. — Именно в Кембридже я познакомился с другим парнем...

— Молодым Ирдсли?

— Да, с молодым Ирдсли. Его отец, как вы знаете, был одним из самых видных деятелей в Южной Африке. Мы сразу сошлись, мой друг и я. Нас объединяла любовь к Южной Африке и тяга к неисхоженным уголкам земли. После того как Ирдсли бросил учебу, он окончательно рассорился с отцом. Старик дважды выплачивал его долги, в третий раз он отказался. Между ними произошла очень неприятная сцена. Сэр Лоуренс объявил, что его терпению пришел конец, — больше он ничего не станет делать для сына. Некоторое время он должен заботиться о себе сам. В результате, как вам известно, эти два молодых человека уехали вместе в Южную Америку искать алмазы. Сейчас я не буду вдаваться в подробности, скажу только, что мы там чудесно провели время. Много трудностей, вы понимаете, но жизнь была прекрасна — изнурительная борьба за существование вдали от проторенных путей, — но, Бог мой, именно там можно узнать друга. Между нами возникли узы, которые могла бы разорвать только смерть. Итак, как вам сказал полковник Рейс, наши усилия увенчались успехом. Мы открыли второй Кимберли в джунглях Британской Гвианы. Не могу передать вам, как бурно мы радовались. И дело было не столько в реальной ценности находки — в денежном выражении — понимаете, Ирдсли привык к деньгам и знал, что после смерти отца станет миллионером, а Лукас всегда был беден и привык к этому. Нет, то был чистый восторг от сделанного открытия.

Он сделал паузу, а потом добавил, почти извиняясь:

— Вы не возражаете, что я рассказываю таким образом? Как будто сам не принимал никакого участия? Мне сейчас самому так кажется, когда я оглядываюсь назад и вижу тех двух мальчиков. Я почти забываю, что один из них — Гарри Рейберн.

— Рассказывайте, как вам нравится, — сказала я, и он продолжал:

— Мы приехали в Кимберли — очень гордые своей находкой. Мы привезли с собой великолепный набор алмазов, чтобы представить их экспертам. А потом — в гостинице в Кимберли — мы встретили ее...

Я ощутила некоторую напряженность, и моя рука, покоившаяся на дверном косяке, сжалась.

— Анита Грюнберг — так ее звали. Она была актриса. Совсем юная и очень красивая. Родилась в Южной Африке, но ее мать была, кажется, венгерка. В Аните было что-то таинственное, и это, разумеется, усиливало ее привлекательность для двух парней, вернувшихся домой из дебрей. Ей, наверное, было совсем нетрудно пленить нас. Мы оба сразу влюбились в нее и тяжело переживали. Впервые между нами пробежала тень, но даже она не ослабила нашу дружбу. Каждый из нас, я искренне верю, хотел устраниться ради успеха другого. Но ее замысел состоял в ином. Потом я время от времени недоумевал, почему так, ибо единственный сын сэра Лоуренса Ирдсли был выгодной партией. Но правда заключалась в том, что она была замужем — за сортировщиком из компании «Де Бирс», — хотя никто об этом не знал. Она притворилась, что испытывает необычайный интерес к нашему открытию, и мы рассказали все и даже показали наши алмазы. Далила — так ее стоило бы назвать — отлично исполнила свою роль!

Обнаружилась пропажа алмазов «Де Бирс», и, как удар грома, к нам внезапно нагрянула полиция. Они захватили наши алмазы. Сначала мы только смеялись — так нелепо все выглядело. А затем алмазы были предъявлены в суде — и, без сомнения, это были камни, украденные у «Де Бирс». Анита Грюнберг исчезла. Она достаточно аккуратно осуществила подмену, и наш рассказ о том, что представленные алмазы вовсе не наши, был встречен издевательским смехом.

Сэр Лоуренс Ирдсли пользовался огромным влиянием. Ему удалось замять дело, но два молодых человека были погублены и опозорены, они должны были жить с клеймом воров, и это окончательно разбило сердце старика. У него было горькое свидание с сыном, во время которого он осыпал его всеми мыслимыми упреками. Сэр Лоуренс сделал все, что мог, чтобы спасти честь семьи, но теперь совершенно отрекся от сына. А тот, как гордый молодой глупец, каким он и был, хранил молчание, считая ниже

своего достоинства протестовать и доказывать свою невиновность не верившему ему отцу. Он вышел после встречи взбешенный — друг ждал его. Неделью спустя объявили войну. Оба они пошли добровольцами. Вы знаете, что случилось дальше. Лучший товарищ, какого можно себе представить, был убит, отчасти из-за собственного безрассудного пренебрежения опасностью, побуждавшего его идти на ненужный риск. Он умер с запятнанным именем...

Клянусь вам, Энн, в основном из-за него я испытывал такое ожесточение против той женщины, с ним все было гораздо серьезнее, чем со мной. Некоторое время я был безумно влюблен в нее — я даже думаю, что иногда пугал ее, — однако его чувство было явно спокойнее и глубже. Для него она была центром вселенной — и ее предательство подорвало самые основы его жизни. Удар оглушил его и парализовал.

Гарри помолчал немного, а через минуту-другую продолжал:

— Как вам известно, обо мне сообщили, что я «пропал без вести, предположительно убит». Я совсем не беспокоился о том, чтобы исправить ошибку. Я взял себе фамилию Паркер и приехал на этот островок, о котором давно знал. В начале войны у меня были честолюбивые надежды доказать свою невиновность, но теперь весь мой энтузиазм прошел. Я все время думал: «Что толку?» Мой товарищ мертв, ни у него, ни у меня не осталось живых родственников, которым мое положение было бы небезразличным. Предполагали, что я — тоже погиб, пусть так и останется. Я вел здесь спокойное существование, не особо счастливое, не несчастное — я как бы оцепенел. Сейчас я понимаю, хотя тогда и не сознавал, что частично это было следствием войны.

А затем некий случай заставил меня очнуться. Я собирался прокатить одну компанию вверх по реке и стоял на пристани, помогая им сесть в лодку, когда один из мужчин что-то изумленно воскликнул. Это привлекло мое внимание к нему. Он был низенький, худой человек с бородой, и он гладел на меня изо всех сил, как будто я был призраком. Его душевное волнение было столь сильным, что пробудило мое любопытство. Я навел о нем справки в гостинице и узнал, что его фамилия Картон, он приехал из Кимберли и работает сортировщиком алмазов в компании «Де Бирс». Моментально во мне снова возникло чувство несправедливости. Я покинул островок и отправился в Кимберли.

Тем не менее мне не удалось выяснить о нем много нового. В конце концов, я решил, что надо заставить говорить его самого. Я взял с собой револьвер. У меня осталось мимолетное впечатление, что он трус. Как только мы очутились лицом к лицу, я понял, что он боится меня. Вскоре я

заставил его рассказать мне все, что ему известно. Похищение алмазов было отчасти делом его рук, а Анита Грюнберг была его женой. Однажды он мельком видел нас обоих, когда мы обедали с ней в гостинице, и, зная из газет, что я погиб, он страшно испугался, встретив меня живым у водопада. Он и Анита поженились совсем молодыми, но она вскоре ушла от него. Она связалась с дурными людьми, так он рассказал мне — и именно тогда я впервые услышал о «полковнике». Сам Картон никогда не был замешан ни в чем, кроме того единственного дела. Он торжественно заверил меня, и я был склонен поверить ему. Он был явно не из того теста, из которого делаются удачливые преступники.

И все же у меня было ощущение, что он что-то скрывает. Для проверки я пригрозил пристрелить его на месте, заявив, что меня очень мало волнует, что теперь со мной станет. Охваченный безумным страхом, он поведал мне следующее. Анита Грюнберг, по-видимому, не вполне доверяла «полковнику». Сделав вид, что передала ему все камни, украденные из гостиницы, она несколько штук оставила у себя. Картон, зная тонкости своего дела, посоветовал ей, какие сохранить. Их цвет и особенности таковы, что, если когда-нибудь они будут предъявлены, эксперты из «Де Бирс» сейчас же признают, что эти камни никогда не проходили через их руки. Таким образом, мой рассказ о подмене подтвердится, мое имя очистится, а подозрение падет на истинного виновника. Я сообразил, что в отличие от обычной практики, на сей раз сам «полковник» был замешан в этом деле, поэтому Анита испытывала чувство удовлетворения, что может обрести над ним реальную власть, если ей понадобится. Теперь Картон предложил, чтобы я заключил сделку с Анитой Грюнберг, или Надиной, как она теперь называла себя. Он полагал, что за солидную сумму она захочет отдать алмазы и предать своего бывшего шефа. Он готов немедленно телеграфировать ей.

Но я все еще подозревал Картон. Он был из тех, кого весьма легко испугать, но кто в страхе наговорит столько вранья, что потом будет непросто отделить правду от лжи. Вернувшись в гостиницу, я стал ждать. По моим расчетам, к следующему вечеру он должен был получить ответ на свою телеграмму. Я зашел к нему домой, и мне сказали, что мистер Картон уехал, но утром вернется. Мои подозрения усилились. Как раз вовремя я обнаружил, что на самом деле он собирается отплыть в Англию на «Килморден касле», который выходит из Кейптауна через два дня. У меня едва хватило времени, чтобы доехать туда и успеть на тот же пароход.

В мои намерения не входило потревожить Картон, обнаружив свое присутствие на борту. За время учебы в Кембридже я много играл в

любительских спектаклях, и мне было сравнительно нетрудно превратиться в серьезного бородатого джентльмена средних лет. На судне я старательно избегал Картона, оставаясь по возможности в каюте под предлогом нездоровья.

Когда мы прибыли в Лондон, я выследил его без труда. Он поехал сразу в гостиницу и до следующего дня никуда не выходил. Незадолго до часа дня он ушел из гостиницы. Я последовал, за ним. Он отправился прямо к агенту по сдаче домов внаем в Найтсбридже. Там он расспрашивал об особенностях домов, сдававшихся у реки.

Я сидел за соседним столом, также наводя справки о домах. Затем вдруг вошла Анита Грюнберг, или Надина, называйте ее как хотите. Величественная, дерзкая и почти такая же красивая, как прежде. Боже! Как я ненавидел ее. Вот она, женщина, разбившая жизнь мне и человеку, который был лучше меня. В ту минуту я мог бы схватить ее за горло и выдавить из нее жизнь по капле! На мгновение я просто обезумел. Я едва понимал, что говорил мне агент. Рядом я слышал ее голос, высокий и отчетливый с подчеркнутым иностранным акцентом: «Милл-Хаус, Марлоу. Собственность сэра Юстаса Педлера. Кажется, мне это подойдет. Во всяком случае, я поеду посмотреть».

Агент выписал ей ордер, и она вышла из конторы с царственным дерзким видом. Ни словом, ни жестом она не показала, что узнала Картона, и все же я был уверен, что о встрече они договорились заранее. Тогда я начал делать поспешные выводы. Не зная, что сэр Юстас находится в Канне, я подумал, что эта возня со снятием дома была лишь предлогом для того, чтобы повидаться с ним в Милл-Хаусе. Мне было известно, что он был в Южной Африке в то время, когда украли алмазы, и, не зная его, я сразу ухватился за мысль, что он и есть таинственный «полковник», о котором я так много слышал.

Я последовал за Надиной по Найтсбриджу. Она поехала в отель «Гайд-парк». Ускорив шаги, я вошел за ней. Она прошла прямо в ресторан, и я решил, что лучше сейчас не рисковать, чтобы она меня не узнала, а продолжать следить за Картоном. Я очень надеялся, что он получит алмазы, и что внезапно появившись перед ним, когда он меньше всего ожидает, я испугаю его и заставлю сказать правду. Следом за ним я спустился на станцию подземки «Гайд-парк корнер». Он был в конце платформы. Неподалеку стояла какая-то девушка, но больше никого не было. Я решил заговорить с ним прямо там. Вы знаете, что дальше произошло. Неожиданно увидев человека, который, по его представлению, находился далеко в Южной Африке, Картон был потрясен. Он совсем потерял голову

и, попятившись, упал на рельсы. Он всегда был трусом. Под видом доктора мне удалось обыскать его карманы. Там был бумажник с какими-то записями, одно или два несущественных письма, катушка с пленкой, которую я, должно быть, обронил потом где-то, и еще клочок бумаги, на котором были указаны время и место условленной встречи: 22-го на «Килморден касле». Торопясь уйти, пока меня никто не задержал, я уронил и записку, но, к счастью, запомнил цифры.

Поспешив в ближайший туалет, я быстро снял мой грим и костюм. Я не хотел, чтобы меня арестовали за то, что я залез в карман к мертвецу. Потом я отправился к отелю «Гайд-парк». Надина все еще сидела за ланчем. Нет нужды подробно описывать, как я проследил ее до Марлоу. Она пришла в дом, а я заговорил с женщиной из сторожки, сделав вид, что я вместе с Надиной. Затем я последовал за ней.

Он остановился. Наступило напряженное молчание.

— Вы поверите мне, Энн, не правда ли? Клянусь перед Богом, что то, что я собираюсь сказать, — правда. Я вошел за ней в дом, в душе почти готовый на убийство, — а она была мертва! Я обнаружил ее в комнате второго этажа. Боже! Это было ужасно. Мертва, а я пришел не более чем через три минуты после нее. И в доме не было никаких признаков кого-нибудь еще! Конечно же, я сразу осознал весь ужас своего положения. Одним мастерским ударом шантажируемый избавился от шантажистки и одновременно нашел козла отпущения, которому преступление будет приписано. Здесь совершенно отчетливо была видна рука «полковника». Второй раз я должен был стать его жертвой. Какого же дурака я сваял, что так легко попался в ловушку!

Я плохо соображал, что делал дальше. Мне удалось уйти оттуда с вполне нормальным видом, но я знал, что вскоре преступление откроется, и описание моей внешности будет разослано по всей стране.

Несколько дней я выжидал, не осмеливаясь ничего предпринимать. В конце концов, мне помог случай. Я нечаянно услышал на улице разговор двух пожилых джентльменов, один из которых оказался сэром Юстасом Педлером. Я сразу же задумал присоединиться к нему в качестве секретаря. Обрывок услышанного мною разговора подсказал мне, как это сделать. Теперь я уже больше не был так уверен, что сэр Юстас Педлер — «полковник» Его дом мог быть выбран местом свидания совершенно случайно или из каких-то туманных соображений, которые я был не в состоянии постичь.

— А знаете ли вы, — прервала его я, — что Ги Пейджет в день убийства находился в Марлоу?

— Тогда все понятно. Я думал, что он был в Канне с сэром Юстасом.

— Предполагалось, что он ездил во Флоренцию, но там он, безусловно, никогда не был. Я совершенно уверена, что на самом деле он был в Марлоу, однако, разумеется, не могу доказать это.

— И подумать только, что я никогда ни на минуту не подозревал Пейджета до той ночи, когда он пытался выбросить вас за борт. Он великолепный актер.

— Не правда ли?

— Тогда понятно, зачем выбрали Милл-Хаус. Пейджет, вероятно, мог войти и выйти незамеченным. Конечно, он не возражал против того, что я еду на пароходе с сэром Юстасом. Пейджет не хотел, чтобы меня арестовали сразу. Понимаете, очевидно, Надина не принесла драгоценности с собой на свидание, как они рассчитывали. Я предполагаю, что в действительности они были у Картона, и он спрятал их где-то на «Килморден касле» — вот где он пригодился. Они надеялись, что я, вероятно, имею какое-то представление о том, где спрятаны алмазы. А пока «полковник» снова не обрел их, он все еще в опасности — отсюда его страстное желание заполучить их любой ценой. Где, черт возьми, Картон спрятал их — если спрятал — я не знаю.

— Это уже другая история, — заметила я, — моя история. И я собираюсь вам ее сейчас рассказать.

Глава XXVII

Гарри внимательно слушал, пока я подробно излагала все события, о которых поведала на этих страницах. Больше всего его сбilo с толку и удивило, что алмазы все время были у меня — или, вернее, у Сьюзен. Такого он никогда не предполагал. Разумеется, прослушав его рассказ, я поняла смысл маленькой договоренности со стюардом Картон или, скорее, Надины, так как я не сомневалась, что именно ей в голову пришел подобный план. Никакая неожиданная тактика, примененная против нее или ее мужа, не могла привести к захвату алмазов. Тайна была заключена в ее собственном мозгу, «полковник» едва ли мог догадаться, что они были доверены стюарду океанского парохода!

Снять с Гарри прежнее обвинение в воровстве не представляло труда. Но другое, более серьезное, обвинение связывало нас по рукам и ногам. Ибо дела пока обстояли таким образом, что он не мог объявиться, чтобы доказать свою невиновность.

Темой, к которой мы возвращались вновь и вновь, была личность «полковника». Был ли им или нет Ги Пейджет?

— Я сказал бы «да», если бы не одна вещь, — начал Гарри. — Весьма вероятно, что именно Пейджет убил Аниту Грюнберг в Марлоу, и это, безусловно, делает более весомым предположение, что он и есть «полковник», так как история с Анитой не такая, чтобы доверить ее подчиненным. Единственное, что говорит против данной версии — это попытка устранить вас ночью у водопада. Вы видели, Пейджет остался в Кейптауне, и он не мог бы ни на чем добраться сюда раньше, чем в среду следующей недели. Вряд ли у него есть какие-нибудь агенты в этой части света, и все его планы были построены с таким расчетом, чтобы иметь с вами дело в Кейптауне. Он, конечно, мог бы передать инструкции по телеграфу какому-нибудь своему подручному в Йоханнесбурге, который успел бы сесть на родезийский поезд в Мафекинге. Но инструкции должны были быть столь определенны, что их вряд ли можно было доверить бумаге.

Мы немного помолчали, а потом Гарри неторопливо продолжил:

— Вы говорите, что миссис Блейр спала, когда вы уходили из гостиницы, и что вы слышали, как сэр Юстас диктовал мисс Петтигрю? А где был полковник Рейс?

— Я нигде не могла его найти.

— Были у него какие-нибудь основания считать, что.., вы и я расположены друг к другу?

— Пожалуй, — задумчиво ответила я, вспомнив разговор на обратном пути из Матопоса. — Он очень сильная личность, — добавила я, — но совсем не соответствует моему представлению о «полковнике». И, кроме того, подобная мысль была бы нелепа. Ведь он сотрудник Секретной службы.

— Откуда нам это известно? Нет ничего проще, чем бросить такой намек. Никто не противоречит, и слух распространяется, пока все не начинают верить ему, как истинной правде. Энн, вам нравится Рейс?

— Да — и нет. Он отталкивает меня и в то же время зачаровывает, но знаю одно: я всегда немного боюсь его.

— Он был в Южной Африке, когда произошла кража алмазов в Кимберли, — тихо сказал Гарри.

— Но именно он рассказал Сьюзен все о «полковнике» и о том, как он в Париже пытался напасть на его след.

— Камуфляж — причем очень ловкий.

— Но какое отношение ко всему имеет Пейджет? Его что — нанял Рейс?

— Может быть, — не спеша сказал Гарри. — Пейджет совсем ни при чем.

— Что?!

— Вспомните, Энн, вы когда-нибудь слышали мнение самого Пейджета о той ночи на «Килмордене»?

— Да, со слов сэра Юстаса.

Я повторила их. Гарри внимательно слушал.

— Значит, он увидел человека, идущего от каюты сэра Юстаса, и проследовал за ним на палубу. Так он говорил? А чья каюта находилась напротив каюты сэра Юстаса? Полковника Рейса. Предположим, он прокрался на палубу, совершил неудачное нападение на вас, обежал вокруг палубы и столкнулся с Пейджетом, как раз выходящим через дверь салона. Рейс сбивает его с ног и заскакивает внутрь, закрывая за собой дверь. Мы бежим за ним, а находим Пейджета, лежащего на пороге. Как вам это?

— Вы забываете, что он с уверенностью заявил, что именно вы сбили его с ног.

— Ну, предположим, что, едва придя в себя, он видит, как я исчезаю вдали? Разве Пейджет не посчитал бы тогда само собой разумеющимся, что на него напал я? Особенно, если он все время думал, что следил именно за мной?

— Может быть, вы правы, — медленно сказала я. — Но это меняет все наши представления. И есть еще другие обстоятельства.

— Большая часть из них легко объяснима. Человек, отслеживавший вас в Кейптауне, разговаривал с Пейджетом, и тот посмотрел на свои часы. Человек мог просто спросить его, который час.

— Вы хотите сказать, что это всего лишь совпадение?

— Не совсем. Тут есть определенный порядок, связывающий Пейджета с нашим делом. Почему для убийства был выбран Милл-Хаус? Не потому ли, что Пейджет был в Кимберли, когда украли алмазы? Должны ли были его сделать козлом отпущения, если бы так удачно не подвернулся я?

— Значит, вы думаете, что он может быть совершенно невиновен?

— Похоже на то, однако в таком случае нам придется выяснить, что он делал в Марлоу. Если у него есть объяснение, мы на верном пути.

Он встал.

— Уже за полночь. Ложитесь, Энн, и немного поспите. Перед самым рассветом я перевезу вас на берег в лодке. Вы должны поспеть к поезду в Ливингстоне. У меня там есть друг, который спрячет вас до отправления. Вы поедете в Булавайо и там пересядете на поезд до Бейры. Я могу через своего друга в Ливингстоне узнать, что происходит в гостинице и где сейчас ваши друзья.

— Бейра, — произнесла я задумчиво.

— Да, Энн, ваш путь — в Бейру. Это мужское дело. Оставьте его мне.

Пока мы обсуждали ситуацию, наше волнение ненадолго улеглось, теперь же чувства снова нахлынули на нас. Мы даже не смотрели друг на друга.

— Очень хорошо, — сказала я и вошла в хижину.

Я лежала на покрытом шкурами ложе, но не спала, и слышала, как снаружи в темноте Гарри Рейберн без устали ходит взад и вперед, взад и вперед. Наконец он позвал меня:

— Вставайте, Энн, пора ехать.

Я встала и послушно вышла. Было еще совсем темно, но я знала, что скоро рассвет.

— Мы возьмем каноэ, а не моторку, — начал Гарри, но вдруг остановился и предостерегающе поднял руку.

— Тише. Что это?

Я прислушалась, но ничего не услышала. У него был более острый слух, слух человека, долгое время жившего на лоне природы. Теперь я тоже услышала — слабый плеск весел по воде, быстро приближавшийся к

нашей маленькой пристани со стороны правого берега реки.

Мы изо всех сил вглядывались в темноту и смогли различить черное пятно на поверхности воды. Это была лодка. Затем на мгновение вспыхнул огонек. Кто-то зажег спичку. При ее свете я узнала рыжебородого голландца с виллы в Мейсенберге. Остальные были туземцы.

— Назад в хижину — быстро.

Гарри увлек меня за собой. Он снял со стены два ружья и револьвер.

— Вы умеете заряжать ружье?

— Никогда не пробовала. Покажите мне.

Я, кажется, неплохо усвоила его наставления. Мы закрыли дверь, и Гарри встал у окна, выходявшего на пристань. Лодка двигалась как раз рядом с ней.

— Кто там? — громко крикнул Гарри.

Если у нас и были какие-то сомнения по поводу намерений наших незваных гостей они тотчас рассеялись. Вокруг нас градом посыпались пули. К счастью, никто не был ранен. Гарри поднял ружье и открыл убийственный огонь. Еще и еще. Я услышала два стоны и всплеск.

— Это даст им кое-какую пищу для размышлений, — мрачно проворчал он, протягивая руку за вторым ружьем. — Держитесь сзади, Энн, ради Бога. И быстро заряжайте.

Опять свист пуль. Одна из них слегка оцарапала щеку Гарри. Его ответный огонь был более точным. Я как раз перезарядила ружье, когда он повернулся за ним. Он крепко привлек меня к себе левой рукой и яростно поцеловал перед тем, как снова повернулся к окну. Вдруг он вскрикнул.

— Они уезжают — с них довольно. На воде они представляют хорошую мишень, и им не видно, сколько нас тут. Сейчас они разбиты, но скоро вернутся. Нам надо подготовиться.

Он опустил ружье и повернулся ко мне.

— Энн! Ты прелесть! Ты чудо! Ты маленькая королева! Храбрая, как лев. Черноволосая ведьма!

Он схватил меня в объятия. Целовал мои волосы, глаза, губы.

— А теперь за дело, — сказал он, неожиданно отпустив меня. — Вынеси эти банки с керосином.

Я выполнила приказание. Он хлопотал внутри хижины. Немного спустя я увидела, что Гарри ползает по крыше и что-то там делает. Через минуту-другую он присоединился ко мне.

— Спускайся к лодке. Нам придется перетащить ее по суше на другую сторону острова.

Когда я уходила, он поднял банку с керосином.

— Они возвращаются, — тихо сказала я, увидев пятно, двигавшееся к нам от берега.

Он подбежал ко мне.

— Как раз вовремя. Но где же лодка, черт возьми? Мы были во власти судьбы.

Гарри тихонько присвистнул.

— Любовь моя, мы попали в переделку. Тебе страшно?

— Только не с тобой.

— А, но умереть вместе — не слишком большая радость. Мы сделаем кое-что получше. Смотри — на сей раз они на двух лодках. Собираются высадиться в двух разных местах. А теперь — мой маленький сценический эффект.

Почти в тот же момент из хижины вырвались длинные языки пламени. Оно осветило две фигуры, прижавшиеся к крыше.

— Моя старая одежда, набитая шкурами, они не сразу догадаются. Пошли, Энн, нам предстоит отчаянное предприятие.

Взявшись за руки, мы бегом пересекли островок. Здесь его отделяла от берега только узкая полоска воды.

— Нам надо переплыть на тот берег, Энн, ты умеешь плавать? Это, правда, не имеет значения. Я смогу переправить тебя. На лодке здесь не получится — слишком много камней, но вплавь вполне можно, и Ливингстон в той стороне.

— Я умею немного плавать, даже лучше, чем тут требуется. А в чем опасность, Гарри? — Я увидела, как его лицо помрачнело. — Акулы?

— Нет, глупышка. Акулы живут в море. Но ты проницательна, Энн. Кроки — вот что меня волнует.

— Крокодилы?

— Да, не думай о них или помолись, не знаю, что для тебя предпочтительнее.

Мы бросились в воду. Мои молитвы, наверное, были услышаны, так как мы достигли суши без приключений.

— А теперь — в Ливингстон. Дорога тяжелая, а одежда насквозь мокрая. Но нужно идти.

Наш путь показался мне кошмаром. Промокшие юбки хлопали по ногам, чулки скоро изорвались о колючки. Наконец я остановилась не в силах идти дальше. Гарри вернулся ко мне.

— Держись, любовь моя. Я тебя понесу немного.

Вот так я вступила в Ливингстон, перекинутая через его плечо, как мешок с углем. Как он прошел весь путь, не знаю. Первый слабый

проблеск рассвета едва начал пробиваться. Друг Гарри оказался молодым человеком двадцати лет, державшим лавку туземных редкостей. Его звали Нед, может быть, у него было и другое имя, но я никогда его не слышала. Он, похоже, нисколько не удивился, увидев вошедшего Гарри, совершенно мокрого, державшего за руку столь же мокрую особу женского пола. Мужчины — совершенно замечательный народ.

Нед накормил нас, напоил горячим кофе и высушил нашу одежду, пока мы сидели, завернувшись в яркие манчестерские одеяла. Мы спрятались в крошечной задней комнатке лавки, где нас никто не мог увидеть, а Нед пошел навести справки о том, что случилось с компанией сэра Юстаса и жил ли кто-нибудь из них еще в гостинице.

Именно тогда я заявила Гарри, что ничто не заставит меня уехать в Бейру. В любом случае я туда никогда не собиралась, но теперь в этом уже не было никакого смысла. Суть нашего плана заключалась в том, что мои враги считали меня мертвой. Сейчас, когда они убедились в обратном, моя поездка в Бейру бесполезна. Они легко могут выследить и преспокойно убить меня там. И никто не сможет защитить меня. В конце концов, мы договорились, что я присоединюсь к Сьюзен, где бы она ни была, и посвящу все силы заботе о себе. Ни в коем случае я не должна была искать приключений или пытаться поставить мат «полковнику».

Я должна была спокойно жить с Сьюзен и ждать указаний от Гарри. Алмазы следовало положить в банк в Кимберли на фамилию Паркер.

— Еще одно, — задумчиво сказала я, — нам надо придумать какой-нибудь, код, чтобы нас опять не провели с помощью посланий, отправленных якобы одним другому.

— Это довольно просто. В любом сообщении, присланном мною, будет зачеркнутое «и».

— Без торговой марки изделие не является подлинным, — прошептала я. — А как насчет телеграмм?

— Любые телеграммы от меня будут подписаны «Энди».

— Поезд скоро прибудет, Гарри. — Нед просунул к нам голову и тут же исчез.

Я встала.

— А идти ли мне замуж за аккуратного надежного мужчину, если я найду такого? — спросила я с притворной застенчивостью.

Гарри подошел ко мне вплотную.

— Бог мой! Энн, если ты когда-нибудь выйдешь замуж за кого-нибудь, кроме меня, я сверну ему шею. А тебя...

— Да... — сказала я, приятно взволнованная.

— Я утащу тебя и исколочу до полусмерти!

— Что за очаровательного мужа я себе выбрала! — произнесла я насмешливо. — И как быстро он меняет свое мнение!

Глава XXVIII

(Отрывок из дневника сэра Юстаса Педлера)

Я уже как-то заметил, что, в сущности, я тихий человек. Я тоскую по спокойной жизни и как раз ее и не могу обрести. Вечно попадаю в эпицентр бурь и тревог. Я испытал огромное облегчение, уехав от Пейджета с его непрерывным выискиванием тайных происков, и мисс Петтигрю, безусловно, полезное создание, в ней нет ничего от гурии

Раз или два она оказала мне неоценимую услугу. В Булавайо у меня действительно случился небольшой приступ печени, вследствие чего я вел себя, как невоспитанный человек, но накануне я провел ужасную ночь в поезде. В три часа ночи изысканно одетый молодой человек, похожий на героя оперетты из жизни Дикого Запада, вошел в мое купе и спросил, куда я еду. Не обратив внимания на то, что я вначале проворчал: «Чаю — и ради Бога, не кладите сахар», — он повторил свой вопрос, подчеркнув, что он не официант, а офицер иммиграционной службы. В конце концов, мне удалось убедить его, что я не страдаю от инфекционной болезни, что еду в Родезию из чистейших побуждений, а затем осчастливил его, сообщив мое полное имя, данное мне при крещении, и место рождения. Потом я попытался немного вздремнуть, но какой-то назойливый осел поднял меня в полшестого утра ради чашки жидкого сахара, который он назвал чаем. Кажется, я все-таки не запустил в него чашкой, хотя именно этого мне хотелось больше всего. В 6.00 этот тип принес мне чай без сахара, холодный, как лед, и тогда я наконец уснул, совершенно обессиленный, чтобы проснуться при подъезде к Булавайо, где мне всучили противного деревянного жирафа, состоявшего из одних ног и шеи.

Помимо этих маленьких непредвиденных осложнений, все прошло гладко. А затем случилось новое бедствие.

В ночь после приезда на водопад я диктовал мисс Петтигрю в моей гостиной, когда внезапно без единого слова извинения ко мне ворвалась миссис Блейр, облаченная в самый рискованный наряд.

— Где Энн? — закричала она.

Хорошенький вопрос! Как будто я отвечаю за девицу. Что может подумать мисс Петтигрю? Что я имею обыкновение доставать Энн Беддингфелд из кармана в полночь или около того? Весьма

компрометирующе для человека в моем положении.

— Полагаю, — холодно сказал я, — что она в своей постели.

Я откашлялся и взглянул на мисс Петтигрю, чтобы показать, что готов продолжать диктовку. Я надеялся, что миссис Блейр поймет намек. Ничего подобного. Она плюхнулась в кресло и стала нервно качать ногой, обутой в комнатную туфлю.

— В комнате ее нет. Я там была. Мне приснился сон — ужасный сон, — что ей грозит какая-то страшная опасность, и я встала и пошла к ней, знаете, просто чтобы успокоиться. Там ее не было, и постель была даже не смята.

Она умоляюще посмотрела на меня.

— Что мне делать, сэр Юстас?

Подавив желание ответить: «Ложитесь спать и ни о чем не беспокойтесь. Здоровая молодая женщина вроде Энн Беддингфелд прекрасно способна позаботиться о себе», — я рассудительно нахмурился.

— А что говорит Рейс?

Почему Рейс всегда должен оставаться в стороне? Пусть и на его долю достанутся неприятности, а не одни только радости женского общества.

— Я не могу нигде найти его.

Очевидно, Энн кутит всю ночь напролет. Я вздохнул и сел в кресло.

— Я не вполне понимаю причину вашего беспокойства, — терпеливо сказал я.

— Мне приснилось...

— Это все кэрри, что мы ели за обедом!

О, сэр Юстас!

Женщина была полна негодования. — А ведь всем известно, что ночные кошмары — результат неумеренной еды.

— В конце концов — продолжал я убеждать, — почему бы Энн Беддингфелд и Рейсу не пойти немного погулять без того, чтобы разбудить всю гостиницу?

— Вы думаете, они просто пошли вместе гулять? Но ведь уже за полночь?

— В молодости совершаешь такие поступки, — проворчал я, — хотя Рейс, конечно, достаточно стар, чтобы уже быть осмотрительным.

— Вы действительно так считаете?

— Полагаю, они убежали, чтобы пожениться, — продолжал я успокаивающе, прекрасно, однако, понимая, что делаю идиотское предположение. Ибо куда же можно убежать в подобном месте?

Не знаю, сколько времени мне еще пришлось бы высказывать

неубедительные доводы, однако в этот момент неожиданно появился сам Рейс. По крайней мере, я был частично прав — он ходил на прогулку, но Энн не брал с собой. Однако я совершенно неверно расценивал ситуацию. Вскоре мне дали в этом убедиться. Рейс моментально перевернул всю гостиницу вверх дном. Я никогда не видел, чтобы человек так расстраивался. Дело очень необычное. Куда девица отправилась? Она вышла одетая из гостиницы примерно в десять минут двенадцатого, и больше ее никто не видел. Мысль о самоубийстве представляется невозможной. Энн была одной из тех энергичных молодых женщин, которые любят жизнь и не имеют ни малейшего намерения расставаться с ней. До середины следующего дня не было никакого поезда, так что она не могла уехать отсюда. Тогда, где же она, черт возьми?

Рейс, бедняга, почти вне себя. Он испробовал все возможные средства. Окружные комиссары, или как там они себя называют, на сотни миль кругом были поставлены на ноги. Туземные сыщики носились туда-сюда на полусогнутых. Все, что можно было сделать, делалось, но никаких признаков Энн Беддингфелд. Принята версия, что она лунатик и ходит во сне. На дорожке возле моста есть следы, показывающие, что девица целеустремленно подошла к обрыву и упала вниз. Если так, то она, конечно, должна была разбиться о камни. К сожалению, большая часть следов уничтожена группой туристов, которым вздумалось пройти этой дорогой рано утром в понедельник.

Не думаю, что подобная версия достаточно убедительна. В мои молодые годы мне всегда говорили, что лунатики не могут причинить себе никакого вреда, их оберегает собственное шестое чувство. Полагаю, что миссис Блейр такая версия тоже не понравилась.

Я не могу понять эту женщину. Ее отношение к Рейсу совершенно переменялось. Теперь она наблюдает за ним, как кошка за мышкой, и делает видимые усилия над собой, чтобы быть с ним вежливой. А ведь они были такими друзьями! В общем, она сама не своя: нервная, истеричная, вздрагивает и подскакивает при малейшем звуке. Я начинаю подумывать, что пора ехать в Йобург.

Вчера пронесся слух о таинственном острове где-то вверх по реке, на котором живут мужчина и женщина. Рейс очень заволновался. Все это, однако, оказалось совершеннейшей иллюзией. Мужчина живет там давно и прекрасно известен администратору гостиницы. Во время сезона он возит туристов вверх и вниз по реке и показывает им крокодилов и отбившегося от стада гиппопотама или что-то вроде этого! Он, наверное, держит ручного, обученного откусывать иногда куски от лодки. Потом мужчина

отгоняет гиппопотама багром, и вся компания ощущает, что наконец они действительно забрались в самую глушь. Как давно на острове находится девушка, точно неизвестно, но представляется совершенно очевидным, что она не может быть Энн, и, кроме того, весьма щекотливо вмешиваться в дела других людей. На месте этого молодца я, безусловно, вышвырнул бы Рейса с острова, если бы он приехал задавать вопросы о моих любовных похождениях.

Позднее

Мы договорились, что я отправлюсь в Йобург завтра. Рейс настаивает, чтобы я ехал. По всему, что известно, там становится неприятно, однако я, возможно, уеду прежде, чем станет еще хуже. Полагаю, что меня все равно застрелит какой-нибудь забастовщик. Миссис Блейр должна была сопровождать меня, но в последнюю минуту передумала и решила побыть у водопада. Похоже, будто она не может оставить Рейса без присмотра. Сегодня вечером она зашла ко мне и, поколебавшись, сказала, что хотела бы попросить об одолжении. Не позабочусь ли я об ее сувенирах.

— Надеюсь, не о зверях? — спросил я с тревогой. Я всегда чувствовал, что рано или поздно мне навяжут этих противных зверей.

В конце концов, мы достигли компромисса. Я согласился взять на себя заботу о двух ее небольших деревянных ящиках, содержащих хрупкие предметы. Зверей в местном магазине упакуют в огромные корзины и отошлют по железной дороге в Кейптаун, где Пейджет присмотрит за тем, чтобы сдать их на хранение.

Люди, паковавшие их, говорили, что игрушки чрезвычайно неудобной формы (!), и придется изготовить специальные ящики. Я указал миссис Блейр, что, когда звери прибудут в Англию, они обойдутся в фунт стерлингов за штуку!

Пейджет стремится вырваться ко мне в Йоханнесбург. Я отговорюсь необходимостью позаботиться о ящиках миссис Блейр, чтобы удержать его в Кейптауне. Я написал ему, что он должен получить ящики и присмотреть за тем, чтобы они были надежно размещены, поскольку в них находятся редкие антикварные вещи огромной ценности.

Итак, все устроилось, и мы с мисс Петтигрю отбываем вместе. И любой, кто видел ее, согласится, что это абсолютно пристойно.

Глава XXIX

Йоханнесбург, 6 марта

Обстановка здесь нездоровая. Используя хорошо известную фразу, которую я так часто читал, мы все живем на краю вулкана. Шайки бунтовщиков, или так называемых забастовщиков, патрулируют улицы и кровожадно косятся на вас. Полагаю, они уже готовятся к убийствам и составляют списки разжиревших капиталистов. Вы не можете пользоваться такси: забастовщики вытаскивают вас из него. А в гостиницах любезно намекают, что, когда кончится продовольствие, они бросят вас на произвол судьбы!

Вчера вечером я встретил Ривса, моего приятеля с «Килмордена», члена Рабочей партии. Он не на шутку перепуган. Он из тех людей, которые произносят чрезвычайно пространные пламенные речи единственно из политических соображений, а потом жалеют об этом. Ривс занят сейчас тем, что повсюду заявляет, будто на самом деле ничего не говорил. Когда я его встретил, он как раз уезжал в Кейптаун. Там он собирается произнести в свое оправдание трехдневную речь на голландском языке о том, что его прежние выступления в действительности означали нечто совершенно иное. Я рад, что мне не приходится сидеть в Законодательном собрании Южной Африки. Наша палата общин достаточно плоха, но мы, по крайней мере, оперируем только одним языком, и продолжительность выступлений у нас все-таки несколько ограничена. Когда я был в Собрании перед тем, как покинуть Кейптаун, я слушал седовласого джентльмена с обвисшими усами, выглядевшего в точности, как Чепупаха^[15] из «Алисы в стране чудес». Он ронял слова, одна за другим, как-то особенно меланхолично. Время от времени он возбуждал себя для дальнейших усилий, восклицая нечто, звучавшее вроде Platt skeet, произносимое fortissimo^[16] и в заметном контрасте с остальной его речью. Когда он так делал, половина его аудитории выкрикивала «гав-гав!», что, вероятно, по-голландски означает «правильно-правильно», а другая половина в испуге просыпалась после приятного сна. Мне дали понять, что джентльмен говорит уже, по крайней мере, три дня. Они здесь, в Южной Африке, должно быть, обладают безграничным терпением.

Я изобретал бесконечные задания, чтобы удержать Пейджета в

Кейптауне, однако наконец богатство моего воображения иссякло, и он присоединяется ко мне завтра, как верная собака, которая приходит, чтобы умереть подле своего хозяина. А я так хорошо продвигался с моими «Воспоминаниями»! Я придумал кое-какие чрезвычайно остроумные вещи, — что сказали мне лидеры забастовщиков, а я — им.

Сегодня утром меня посетил правительственный чиновник. Он был поочередно то вежлив, то настойчив, то таинствен. Прежде всего, он сослался на мое высокопоставленное положение и значение и посоветовал мне удалиться самостоятельно или с его помощью в Преторию.

— Значит, вы ждете неприятностей? — спросил я.

Его ответ был обставлен такими выражениями, чтобы не содержать совсем никакого смысла, поэтому я понял, что они ожидают серьезных неприятностей. Я намекнул ему, что его правительство дает ситуации зайти слишком далеко.

— Есть такие обстоятельства, сэр Юстас, когда следует дать человеку длинную веревку и позволить ему повеситься.

— О, совершенно верно, совершенно верно.

— Беспорядки вызываются не самими забастовщиками. За их спиной действует некая организация. Ввозится большое количество оружия и взрывчатки, и мы добыли некоторые документы, проливающие достаточно света на методы импорта вооружений. У них есть постоянный шифр. Помидоры означают «детонаторы», цветная капуста — «ружья», другие овощи символизируют различные взрывчатые вещества.

— Очень интересно, — заметил я.

— Более того, сэр Юстас, у нас есть все основания считать, что человек, который возглавляет эту организацию, направляющая рука, так сказать, в настоящую минуту находится в Йоханнесбурге.

Он так пристально уставился на меня, что я стал опасаться, не подозревает ли он, будто я и есть тот человек. При такой мысли меня прошиб холодный пот, и я уже начал жалеть, что мне когда-то пришло в голову непосредственно наблюдать за мини-революцией.

— Из Йобурга в Преторию поезда не ходят, — продолжал он. — Но я могу устроить, чтобы вас вывезли в личном автомобиле. На случай, если по дороге вас остановят, я могу снабдить вас двумя отдельными пропусками: одним — выданным нашим правительством, и другим — удостоверяющим, что вы английский гость, не имеющий абсолютно никакого отношения к Южно-Африканскому Союзу.

— Первый — для ваших людей, а второй — для забастовщиков, а?

— Именно так.

Его план мне не понравился — я знаю, что происходит в подобных случаях. От волнения вы все перепутываете. Я обязательно вручу не тот пропуск и не тому, кому надо, и это кончится тем, что меня застрелит какой-нибудь кровожадный мятежник или один из приверженцев закона и порядка, которых я заметил патрулирующими улицы в гражданских головных уборах, с трубками в зубах и ружьями, небрежно засунутыми под мышку. Кроме того, чем мне занять себя в Претории? Любоваться архитектурой и прислушиваться к отголоскам стрельбы вокруг Йоханнесбурга? Одному Богу известно, сколько продлится мое заключение там. Они уже взорвали железнодорожные пути. Похоже, что там нельзя будет даже разжиться выпивкой. Два дня назад они ввели военное положение.

— Дорогой мой, — сказал я, — вы, кажется, не понимаете, что я изучаю ситуацию на Ранде. Как же, черт возьми, я могу это делать, находясь в Претории? Я ценю вашу заботу о моей безопасности, однако не беспокоюсь обо мне. Со мной будет все в порядке.

— Предупреждаю вас, сэр Юстас, что проблема продовольствия уже вызывает серьезные опасения.

— Небольшой пост исправит мою фигуру — произнес я со вздохом.

Наш разговор прервала телеграмма, которую вручили мне. Я прочел ее с изумлением:

«Энн невинна. Здесь со мной в Кимберли. Сьюзен Блейр». Полагаю, что никогда по-настоящему не верил в гибель Энн. В этой молодой женщине есть что-то не поддающееся разрушению — она напоминает патентованные пилюли, которые дают терьерам. У нее необыкновенное умение внезапно появиться, улыбаясь. Я все еще не понимаю, зачем ей понадобилось выйти из гостиницы посреди ночи, чтобы попасть в Кимберли. Поезда, во всяком случае, не было. Должно быть, она надела пару ангельских крылышек и полетела туда. И не думаю, что она когда-нибудь объяснится. Со мной никто не объясняется. Мне всегда приходится догадываться. В конце концов, это становится однообразным. Наверное, в основе всего лежат крайности журналистки. «Как я снимала речные пороги» — сообщение нашего специального корреспондента.

Я сложил телеграмму, избавился от своего чиновного приятеля. Мне не нравится перспектива голодания, но я не тревожусь за собственную безопасность. Смэтс способен справиться с революцией. Но я дал бы изрядную сумму денег за выпивку! Интересно, сообразит ли Пейджет взять с собой сюда бутылку виски?

Я надел шляпу и вышел, намереваясь купить немного сувениров.

Лавки редкостей в Йобурге весьма забавные. Я как раз изучал витрину с импозантными мантиями из звериных шкур, когда со мной столкнулся человек, выходявший из лавки. К моему, удивлению, это был Рейс.

Не могу тешить себя мыслью, что он обрадовался при виде меня. На самом деле он определенно выглядел раздосадованным, но я настоял, чтобы он проводил меня обратно в гостиницу. Я устал от того, что мне не с кем говорить, кроме мисс Петтигрю.

— Я совершенно не представлял, что вы в Йобурге, — сказал я, чтобы начать разговор. — Когда вы приехали?

— Вчера ночью.

— Где вы остановились?

— У друзей.

Рейс был не расположен много говорить, и казалось, что мои вопросы смущают его.

— Надеюсь, они держат домашнюю птицу, — заметил я. — По всему, что я слышал, диета из свежеснесенных яиц с периодическим добавлением зарезанного старого петуха скоро станет вполне сносной.

— Между прочим, — продолжал я, когда мы вернулись в гостиницу, — вы слышали, что мисс Беддингфелд жива и здорова?

Он кивнул.

— Она нас изрядно напугала, — беспечно сказал я. — Куда же, черт возьми, она пошла в ту ночь — вот что я хотел бы знать.

— Она все время была на острове.

— На каком острове? Не на том ли, где живет молодой мужчина?

— Да.

— Какое неприличие! — отозвался я. — Пейджет будет совершенно шокирован. Он всегда неодобрительно относился к Энн Беддингфелд. Полагаю, что это был тот молодой человек, с которым она первоначально собиралась встретиться в Дурбане?

— Не думаю.

— Не говорите мне ничего, если не хотите, — сказал я, чтобы вызвать его на откровенность.

— Мне кажется, что это некий молодой человек, которого мы все были бы рады поймать.

— Он не... — закричал я, все больше волнуясь.

— Гарри Рейберн, он же Гарри Лукас — таково, как вы знаете, его настоящее имя. Он еще раз улизнул от нас, но мы скоро должны схватить его.

— Ну и ну, — пробормотал я.

— Во всяком случае, мы не подозреваем девушку в соучастии. С ее стороны это просто любовь.

Я всегда думал, что Рейс влюблен в Энн. То, как он произнес последние слова, убедило меня, что я прав.

— Она уехала в Бейру, — продолжал он весьма поспешно.

— В самом деле? — спросил я, уставившись на него. — Откуда вы знаете?

— Она написала мне из Булавайо, сообщив, что собирается вернуться домой этим путем. Лучшее, что она может сделать, бедное дитя.

— Я почему-то не могу представить себе, что она в Бейре, — сказал я задумчиво.

— Она как раз должна была уехать, когда написала мне.

Я был озадачен. Кто-то явно лгал.

Не дав себе труда поразмыслить над тем, что Энн могла иметь достаточные основания не говорить правду, я не смог отказать себе в удовольствии одержать верх над Рейсом.

Он всегда такой самоуверенный! Я вынул из кармана телеграмму и передал ему.

— Тогда, как вы объясните это? — небрежно спросил я.

Он, кажется, был ошарашен. «Она написала, что как раз должна уехать в Бейру», — ошеломленно произнес он.

Я знаю, что Рейс считается умным человеком. По-моему, он довольно глуп. Похоже, что ему никогда не приходило в голову, что девушки не всегда говорят правду.

— Тоже в Кимберли. Что она там делает? — бормотал он.

— Да, это меня удивило. Я полагал, что мисс Энн должна была быть здесь, в гуще событий, собирая материал для «Дейли баджет».

— Кимберли, — повторил он. Место, кажется, огорчало его. — Там нечего смотреть — копи не работают.

— Вы ведь знаете, каковы женщины, — рассеянно заметил я.

Он покачал головой и вышел. Очевидно, я дал ему кое-какую пищу для размышлений.

Как только он ушел, вновь появился мой правительственный чиновник.

— Надеюсь, вы простите меня, сэр Юстас, что я снова беспокою вас, — извинился он. — Но я хотел бы задать вам один вопрос.

— Разумеется, мой дорогой, — бодро произнес я. — Давайте ваш вопрос.

— Он касается вашего секретаря...

— Мне ничего о нем не известно, — поспешно сказал я. — Он навязался мне в Лондоне, украл у меня ценные бумаги, — за которые мне дадут хорошую взбучку, — и когда мы прибыли в Кейптаун, исчез, как в фокусе иллюзиониста. Я действительно был у водопада в одно время с ним, но я жил в гостинице, а он — на острове. Могу заверить вас, что я ни разу его в глаза не видел, пока был там.

Я сделал паузу, чтобы перевести дыхание.

— Вы не правильно поняли меня. Я говорю о другом вашем секретаре.

— О каком? О Пейджете? — вскричал я с живым изумлением. — Он у меня уже восемь лет — он заслуживает полного доверия.

Мой собеседник улыбнулся.

— Мы все еще не понимаем друг друга. Я говорю о даме.

— Мисс Петтигрю? — воскликнул я.

— Да. Ее видели выходящей из лавки туземных редкостей, принадлежащих Аграсато.

— Боже, спаси и помилуй! — прервал его я. — Сегодня днем я сам собирался зайти туда. Вы могли бы и меня поймать выходящим оттуда.

Похоже, в Йобурге нельзя сделать ни один совершенно невинный шаг, чтобы вас не заподозрили.

— А! Но она была там не один раз — и при довольно сомнительных обстоятельствах. Могу также сказать вам — по секрету, сэр Юстас, что это место находится под подозрением, как явка, используемая тайной организацией, стоящей за нынешней революцией. Вот почему я был бы рад услышать все, что вы можете рассказать мне об этой даме. Где и как вы наняли ее?

— Ее одолжило мне ваше собственное правительство, — холодно ответил я.

Он потерпел полный крах.

Глава XXX

(Продолжение рассказа Энн)

Приехав в Кимберли, я телеграфировала Сьюзен. Она присоединилась ко мне очень быстро, возвещая о своем приближении телеграммами, которые посылала с дороги. С большим удивлением я убедилась, что она меня действительно любит — раньше я думала, что просто даю ей свежесть ощущений, но она при встрече буквально бросилась мне на шею и разрыдалась.

После того как мы пришли в себя от всплеска эмоций, я села на кровать и поведала ей всю историю от А до Я.

— Полковника Рейса вы всегда подозревали, — задумчиво сказала она, когда я кончила. — Я же — нет — до той ночи, когда вы исчезли. Он мне так нравился, и я считала, что он мог бы быть хорошим мужем для вас. О, Энн, дорогая, не сердитесь, но откуда вы знаете, что этот ваш молодой человек говорит правду? Вы верите каждому его слову.

— Конечно, верю, — вскричала я с негодованием.

— Но что в нем так привлекло вас? Я не вижу в нем ничего, кроме его довольно броской внешности и современной манеры ухаживать в стиле «неотразимого мужчины каменного века».

Несколько минут я изливала свой гнев на Сьюзен.

— И именно потому, что вам так уютно замужем и вы покрываетесь жиром, вы забыли, что на свете существует такая вещь, как романтика, — закончила я.

— О, я не покрываюсь жиром, Энн. Последнее время я так беспокоилась о вас, что, вероятно, совсем спала с лица.

— Вы выглядите довольно упитанной, — холодно сказала я. — Полагаю, вы, наверное, поправились на добрых семь фунтов.

— Кроме того, я не уверена, что мне так уж уютно замужем, — меланхолично продолжала Сьюзен. — Кларенс забросал меня совершенно ужасными телеграммами, требует, чтобы я немедленно вернулась домой. Наконец я перестала отвечать, ему, и теперь вот уже больше двух недель от него ни слуху, ни духу.

Боюсь, я не приняла супружеские заботы Сьюзен слишком близко к сердцу. Когда придет время, она прекрасно сможет обвести Кларенса

вокруг пальца. Я перевела разговор на алмазы.

Сьюзен посмотрела на меня с отвисшей челюстью.

— Мне надо объясниться, Энн. Понимаете, как только я стала подозревать полковника Рейса, я ужасно расстроилась из-за алмазов. Мне хотелось остаться у водопада на случай, если он похитил вас и держал где-то неподалеку, однако я не знала, что делать с алмазами. Я боялась держать их у себя...

Сьюзен беспокойно огляделась, будто опасалась, что стены могут слышать, а потом горячо зашептала мне на ухо.

— Очень хорошая мысль, — одобрила я. — Но сейчас нам это немного не с руки. А что сэр Юстас сделал с ящиками?

— Большие отослал в Кейптаун. Перед отъездом с водопада я получила письмо от Пейджета, в которое он вложил квитанцию за их хранение. Между прочим, сегодня он выезжает из Кейптауна к сэру Юстасу в Йоханнесбург.

— Понятно, — задумчиво сказала я. — А что с маленькими, где они?

— Полагаю, что у сэра Юстаса. Я мысленно оценила ситуацию.

— Что ж, — наконец сказала я, — это неудобно, но достаточно надежно. Пока нам лучше ничего не предпринимать.

Сьюзен взглянула на меня с легкой улыбкой.

— Вам не нравится бездействовать, не так ли, Энн?

— Да, не слишком, — честно ответила я.

Единственное, что я могла сделать, — это достать расписание и справиться, когда поезд Ги Пейджета пройдет через Кимберли. Выяснилось, что он прибудет на следующий день в 5.40 пополудни и отойдет в 6.00. Мне хотелось встретиться с Пейджетом как можно скорее, и я считала, что мне предоставляется удобный случай. Ситуация на Ранде становилась очень серьезной, и могло пройти много времени, прежде чем у меня возникнет другая возможность.

Тот день оживила только телеграмма из Йоханнесбурга.

Она звучала совершенно невинно:

— «Доехал благополучно. Все идет хорошо. Эрик здесь, Юстас тоже, но нет Ги. Пока оставайтесь на месте. Энди».

Эрик — наш псевдоним для Рейса. Его выбрала я, так как мне очень не нравится это имя. До встречи с Пейджетом мне явно больше нечего было делать. Сьюзен занялась отправлением длинной успокаивающей телеграммы далекому Кларенсу. Она здорово расчувствовалась. По-своему, — разумеется, совсем не так, как я и Гарри, — она действительно любит Кларенса.

— Я хотела бы, чтобы он был здесь, Энн, — сказала она, глотая слезы. — Я так давно его не видела!

— Возьмите крем для лица, — сказала я успокаивающе.

Сьюзен намазала немного на кончик своего очаровательного носика.

— Скоро мне понадобится еще крем, — заметила она, — а такой можно достать только в Париже. — Она вздохнула. — Париж!

— Сьюзен, — сказала я, — очень скоро вам надоест Южная Африка и приключения.

— Мне хотелось бы очень хорошенькую шляпку, — задумчиво согласилась Сьюзен. — Мне поехать завтра с вами на встречу с Ги Пейджетом?

— Я предпочитаю поехать одна. Он будет более осторожным, разговаривая с нами двумя.

Вот так случилось, что на следующий день я стояла в дверях гостиницы, борясь с непокорным зонтиком от солнца, не желавшим раскрываться, а Сьюзен мирно лежала на своей кровати с книгой и корзиной фруктов.

Сегодня с поездом было все в порядке, и он должен был прийти почти вовремя, как сказал портье, очень сомневаясь, однако, что поезд вообще отправится в Йоханнесбург. Путь взорван, — торжественно объявил он. Это прозвучало весьма ободряюще!

Поезд пришел только на десять минут позже. Все высыпали на платформу и начали возбужденно прогуливаться взад и вперед. Мне не составило труда издали заметить Пейджета. Я энергично приветствовала его. Увидев меня, он, по-своему обыкновению, нервно вздрогнул — на сей раз несколько демонстративно.

— Боже мои, мисс Беддингфелд, а я понял так, что вы исчезли.

— Я опять появилась, — серьезно сказала я. — А как вы поживаете, мистер Пейджет?

— Спасибо, очень хорошо — предвкушаю, как вернусь к исполнению моих обязанностей у сэра Юстаса.

— Мистер Пейджет, — произнесла я, — мне хочется вас кое о чем спросить. Надеюсь, вы не обидитесь, но многое зависит от вашего ответа, больше, чем вы, вероятно, можете предположить. Что вы делали в Марлоу 8 января этого года?

Он сильно вздрогнул.

— В самом деле, мисс Беддингфелд., я.., действительно...

— Вы ведь были там, не так ли?

— Я.., по причинам личного характера я был по соседству, да.

— Не скажете ли вы, каковы эти причины?

— Разве сэр Юстас еще не рассказал вам?

— Сэр Юстас? А он знает?

— Я почти уверен. Я надеялся, что он не узнал меня, однако, судя по его как бы нечаянным намекам и замечаниям, боюсь, я ошибся. В любом случае я собирался чистосердечно во всем сознаться и предложить ему мою отставку. Он своеобразный человек, мисс Беддингфелд, с чрезмерным чувством юмора. Ему, по-видимому, доставляет удовольствие держать меня в состоянии неизвестности. Полагаю, он все время был прекрасно осведомлен о подлинных фактах. Возможно — все эти годы.

Я надеялась, что раньше или позже смогу все-таки понять, о чем говорил Пейджет. Он продолжал:

— Человеку с положением сэра Юстаса трудно поставить себя на мое место. Я понимаю, что не прав, но мой обман, кажется, не принес вреда. Я счел бы проявлением большого такта с его стороны, если бы он мне все прямо сказал, а не изощрялся в завуалированных шутках на мой счет.

Раздался свисток, и пассажиры стали залезать обратно в поезд.

— Да, мистер Пейджет, прервала его я, — несомненно, я вполне согласна со всем, что вы говорите о сэре Юстасе.

Однако, зачем вы ездили в Марлоу?

— Я был не прав, но при сложившихся обстоятельствах это было естественно, да, я все еще так считаю.

— При каких обстоятельствах? — закричала я в отчаянии.

Похоже, Пейджет впервые осознал, что я задаю ему вопрос. Он оторвался от особенностей сэра Юстаса, перестал оправдываться и сосредоточил внимание на мне.

— Прошу прощения, мисс Беддингфелд, — строго сказал он, — но я не могу уразуметь, что вам за дело?

Теперь он уже занял свое место в поезде и свешивался из вагона, чтобы говорить со мной. Я почувствовала безнадежность. Что можно сделать с этим человеком?

— Разумеется, если оно так ужасно, что вам стыдно говорить о нем со мной... — язвительно начала я.

Наконец-то я нашла верный тон. Лицо Пейджета вытянулось и покраснело.

— Ужасно? Стыдно? Не понимаю вас?

— Тогда расскажите мне!

В трех коротких фразах он поведал мне все. Наконец я узнала тайну Пейджета! Это было совсем не то, чего я ожидала.

Я медленно отправилась пешком в гостиницу. Там мне вручили телеграмму. Я открыла ее. В ней содержались подробные указания для меня немедленно отправляться в Йоханнесбург или, вернее, на одну станцию, не доезжая Йоханнесбурга, где меня должны встретить на машине. Телеграмма была подписана не Энди, а Гарри.

Я села в кресло и предалась серьезным размышлениям.

Глава XXXI

(Из дневника Юстаса Педлера)

Йоханнесбург, 7 марта

Прибыл Пейджет. Он, конечно, в панике. Немедленно предложил уехать в Преторию. Затем, когда я любезно, но твердо сказал, что мы останемся здесь, он бросился в другую крайность, выразил желание приобрести ружье и стал трещать о том, как он защищал какой-то мост во время мировой войны. Железнодорожный мост в узловом пункте Литтл Пуддекум или что-то вроде.

Вскоре я прервал его, сказав, чтобы он распаковал большую пишущую машинку. Я надеялся, что на некоторое время ему будет чем заняться, так как машинка наверняка вышла из строя — она всегда так делала — и ему придется отнести ее в починку. Однако я забыл о способности Пейджета быть всегда правым.

— Я уже распаковал все вещи, сэр Юстас. Машинка в отличном состоянии.

— Что вы хотите сказать — все ящики?

— Также и два небольших ящика.

— Лучше бы вы не были столь услужливы, Пейджет. Эти маленькие ящики вас не касаются. Они принадлежат миссис Блейр.

Пейджет выглядел удрученным. Он очень не любит ошибаться.

— Итак, снова аккуратно запакуйте их, — продолжал я. — Потом можете выйти на улицу и немного оглядеться. К завтрашнему дню Йоханнесбург, вероятно, превратится в груды дымящихся развалин, так что сегодня, наверное, у вас последний шанс.

Я подумал, что теперь удастся избавиться от него, по крайней мере, на утро.

— Я кое-что хотел бы сказать вам, сэр Юстас, когда у вас будет свободное время.

— Только не сейчас, — произнес я поспешно. — Сейчас у меня совершенно нет свободного времени.

Пейджет повернулся, чтобы уйти.

— Между прочим, — окликнул я его вдогонку, — что там было в этих ящиках миссис Блейр?

— Несколько меховых ковриков и две-три меховые шапки, я думаю.

— Все правильно, — со значением произнес я. — Она купила их, когда ехала на поезде. Это действительно шапки — в своем роде, — хоть я почти не удивляюсь, что вы их не узнали. Полагаю, она собирается в одной из них появиться в Аскоте^[17]. Что еще там было?

— Несколько катушек с пленкой и корзиночки..., масса корзиночек...

— Разумеется, — уверил его я. — Миссис Блейр — из тех женщин, которые покупают сразу не менее дюжины чего-нибудь.

— Кажется, все, сэр Юстас, не считая всяких разрозненных предметов, вуали для езды на автомобиле, непарных перчаток и т. п.

— Если бы вы не были прирожденным идиотом, Пейджет, вы бы с самого начала увидели, что эти вещи не могут принадлежать мне.

— Я подумал, что часть из них могла принадлежать мисс Петтигрю.

— А, вы мне напомнили. Что вы имели в виду, нанимая для меня столь сомнительную личность в качестве секретарши?

И я поведал ему о том подробном допросе, которому подвергся. Мне тут же пришлось пожалеть, так как я заметил в его глазах слишком хорошо знакомое мне выражение. Я поспешно сменил тему разговора, однако было уже поздно. Пейджет вышел на военную тропу.

Затем он стал надоедать мне длинными бессмысленными рассказами о «Килмордене». Что-то о катушке с пленкой и пари. Катушке, посреди ночи брошенной через иллюминатор каким-то стюардом, которому следовало быть более осмотрительным. Ненавижу грубые шутки. Я так и сказал Пейджету, и он снова принялся излагать свою историю. В любом случае он плохой рассказчик. Прошло много времени, прежде чем я начал в чем-то разбираться.

До ланча он больше не появлялся. Потом он прибежал, дрожа от возбуждения, как ищейка, взявшая след. Мне никогда не нравились ищейки. Суть дела в том, что он видел Рейберна.

— Что?! — вскричал я, пораженный.

Да, ему на глаза попался некто, в ком он с уверенностью признал Рейберна. Тот переходил дорогу. Пейджет последовал за ним.

— И как вы думаете, с кем он остановился поговорить? С мисс Петтигрю!

— Что?!

— Да, сэр Юстас. И это еще не все. Я наводил о ней справки.

— Подождите, что случилось с Рейберном?

— Он и мисс Петтигрю вошли в ту угловую лавку редкостей...

Я издал непроизвольное восклицание. Пейджет недоуменно замолчал.

— Ничего-ничего, — сказал я. — Продолжайте.

— Я ждал на улице целую вечность, но они так и не вышли. Наконец я вошел внутрь. Сэр Юстас, в лавке никого не было! Там, должно быть, есть другой выход.

Я уставился на него.

— Как я уже говорил, я вернулся в гостиницу, чтобы навести кое-какие справки о мисс Петтигрю. — Пейджет понизил голос и часто задышал, как он всегда делает, когда хочет сказать что-нибудь по секрету. — Сэр Юстас, прошлой ночью видели мужчину, выходившего из ее номера.

Я поднял брови.

— А я всегда считал ее верхом порядочности, — проворчал я.

Пейджет продолжал, не обращая внимания.

— Я поднялся прямо наверх и обыскал ее комнату. И как вы думаете, что я нашел?

Я покачал головой.

— Вот это!

Пейджет показал безопасную бритву и мыльную палочку для бритья.

— Для чего женщине такие предметы? Наверное, Пейджет никогда не читает объявлений в газетах для дам высшего света. В отличие от меня. Не собираясь спорить с ним, я отказался признать бритву убедительным доказательством пола мисс Петтигрю. Пейджет так безнадежно отставал от времени. Я бы несколько не удивился, если бы он предъявил портсигар в подтверждение своей версии. Однако даже у Пейджета есть границы.

— Я не убедил вас, сэр Юстас. А что вы скажете на это?

Я внимательно осмотрел предмет, которым он торжествующе размахивал над головой.

— Похоже на волосы, — заметил я с отвращением.

— Именно так. Очевидно, это накладка из искусственных волос.

— В самом деле, — прокомментировал я.

— Теперь вы убедились, что так называемая мисс Петтигрю — переодетый мужчина.

— Да, мой дорогой Пейджет, думаю, да. Я мог бы сообразить, что к чему по ее ножкам.

— Так-то вот. А теперь, сэр Юстас, я хотел бы поговорить с вами о моих личных делах. Судя по вашим намекам и постоянным упоминаниям того времени, когда я был во Флоренции, мне не приходится сомневаться, что вы меня разоблачили.

Наконец откроется тайна того, что Пейджет делал во Флоренции.

— Чистосердечно признайтесь, дорогой мой, — мягко сказал я. — Так гораздо лучше.

— Благодарю вас, сэр Юстас.

— Дело в ее муже? Мужья — надоедливые ребята. Всегда появляются, когда их меньше всего ждут.

— Мне неясна ваша мысль, сэр Юстас. В чем муже?

— Муже дамы.

— Какой дамы?

— Господи помилуй, Пейджет, той дамы, с которой вы встречались во Флоренции. Должна же быть там дама. Не говорите мне, что вы просто ограбили церковь или ударили ножом в спину итальянца за то, что вам не понравилось его лицо.

— Я в полном недоумении от ваших слов, сэр Юстас. Вы, наверное, шутите.

— Иногда я бываю забавным, когда прилагаю усилия, но могу заверить вас, что в настоящую минуту не намерен шутить.

— Я надеялся, что вы не узнали меня, сэр Юстас, так как я был довольно далеко.

— Узнал вас — где?

— В Марлоу, сэр Юстас.

— В Марлоу? Какого черта вы делали в Марлоу?

— Я думал, вы поняли, что...

— Я начинаю понимать все меньше и меньше. Вернитесь назад и снова начните вашу историю. Вы поехали во Флоренцию.

— Тогда, значит, вам ничего не известно — и вы не узнали меня!

— Насколько я могу судить, вы, кажется, выдали себя без всякой необходимости — стали заложником собственной совести. Но я сумею лучше разобраться, когда услышу весь рассказ. Итак, вздохните поглубже и вперед. Вы поехали во Флоренцию...

— Но я не ездил во Флоренцию. Вот и все.

— Куда же вы тогда отправились?

— Домой — в Марлоу.

— Какого дьявола вам понадобилось ехать в Марлоу?

— Я хотел повидать мою жену. Она была в деликатном положении и ожидала...

— Вашу жену? Но я не знал, что вы женаты!

— Да, сэр Юстас, именно об этом я вам и говорю. Я ввел вас в заблуждение.

— Вы женаты давно?

— Уже больше восьми лет. Прошло как раз шесть месяцев с нашей свадьбы, когда я стал вашим секретарем. Мне не хотелось упустить такое место. Предполагается, что постоянный секретарь должен быть холост, поэтому я скрыл правду.

— Вы поражаете меня, — заметил я. — Где же была ваша жена все эти годы?

— Вот уже больше пяти лет у нас есть маленький домик с верандой на реке в Марлоу совсем неподалеку от Милл-Хауса.

— Господи, помилуй, — пробормотал я. — А дети?

— Четверо, сэр Юстас.

Я пристально посмотрел на него в оцепенении. Я мог бы раньше сообразить, что у такого человека, как Пейджет, не может быть тайного греха. Его порядочность всегда была моим проклятием. Именно такого рода тайну он и должен был иметь — жена и четверо детей.

— Вы еще кому-нибудь говорили об этом? — наконец спросил я после того, как довольно долго с интересом разглядывал его, как зачарованный.

— Только мисс Беддингфелд. Она приезжала на вокзал в Кимберли.

Я продолжал рассматривать его. Он ерзал под моим взглядом.

— Надеюсь, сэр Юстас, я не очень досадил вам?

— Дорогой мой, — произнес я, — не стану скрывать от вас, что вы совершенно расстроили мои планы!

Я ушел из гостиницы, сильно выведенный из себя. Когда я поравнялся с угловой лавкой редкостей, на меня вдруг напало непреодолимое искушение и я вошел. Хозяин, потирая руки, подобострастно предложил свои услуги.

— Позвольте вам что-нибудь показать? Меха, редкости!

— Мне нужно нечто совершенно необычайное, — сказал я. — Для особого случая. Вы покажете, что у вас есть?

— Может быть, вы пройдете в заднюю комнату? У нас там имеется богатый специальный ассортимент.

Вот где я совершил ошибку. Я подумал, что поступаю очень умно. Я проследовал за ним сквозь колыхавшиеся портьеры.

Глава XXXII

(Продолжение рассказа Энн)

Мне пришлось немало повозиться с Сьюзен. Она спорила, умоляла и даже рыдала, пока не разрешила мне осуществить мой план. Но, в конце концов, я добилась своего. Она обещала в точности выполнить мои указания и приехала на вокзал, чтобы со слезами проводить меня.

На следующий день рано утром я прибыла к месту назначения. Меня встретил низенький чернобородый голландец, которого я никогда прежде не видела. Нас ждал автомобиль, и мы покатили. Вдали слышался странный гул, и я спросила, что это такое.

— Пушки, — ответил он лаконично. Значит в Йоханнесбурге шло сражение.

Я сообразила, что конечный пункт нашей поездки где-то на окраине города. Чтобы попасть туда, мы поворачивали направо и налево, несколько раз сделали крюк, и с каждой минутой канонада становилась все ближе. Это было захватывающе. Наконец мы остановились перед довольно ветхим строением. Дверь открыл мальчик-кафр. Мой провожатый жестом пригласил меня войти. Я в нерешительности остановилась в темном прямоугольном холле. Мужчина обогнал меня и распахнул дверь.

— Молодая леди пришла повидать мистера Гарри Рейберна, — произнес он и засмеялся.

После такого доклада я вошла. В комнате было мало мебели и сильно пахло дешевым табаком. За конторкой сидел какой-то человек и писал. Он оторвался от своего занятия и поднял брови.

— Боже мой, — сказал он, — да это никак мисс Беддингфелд!

— У меня, должно быть, в глазах двоится, — извинилась я. — Вы мистер Чичестер или мисс Петтигрю? Вы удивительно напоминаете их обоих.

— В настоящий момент оба персонажа получили временную отставку. Я снял свои нижние юбки, а также отказался от духовного сана. Может, вы присядете?

Я спокойно села.

— Кажется, я ошиблась адресом, — заметила я.

— С вашей точки зрения, боюсь, да. Право, мисс Беддингфелд,

попасть в ловушку во второй раз!

— Я действовала не слишком осмотнительно, — кротко согласилась я. По-видимому, что-то в моем поведении озадачило его.

— Похоже, вы не слишком огорчены случившимся, — сухо констатировал он.

— А если бы я впала в истерику, разве это произвело бы на вас какое-либо впечатление? — спросила я.

— Разумеется, нет.

— Моя двоюродная бабушка Джейн всегда говорила, что настоящая леди не при каких обстоятельствах не возмущается и не удивляется, — прожурчала я мечтательно. — Я стараюсь жить согласно ее заповедям.

Оценив реакцию мистера Чичестера-Петтигрю, столь явственно написанную на его лице, я поспешила продолжить.

— Вы в самом деле мастерски пользуетесь гримом и костюмом, — великодушно сказала я. — Все время, пока вы были мисс Петтигрю, я не могла узнать вас — даже когда вы от изумления сломали карандаш, увидев меня в поезде в Кейптауне.

Пока я говорила, он постукивал по конторке карандашом, который держал в руке.

— Все это по-своему очень хорошо, но мы должны заняться делом. Вероятно, мисс Беддингфелд, вы можете догадаться, зачем нам потребовалось ваше присутствие здесь?

— Простите меня, — сказала я, — но я никогда не имею дела ни с кем, кроме начальников.

Когда-то я прочитала такую фразу или подобную ей в рекламном тексте какого-то ростовщика и сейчас осталась весьма довольна. Она, безусловно, произвела сокрушительное впечатление на мистера Чичестера-Петтигрю. Он открыл рот, а потом снова закрыл его. Я смотрела на него с сияющей улыбкой.

— Таков принцип моего двоюродного дедушки Джорджа, — добавила я, как бы вдогонку. — Мужа моей двоюродной бабушки Джейн. Он делал шишечки для медных кроватей.

Сомневаюсь, чтобы Чичестера-Петтигрю дразнили когда-нибудь прежде. Ему это совсем не понравилось.

— Надеюсь, вы проявите благоразумие и измените ваш тон, юная леди.

Я не ответила, а только зевнула — деликатно, — чтобы показать, что мне очень скучно.

— Какого черта... — начал он с нажимом. Я прервала его.

— Могу заверить вас, что криком вы ничего не добьетесь. Мы только потеряем время. Я не намерена разговаривать с мелкими сошками. Вы сэкономите массу времени и нервов, если проведете меня прямо к сэру Юстасу Педлеру.

— К...

Он выглядел ошарашенным.

— Да, — сказал я. — К сэру Юстасу Педлеру.

— Я.., я.., извините меня...

Он выскочил из комнаты, как заяц. Воспользовавшись передышкой, я открыла сумочку и тщательно напудрила нос, а также поправила шляпку. Потом я спокойно уселась и стала терпеливо ждать возвращения моего противника.

Вернулся он в несколько более сдержанном расположении духа.

— Пройдите, пожалуйста, сюда, мисс Беддингфелд. Я пошла за ним вверх по лестнице. Он постучал в дверь комнаты, изнутри прозвучало короткое «войдите», он открыл дверь и жестом предложил мне войти.

Сэр Юстас вскочил на ноги, чтобы приветствовать меня, добродушный и улыбающийся.

— Ну, ну, мисс Энн. — Он тепло пожал мне руку. — Я счастлив видеть вас. Входите и садитесь. Не устали с дороги? Вот и хорошо.

Он сел напротив меня, все еще сияя улыбкой. Я немного недоумевала. Он вел себя абсолютно естественно.

— Правильно сделали, что настояли, чтобы вас провели прямо ко мне, — продолжал он. — Минкс — дурак. Искусный актер, но дурак. Это вы Минкса видели внизу.

— О, в самом деле, — сказала я вяло.

— А теперь, — бодро произнес сэр Юстас, — давайте займемся фактами. Как давно вам известно, что я — «полковник»?

— С того момента, как мистер Пейджет рассказал мне, что видел вас в Марлоу, когда вы должны были быть в Канне.

Сэр Юстас уныло кивнул.

— Да, я сказал этому идиоту, что он совершенно расстроил мои планы. Разумеется, он ничего не понял. Он думал только о том, узнал ли я его. Ему никогда не приходило в голову поинтересоваться, что я там делал. Мне явно не повезло. Я все так аккуратно устроил, отослав его во Флоренцию, а в гостинице сказал, что еду в Ниццу на одну ночь, может быть на две. Затем, когда убийство было обнаружено, я уже опять был в Канне, и никто не мог даже помыслить, что я вообще покидал Ривьеру.

Он по-прежнему говорил вполне естественно и искренне. Мне

пришлось ущипнуть себя, чтобы убедиться, что это происходит наяву, что человек передо мной действительно отъявленный преступник, «полковник». Я все снова прокрутила в голове.

— Значит, именно вы пытались выбросить меня за борт на «Килмордене», — не спеша произнесла я. — И вас преследовал Пейджет на палубе в ту ночь?

Он пожал плечами.

— Прошу прощения, мое милое дитя, мне, право, жаль. Вы всегда нравились мне, но вы так страшно мне мешали. Не мог же я допустить, чтобы все мои планы пошли прахом из-за какой-то девчушки.

— Я думаю, что ваш замысел у водопада был на самом деле самым ловким, — сказала я, пытаясь взглянуть на происшедшее отвлеченно. — Я была готова поклясться чем угодно, что вы находились в гостинице, когда я из нее вышла. В будущем, пока сама не увижу, не поверю.

— Да, роль мисс Петтигрю стала одной из величайших удач Минкса, и умение подражать моему голосу делает ему честь.

— Я хотела бы узнать одну вещь. — Да?

— Как вы добились того, что Пейджет нанял ее?

— О, это было совсем просто. Она встретила Пейджета в дверях Управления комиссариата по делам торговли или Горно-рудной палаты, или куда там он пошел и сказала ему, что я звонил второпях и ее отобрало соответствующее правительственное ведомство. Пейджет простодушно проглотил это.

— Вы очень откровенны, — сказала я, изучая его.

— У меня нет ни малейшего основания скрывать от вас что-либо.

Мне не понравились его слова. Я поспешила дать им собственную интерпретацию.

— Вы верите в успех этой революции? Вы сожгли свои корабли.

— Для умной в других отношениях молодой женщины подобное замечание исключительно неумно. Нет, мое милое дитя, я не верю в эту революцию. Я даю ей еще пару дней, и она кончится позорной неудачей.

— Фактически ее нельзя отнести к вашим успехам? — ядовито спросила я.

— Подобно всем женщинам, вы не имеете представления о бизнесе. Работа, за которую я взялся, заключалась в поставке некоторых взрывчатых веществ и оружия — за что мне хорошо заплатили — в разжигании эмоций и в полной компроментации некоторых людей. Я выполнил свои обязательства с совершеннейшим успехом и предусмотрел, чтобы мне заплатили вперед. Я специально позаботился обо всем, так как намеревался

после выполнения данного контракта отойти от дел. Что до сжигания моих кораблей, как вы выражаетесь, то я просто не понимаю, что вы имеете в виду. Я вовсе не главарь мятежников или что-нибудь в таком роде — я известный визитер из Англии, имевший несчастье сунуть нос в некую лавку редкостей и увидевший немного больше, чем следовало, так что беднягу похитили. Завтра или послезавтра, как позволят обстоятельства, я буду найден где-нибудь со связанными руками и ногами, в жалком состоянии — перепуганный и умирающий от голода.

— А-а! — медленно произнесла я. — Но что будет со мной?

— Вот именно, — мягко сказал сэр Юстас. — Что будет с вами? Я заманил вас сюда — не хочу лишний раз расстраивать вас, но заманил очень ловко. Вопрос в том, что я собираюсь с вами делать. Простейший путь избавиться от вас — и могу добавить приятнейший для меня — это брак. Жены не могут обвинять своих мужей, как вам известно, и меня больше устроило бы, если бы хорошенькая молодая женушка держала меня за руку и смотрела на меня своими светлыми глазками — не сверкайте на меня ими так! Вы меня совсем пугаете. Я вижу, мой план не прельщает вас?

— Нет.

Сэр Юстас вздохнул.

— Жаль. Но я не какой-нибудь злодей из пьесы театра «Адельфи»^[18]. Обычное затруднение, я полагаю. Вы любите другого, как пишется в книгах.

— Я люблю другого.

— Я так и думал — сначала я считал, что ваш избранник — тот длинноногий напыщенный осел, Рейс, но теперь мне кажется, это молодой герой, выудивший вас из водопада в ту ночь. У женщин нет вкуса. Ни один из них не обладает и половиной моих мозгов. Меня так легко недооценить.

Что касается последнего, я думаю, он был прав. Хотя я прекрасно знала, что он за человек, я толком не могла отдать себе отчет в этом. Он пытался убить меня не один раз, он действительно убил одну женщину, на его совести бесчисленные другие деяния, о которых мне ничего не было известно, и все же я была совершенно не в состоянии привести себя в соответствующее расположение духа, чтобы оценить его «подвиги» так, как они того заслуживали. Я не могла вообразить его никем, как нашим забавным общительным попутчиком. Я не могла даже по-настоящему бояться его, хотя знала, что он способен, если сочтет необходимым, хладнокровно отдать приказ убить меня. Единственная аналогия, приходившая мне в голову.

— Долговязый Джон Сильвер у Стивенсона. Сэр Юстас, должно быть, имел с ним много общего.

— Что ж, — произнес этот необыкновенный человек, откидываясь на спинку кресла. — Жаль, что идея стать леди Педлер не привлекает вас. Другие варианты пока до конца не продуманы.

Меня охватило неприятное ощущение. Разумеется, я все время понимала, что иду на большой риск, но награда, кажется, стоила того. Получится ли все так, как я рассчитала, или нет?

— Дело в том, — продолжал сэр Юстас, — что я питаю к вам слабость. Мне на самом деле не хочется прибегать к крайностям. А что, если вы расскажете мне все с самого начала, и мы посмотрим, что можно сделать? Но без всяких выдумок, имейте в виду — мне нужна правда.

Я не собиралась играть с ним. Я была слишком высокого мнения о проницательности сэра Юстаса. Настало время правды, всей правды, одной только правды. Я поведала ему свою историю, ничего не пропуская, до момента моего спасения у водопада. Когда я закончила, он одобрительно кивнул головой.

— Благоразумная девочка. Чистосердечно все выложила. И позвольте сказать вам, что в противном случае я быстро подловил бы вас. Многие ни за что не поверили бы вашему рассказу, особенно его началу, но я верю. Вы такая девушка, которая способна начать вот так — сразу, по самому незначительному побуждению. Вам, разумеется, удивительно повезло, однако раньше или позже дилетант сталкивается с профессионалом, и тогда результат предрешен. Я профессионал. Начал заниматься этим бизнесом, когда был совсем молодым. Приняв все во внимание, я решил, что это хороший способ быстро разбогатеть. Я всегда умел продумать дело до конца, составить изобретательный план и был достаточно предусмотрителен, чтобы не пытаться самостоятельно осуществлять свои замыслы. Всегда нанимая специалиста — таков был мой девиз. Отступив от него один раз, я потерпел неудачу, однако я не мог никому поручить сделать для меня именно эту работу. Надина знала слишком много. Я человек добродушный, мягкосердечный и уравновешенный, пока мне не мешают. Надина же и расстроила мои планы, и угрожала мне — как раз, когда я был на вершине успешной карьеры. Ее смерть и обретение мною алмазов обеспечивали мою безопасность. Теперь я пришел к заключению, что сделал все кое-как. Этот идиот Пейджет с его женой и семейством! Я сам виноват — моему чувству юмора импонировал такой секретарь — с лицом отравителя периода Чинквеченто и душой среднего викторианца. Вот вам правило поведения, моя дорогая Энн. Не злоупотребляйте

чувством юмора. Долгое время интуиция подсказывала мне, что будет благоразумнее избавиться от Пейджета, но парень был столь трудолюбив и добросовестен, что я, честно говоря, не мог найти предлога, чтобы уволить его. И пустил все на самотек.

Однако мы отклоняемся от темы. Вопрос в том, что делать с вами. Ваше повествование было очень четким, но я все еще не улавливаю одной вещи. Где сейчас алмазы?

— Они у Гарри Рейберна, — ответила я, наблюдая за его лицом.

Он совсем изменился, сохранив выражение сардонического добродушия.

— Гм. Мне нужны эти алмазы.

— Не думаю, что у вас много шансов заполучить их, — заметила я.

— Нет? А я думаю. Не хочется быть неприятным, но советую вам поразмышлять о том, что мертвая девушка, обнаруженная в этой части города, не вызовет особого удивления. Внизу находится человек, который очень аккуратно делает работу такого рода. Ну же, вы ведь разумная молодая женщина. Я предлагаю следующее: вы сядете и напишете Гарри Рейберну, приглашая его присоединиться к вам и захватить с собой алмазы...

— Я не сделаю ничего похожего.

— Не перебивайте старших. Я предлагаю вам сделку. Алмазы в обмен на вашу жизнь. И не сомневайтесь: она абсолютно в моей власти.

— А Гарри?

— Я слишком добр, чтобы разлучить двух юных возлюбленных. Его я тоже отпущу — разумеется, при условии, что ни один из вас впредь не станет мешать мне.

— А какая у меня есть гарантия, что вы выполните ваше обещание?

— Совершенно никакой, моя милая. Вам придется довериться мне и надеяться на лучшее. Конечно, если вы настроены героически и предпочитаете быть уничтоженной, это другое дело.

Пока все шло по моему плану. Мне не надо было торопиться. Постепенно я позволила запугать и улестить себя и наконец сдалась. Под диктовку сэра Юстаса я написала следующее:

«Дорогой Гарри!

Мне думается, я вижу возможность абсолютно неопровержимо доказать твою невиновность. Пожалуйста, исполни мои указания точно. Зайди в лавку редкостей Аграсато. Попроси посмотреть что-нибудь «необычное», «для особого случая». Тогда хозяин предложит тебе «пройти

в заднюю комнату». Следуй за ним. Ты найдешь посланца, который приведет тебя ко мне. Делай то, что он тебе скажет. Не сомневайся и возьми с собой алмазы. Никому ни слова».

Сэр Юстас остановился.

— Любовные штрихи я предоставляю вашему собственному воображению, — заметил он. — Но будьте осторожны, чтобы не наделать ошибок.

— Твоя навеки, Энн, — будет; достаточно, — отозвалась я.

Затем я вписала эти слова. Сэр Юстас протянул руку за письмом и перечитал его.

— Кажется, все в порядке. Теперь адрес.

Я дала ему адрес того маленького магазинчика, в котором за вознаграждение получали письма и телеграммы.

Сэр Юстас нажал кнопку звонка. Чичестер-Петтигрю, он же Минкс, пришел по вызову.

— Это письмо надо отправить немедленно — обычным путем.

— Очень хорошо, полковник.

Он взглянул на имя на конверте. Сэр Юстас внимательно наблюдал.

— Кажется, ваш приятель?

— Мой? — Минкс, похоже, испугался.

— Вы вчера долго разговаривали с ним в Йоханнесбурге.

— Он подошел ко мне и стал расспрашивать о том, что поделяваете вы и полковник Рейс. Я дал ему неверные сведения.

— Отлично, мой дорогой, отлично, — добродушно сказал сэр Юстас, — значит, я ошибся.

Я случайно взглянула на Чичестера-Петтигрю, когда он выходил из комнаты. Он был бледный и как будто смертельно перепуган. Как только за ним закрылась дверь, сэр Юстас поднял переговорную трубку, покоившуюся у него под рукой, и сказал несколько слов. «Это ты, Шварт? Наблюдай за Минксом. Он не должен выходить из дома без приказа».

Положив трубку на место, сэр Юстас нахмурился и начал слегка постукивать по столу пальцами.

— Можно я задам вам несколько вопросов, сэр Юстас? — спросила я после того, как мы помолчали минуту-другую.

— Разумеется. Какие у вас прекрасные нервы, Энн! Вы способны проявлять пылкий интерес ко всему, что происходит, в то время, когда большинство девушек на вашем месте хныкали бы и заламывали руки.

— Зачем вы приняли Гарри на должность вашего секретаря вместо

того, чтобы сдать его полиции?

— Мне нужны были эти проклятые алмазы. Надина, маленькая чертовка, шантажировала меня с помощью Гарри. Если я отказывался заплатить требуемую сумму, она угрожала продать их обратно ему. Тут я совершил еще одну ошибку — я считал, что она возьмет их с собой в тот день. Однако она оказалась слишком умна. Картон, ее муж, тоже был мертв — у меня не было никакого ключа к разгадке того, где спрятаны алмазы. Тогда мне удалось достать копию телеграммы, посланной Надине с борта «Килмордена» то ли Картоном, то ли Рейберном, я не знал кем из них. В телеграмме было то же, что и на клочке бумаги, который вы подняли: «Семнадцать один двадцать два». Я воспринял это как договоренность о встрече с Рейберном, и когда он так отчаянно стал стремиться попасть на «Килморден», я убедился в своей правоте. Поэтому сделал вид, что поверил его словам, и разрешил ему ехать. Я очень пристально наблюдал за ним и надеялся узнать побольше. Затем я обнаружил, что Минкс пытался действовать в одиночку и мешал мне. Вскоре я пресек его поползновения. Он мне подчинился. Было досадно не получить каюту номер 17, и меня беспокоило, что я не могу определить, кто вы такая. Невинная молодая девушка, какой казались, или нет? Когда Рейберн отправился на условленную встречу в ту ночь, Минксу было приказано остановить его. Минкс, конечно, все проворонил.

— Но почему в телеграмме говорилось «семнадцать» вместо «семидесяти одного»?

— Я продумал этот вопрос. Картон, очевидно, дал телеграфисту написанную собственной рукой записку, чтобы тот написал ее на бланке, а Картон потом так и не прочитал чистовик. Телеграфист допустил ту же ошибку, что и мы все, и воспринял текст как 17,1,22 вместо 1.71.22. Чего я не знаю, так это, каким образом Минкс добрался до каюты номер 17. Должно быть, ему помогла интуиция.

— А депеша генералу Смэтсу? Кто подменил ее?

— Моя милая Энн, вы же не думаете, что я собирался допустить гибель моих многочисленных замыслов, не попытавшись спасти их? Имея в качестве секретаря беглого убийцу, я сам без малейших колебаний подменил ее чистым листом бумаги. Никому не пришло бы в голову подозревать бедного старого Педлера.

— А как же Рейс?

— Да, это был неприятный сюрприз. Когда Пейджет рассказал мне, что Рейс — из Секретной службы, у меня мурашки по спине забегали. Я вспомнил, что он выслеживал Надину в Париже во время войны, и у меня

закралось ужасное подозрение, что он охотится за мной! С тех пор мне не нравится, как он ко мне приклеился. Он — один из тех сильных молчаливых людей, у которых всегда есть что-то про запас.

Раздался свисток. Сэр Юстас поднял трубку, послушал минуту-другую и ответил:

— Очень хорошо, я встречаюсь с ним сейчас.

— Дела, — извинился он. — Мисс Энн, позвольте показать вам вашу комнату.

Он провел меня в маленькую убогую комнатку, мальчик-кафр принес мой небольшой плоский чемодан, и сэр Юстас, как олицетворение обходительного хозяина, настоятельно предложив мне просить все, что понадобится, удалился. На умывальнике стоял бидон с горячей водой, и я стала доставать туалетные принадлежности. Меня очень удивило, что моя складная сумочка оказалась непривычно тяжелой. Я развязала стягивавшую ее тесемку и заглянула внутрь.

К своему крайнему изумлению, я вытащила маленький револьвер с перламутровой рукояткой. Его там не было, когда я уехала из Кимберли. Я осторожно осмотрела револьвер. По-видимому, он был заряжен.

Мне было приятно держать его в руках. В подобном доме такая вещь, безусловно, полезна. Однако современная одежда совершенно не приспособлена для ношения огнестрельного оружия. В конце концов, я осторожно засунула его за верхний край чулка. Револьвер ужасно выпирал, и я ежеминутно ожидала, что он выпадет и выстрелит мне в ногу, другого места для него, кажется, не было.

Глава XXXIII

Меня вызвали к сэру Юстасу в тот же день. Одиннадцатичасовой чай и солидный ланч мне подали в моей комнатке, и я почувствовала себя окрепшей для дальнейшей борьбы.

Сэр Юстас был один. Он ходил взад и вперед, и от меня не укрылось, что его глаза весело поблескивали, а сам он был полон нетерпения. В нем чувствовалось какое-то скрытое ликование. Его обращение со мной неумовимо изменилось.

— У меня есть для вас новости. Ваш молодой человек едет. Через несколько минут он будет здесь. Умерьте ваши восторги — я хочу еще кое-что сказать. Сегодня утром вы пытались обмануть меня. Я предупредил, чтобы вы проявили благоразумие и говорили правду, и до определенного момента вы так и делали. А потом сменили пластинку. Вы пытались убедить меня, что алмазы находятся у Гарри Рейберна. Тогда я принял ваше утверждение, так как оно облегчало мою задачу — заставить вас заманить сюда Гарри Рейберна. Однако, моя дорогая Энн, алмазы были у меня с тех пор, как я уехал с водопада, хотя я обнаружил это только вчера.

— Так вы знаете! — вырвалось у меня.

— Может быть, вам будет интересно услышать, что секрет выдал Пейджет. Он упорно надоедал мне длинным бессмысленным рассказом о пари и о катушке с пленкой. Скоро я все сопоставил: недоверие миссис Блейр к полковнику Рейсу, ее волнение и просьбу, чтобы я позаботился о ее сувенирах. Великолепный Пейджет от чрезмерного усердия поспешил распаковать ящики. Перед тем как покинуть гостиницу, я просто переложил все катушки с пленкой в карман. Они сейчас вон там в углу. Признаюсь, у меня еще не было времени обследовать их, однако я заметил, что один из цилиндриков совершенно отличается от остальных, в нем что-то гремит, он запечатан по-особому, чтобы его открыть, понадобится консервный ключ. Дело ясное, не так ли? А теперь, видите ли, вы оба у меня в западне... Жаль, что вы не отнеслись с пониманием к предложению стать леди Педлер.

Я ничего не ответила. Я только стояла и смотрела на него. На лестнице раздался звук шагов, дверь распахнулась, и двое мужчин ввели в комнату Гарри Рейберна. Сэр Юстас бросил на меня торжествующий взгляд.

— Все идет по плану, — спокойно сказал он. — Вам, дилетантам, придется бороться с профессионалами.

— Что это значит? — хрипло закричал Гарри.

— Это значит, что вы вступили в мою скромную обитель, — сказал паук мухе, — шутливо заметил сэр Юстас. — Мой дорогой Рейберн, вам удивительно не везет.

— Энн, ведь ты написала, что я буду в безопасности?

— Не упрекайте ее, мой дорогой. Она писала под мою диктовку, и ей ничего не оставалось. Конечно, разумнее было ничего не писать, но тогда я об этом умолчал. Вы последовали ее указаниям, пошли в лавку редкостей, были проведены через потайной ход из задней комнаты — и очутились в руках у ваших врагов.

Гарри посмотрел на меня. Я поняла его взгляд и незаметно придвинулась поближе к сэру Юстасу.

— Да, — заливался он, — вам решительно не везет! Это уже, дай Бог памяти, наша третья встреча.

— Вы правы, — отозвался Гарри. — Мы встречаемся в третий раз. Дважды вы брали верх, но разве вы никогда не слышали, что третий раз удача изменяет? Этот раунд за мной — Энн, целься в него.

Я была наготове. В мгновение ока я вытащила револьвер из чулка и приставила его к голове сэра Юстаса. Мужчины, охранявшие Гарри, бросились вперед, но его голос остановил их.

— Еще шаг — и он умрет! Если хоть немного приблизятся, Энн, нажми на курок без колебаний.

— Не стану — весело сказала я. — Что бы там ни было, мне немного страшно нажимать на него.

Полагаю, сэр Юстас разделял мои опасения. Он явно дрожал, как студень.

— Стойте на месте, — приказал он, и те двое послушно остановились.

— Отошлите их из комнаты, — сказал Гарри.

Сэр Юстас отдал приказание. Мужчины вышли один за другим, и Гарри задвинул за ними дверной засов.

— А теперь мы можем поговорить, — мрачно заметил он, и, сделав несколько шагов, взял у меня револьвер.

Сэр Юстас издал вздох облегчения и вытер платком пот со лба.

— Я в ужасном состоянии, — пожаловался он. — Должно быть, у меня слабое сердце. Я рад, что оружие в надежных руках. Я не доверил бы его мисс Энн. Что ж, мой юный друг, как вы говорите, теперь мы можем побеседовать. Должен признать, что вы опередили меня.

Откуда появился этот чертов револьвер, я не знаю. Когда она приехала, по моему распоряжению, ее багаж обыскали. Откуда же вы достали его

сейчас? Еще минуту назад его не было при вас?

— Нет, был, — ответила я. — Он был у меня в чулке.

— Я недостаточно знаю женщин. Мне следовало лучше знать их, — печально сказал сэр Юстас. — Интересно, догадался ли бы об этом Пейджет?

Гарри резко постучал по столу.

— Не валяйте дурака. Если бы не ваша седина, я вышвырнул бы вас в окно. Проклятый негодяй! Седой вы или нет, я...

Он сделал шаг вперед, и сэр Юстас проворно заскочил за стол.

— Молодые всегда вспыльчивы, — сказал он укоризненно. — Неспособные шевелить мозгами, они полагаются исключительно на мускулы. Давайте поговорим разумно. В настоящий момент превосходство за вами. Однако подобное положение дел не может продолжаться долго. Дом полон моих людей. Вас безнадежно мало. Ваше временное господство завоевано случайно...

— Неужели?

Что-то в тоне Гарри, его мрачный юмор, по-видимому, привлекло внимание Юстаса. Он уставился на Гарри.

— Неужели? — повторил Гарри. — Садитесь, сэр Юстас, и послушайте, что я скажу. — Не опуская револьвера, Гарри продолжал. — На сей раз карты против вас. Прежде всего, прислушайтесь к этому!

Гарри говорил о монотонном стуке в дверь снизу. Потом раздались крики, проклятия и стрельба. Сэр Юстас побледнел.

— Что это?

— Рейс и его люди. Вы ведь не знали, не так ли, сэр Юстас, что у Энн со мной договоренность, по которой мы должны были узнавать, подлинны ли наши сообщения друг другу? Телеграммы подписывались «Энди», письма должны были где-то в тексте содержать зачеркнутое «и» Энн знала, что ваша телеграмма — фальшивка. Она приехала сюда по своей воле, нарочно шла в западню в надежде что ей удастся поймать вас в вашу собственную ловушку. Перед отъездом из Кимберли она телеграфировала мне и Рейсу. Миссис Блейр поддерживала с нами постоянную связь. Я получил написанное под вашу диктовку письмо, содержание которого в точности соответствовало тому, чего я ждал. Я еще раньше обсудил с Рейсом вероятность того, что меня поведут через потайной ход из лавки редкостей, и Рейс обнаружил место, куда он ведет.

Раздался ревущий бешеный звук, и сильный взрыв потряс комнату.

— Они обстреливают эту часть города. Я должен вывести вас отсюда, Энн.

Вспыхнул яркий свет. Дом напротив был в огне. Сэр Юстас встал и принялся ходить взад и вперед. Гарри держал его под прицелом.

— Так что вы понимаете, сэр Юстас, что ваше дело проиграно. Вы сами столь любезно преподнесли нам ключ от вашего убежища. Люди Рейса держали под наблюдением потайной ход. Несмотря на принятые вами предосторожности, им удалось проследить меня до этого дома.

Сэр Юстас внезапно повернулся к нам.

— Очень умно. Заслуживает большого доверия. Но и мне есть, что сказать. Если моя хитрость не удалась, то и ваша тоже. Вы никогда не сможете уличить меня в убийстве Надины. Я находился в Марлоу в тот день, это все, что у вас есть против меня. Никто даже не может доказать, что я вообще знал эту женщину. Но вы знали ее, у вас был повод для ее убийства, и ваше прошлое говорит против вас. Вы вор, не забудьте, вор. Еще одного, вы, наверное, не знаете. Алмазы у меня. Ия их...

Он невероятно быстро нагнулся, взмахнул рукой и что-то бросил. Зазвенело разбитое стекло, и брошенный предмет вылетел из окна и исчез в ярком пламени горевшего напротив дома.

— Вот ваша единственная надежда доказать свою непричастность к преступлению в Кимберли. А теперь мы поговорим. Я заключу с вами сделку. Вы загнали меня в угол. Рейс найдет в этом доме все, что ему нужно. Но у мене есть шанс, если я сумею отсюда выбраться. Если я останусь, со мной покончено, но и с вами тоже, молодой человек! В соседней комнате застекленная крыша. Пары минут мне хватит. У меня есть один — два готовых варианта. Вы выпускаете меня этим путем и даете мне уйти, а я оставляю вам письменное признание в том, что убил Надину.

— Да, Гарри, — вскричала я. — Да, да, да!

Он сурово посмотрел на меня.

— Нет, Энн, тысячу раз нет. Ты не знаешь, что говоришь.

— Я знаю. Это решает все.

— Я никогда не смогу снова посмотреть Рейсу в глаза. Пусть я рискую, но, черт меня возьми, если дам уйти этому хитрому старому лису. Бесплезно, Энн. Я так не поступлю.

Сэр Юстас хихикнул. Он принял свое поражение без малейших эмоций.

— Что ж, — заметил он. — Вы, кажется, встретили своего господина, Энн. Но могу уверить вас обоих, что высокая нравственность не всегда окупается.

Раздались треск ломаемого дерева и шаги людей на лестнице. Гарри отодвинул засов. Первым в комнату вошел полковник Рейс. При виде нас

его лицо просияло.

— Вы в порядке, Энн, я боялся... — он повернулся к сэру Юстасу. — Я долго охотился за вами, — и, наконец, поймал вас.

— Похоже, будто все совершенно сошли с ума, — беззаботно заявил сэр Юстас. — Эти молодые люди угрожали мне револьверами и обвиняли меня во всех смертных грехах. Я не понимаю, что вы имеете в виду.

— Не понимаете? Я хочу сказать, что нашел «полковника», что 8-го января вы были не в Канне, а в Марлоу. Что, когда ваше оружие, мадам Надина, повернулось против вас, вы решили избавиться от нее, — и, наконец, мы сможем уличить вас в этом преступлении.

— В самом деле? И от кого же вы получили всю столь интересную информацию? От человека, еще и сейчас разыскиваемого полицией? Его свидетельство будет очень ценным.

— У нас имеется другое свидетельство. Есть еще один человек, знавший, что Надина собиралась встретиться с вами в Милл-Хаусе.

На лице сэра Юстаса было написано изумление. Полковник Рейс сделал жест рукой. Артур Минкс, он же преподобный Эдвард Чичестер, он же мисс Петтигрю, выступил вперед. Он был бледен, нервничал, но говорил достаточно ясно:

— Я встречался с Надиной в Париже вечером накануне ее отъезда в Англию. В то время я выступал в обличье русского графа. Она рассказала мне о цели своей поездки. Я предупредил ее, зная, с каким человеком ей придется иметь дело, но она не послушалась моего совета. На столике лежала телеграмма. Я прочел ее. Потом я решил, что смогу сам попытаться счастья с алмазами. В Йоханнесбурге мистер Рейберн обратился ко мне и убедил меня перейти на его сторону.

Сэр Юстас посмотрел на него. Он ничего не сказал, но Минкс на глазах увял.

— Крысы всегда бегут с тонущего корабля, — заметил сэр Юстас. — Я не люблю крыс. Раньше или позже я уничтожаю паразитов.

— Я хотела бы сказать вам только одно, сэр Юстас, — вступила я. — В той коробочке, что вы выбросили из окна, не было алмазов. В ней были обыкновенные камешки. Алмазы находятся в абсолютно надежном месте. На самом деле они в животе большого жирафа. Сьюзен выдолбила в нем отверстие, засунула внутрь алмазы, завернутые в вату, чтобы они не гремели, и снова заделала дыру.

Сэр Юстас некоторое время смотрел на меня. Его ответ был характерным:

— Я всегда ненавидел этого проклятого жирафа, — сказал он. —

Должно быть, это интуиция.

Глава XXXIV

В тот вечер мы не смогли вернуться в Йоханнесбург. Канонада усилилась, и я сообразила, что мы отрезаны от города, так как мятежники уже заняли позиции в предместьях.

Мы нашли убежище на ферме милях в двадцати от Йоханнесбурга прямо в вельде. Я падала от усталости. Все волнения и тревоги двух последних дней совершенно вымотали меня.

Я все повторяла себе, не в состоянии поверить в это, что наши беды действительно позади. Гарри и я вместе, и мы больше никогда не расстанемся. И все же я постоянно ощущала какую-то преграду между нами — его скованность, причину которой не могла найти.

Сэра Юстаса увезли в противоположном направлении в сопровождении усиленной охраны. Он беззаботно помахал нам рукой на прощание.

На следующий день рано утром я вышла на веранду и посмотрела в сторону Йоханнесбурга. Оттуда доносились грохочущие раскаты взрывов. Мятеж еще не закончился.

Жена фермера позвала меня к завтраку. Она относилась ко мне с материнской добротой, и я успела очень привязаться к ней. Гарри ушел на рассвете и еще не возвращался, сообщила она. Снова я почувствовала, как в душе шевельнулось беспокойство. Что за тень пробежала между нами?

После завтрака я уселась на веранде с книгой, но читать не могла. Я была так погружена в собственные мысли, что почти не заметила, как на лошади подъехал полковник Рейс и спешил. Я увидела его только после того, как он пожелал мне доброго утра.

— О, — сказала я, вспыхнув, — это вы.

— Да. Мне можно сесть?

Он пододвинул кресло поближе ко мне. После поездки в Матопос мы впервые остались вдвоем. Я ощутила странное чувство восхищения и страха, которое он неизменно внушал мне.

— Какие новости? — спросила я.

— Смэтс прибудет в Йоханнесбург завтра. Крах восстания предрешен, но даю ему еще три дня. В настоящий момент сражение продолжается.

— Хорошо бы, — сказала я, — если бы существовала уверенность, что погибнут именно те, кто хотел воевать, а не бедняги, которые живут в районах, где идут схватки.

Он кивнул.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, Энн. Такова несправедливость войны. Но у меня есть для вас другие новости.

— Да?

— Я вынужден сознаться в собственной некомпетентности. Педлеру удалось бежать.

— Что?!

— Да. Никто не знает, как он ухитрился. На ночь его надежно заперли в верхней комнате на одной ферме в районе, занятом правительственными войсками, а сегодня утром комната оказалась пуста, и птичка улетела.

В глубине души я была довольна. Никогда, вплоть до сегодняшнего дня, я не могла избавиться от необъяснимой симпатии к сэру Юстасу. Полагаю, мое чувство достойно порицания, но уж что есть, то есть. Я восхищалась им. Он был, можно сказать, отъявленным негодяем, но славным человеком. После него я не встречала никого столь забавного.

Разумеется, я скрыла свои чувства. Полковник Рейс, естественно, воспринимал происшедшее совершенно иначе. Он хотел, чтобы сэр Юстас предстал перед правосудием. Если задуматься, в его бегстве не было ничего удивительного. Вокруг Йоханнесбурга у него, должно быть, было бесчисленное множество шпионов и агентов. И что бы там ни считал полковник Рейс, я очень сомневалась, что сэр Юстас когда-нибудь будет пойман. Вероятно, у него были тщательно разработаны пути к отступлению. Фактически он нам и сам так сказал.

Я отреагировала соответствующим образом, хотя и довольно вяло, и наш разговор зачах. Потом полковник Рейс вдруг спросил о Гарри. Я сказала, что он ушел на рассвете, и утром я его еще не видела.

— Вы ведь понимаете, Энн, не так ли, что, не считая некоторых формальностей, он полностью оправдан? Разумеется, есть еще технические детали, но вина сэра Юстаса практически доказана. Сейчас ничто не мешает вам и Гарри соединиться.

Он произнес это медленно, дрожащим голосом, не глядя на меня.

— Я понимаю, — сказала я благодарно.

— И у него есть все основания немедленно вернуть себе подлинное имя.

— Да, да, конечно.

— Вам известно его настоящее имя?

Вопрос удивил меня.

— Конечно. Гарри Лукас.

Он не ответил, но что-то в его молчании привлекло мое внимание.

— Энн, помните, по дороге из Матопоса в тот день я сказал, что знаю, что мне делать?

— Конечно, помню.

— Думаю, теперь я имею право сказать, что сделал это. Человек, которого вы любите, вне подозрений.

— Так вот, что вы имели в виду?

— Безусловно.

Я опустила голову, стыдясь того беспочвенного подозрения, которое владело мной. Он снова заговорил, как бы размышляя вслух:

— Когда я был совсем юношей, я любил девушку, которая увлекла меня и обманула. После этого я думал только о работе. Моя карьера значила для меня все. И тогда я встретил вас, Энн, и все мои прежние интересы показались мне ничего не стоящими. Но молодых привлекают молодые... У меня еще остается моя работа.

Я молчала. Наверное, в жизни нельзя любить сразу двоих, но можно чувствовать нечто подобное. Обаяние этого человека было очень велико. Внезапно я подняла на него глаза.

— Полагаю, вы очень далеко пойдете, — сказала я мечтательно. — Впереди у вас головокружительная карьера. Вы станете одним из самых выдающихся людей в мире.

Мне казалось, будто я читаю проповедь.

— Зато я буду одинок.

— Все люди, совершающие по-настоящему большие дела, одиноки.

— Вы так думаете?

— Я уверена.

Он взял меня за руку и тихонько сказал:

— Я бы предпочел... другое.

И тут появился Гарри. Полковник Рейс встал.

— Доброе утро, Лукас, — сказал он.

По какой-то причине Гарри покраснел до корней волос.

— Да, — весело сказала я, — теперь тебя должны знать под твоим именем.

Но Гарри все еще смотрел на полковника Рейса.

— Так вы знаете, сэр, — наконец сказал он.

— Я не забыл ваше лицо. Я видел вас один раз еще мальчиком.

— Что все это значит? — озадаченно спросила я, переводя взгляд с одного на другого.

Между ними как бы шла схватка характеров. Рейс победил. Гарри немного отвернулся в сторону.

— Наверное, вы правы, сэр. Назовите Энн мое настоящее имя.

— Энн, это не Гарри Лукас. Гарри Лукас погиб на войне. Перед вами Джон Гарольд Ирдсли.

Глава XXXV

С последними словами полковник Рейс резко повернулся и вышел. Я стояла и пристально смотрела ему вслед. Голос Гарри вернул меня к действительности.

— Энн, прости меня, скажи, что ты прощаешь меня.

Он взял меня за руку, и почти механически я отняла ее.

— Почему ты обманул меня?

— Не знаю, удастся ли мне объяснить, чтобы ты поняла. Я боялся таких вещей, как власть и притягательная сила богатства. Я хотел, чтобы ты любила меня просто ради меня самого — ради человека без всяких прикрас.

— Ты хочешь сказать, что не доверял мне?

— Можно и так выразиться, если тебе нравится, но это не совсем верно. Я стал озлобленным, подозрительным, склонным постоянно искать низменные побуждения, и было так чудесно почувствовать, что меня полюбили так, как меня любила ты.

— Понимаю, — сказала я медленно.

Я вновь мысленно повторила историю его жизни. Впервые я заметила несоответствия в его рассказе, которые прежде ускользнули от моего внимания — материальная обеспеченность, возможность выкупить алмазы у Надины, то, как он предпочел говорить об обоих молодых людях с точки зрения постороннего. И когда он говорил «мой друг», он имел в виду не Иртли, а Лукаса. Именно Лукас, скромный парень, так глубоко любил Надину.

— Как это произошло? — спросила я.

— Мы оба были безрассудны — искали смерти. Однажды ночью мы обменялись личными знаками — на счастье! На следующий день Лукас был убит — его разорвало на куски.

Я содрогнулась.

— Но почему ты не сказал мне теперь? Сегодня утром? Ведь не мог же ты сомневаться в моей любви?

— Энн, я не хотел все испортить. Я хотел увезти тебя обратно на остров. Что толку в деньгах? На них нельзя купить счастье. А на острове мы были счастливы. Говорю тебе, я боюсь этой другой жизни — один раз она уже почти погубила меня.

— А сэр Юстас знал, кто ты на самом деле?

— О, да.

— А Картон?

— Нет. Он видел нас обоих и Надину в Кимберли как-то вечером, но он не знал, кто был кто. Он не усомнился, когда я назвался Лукасом, а Надину ввела в заблуждение его телеграмма. Она никогда не боялась Лукаса. Он был спокойный и очень серьезный. А я всегда обладал дьявольским темпераментом. Она была бы напугана до смерти, если бы узнала, что я воскрес.

— Гарри, если бы полковник Рейс ничего не сказал, что бы ты сделал?

— Промолчал, остался бы Лукасом.

— А как же миллионы твоего отца?

— Пусть они достались бы Рейсу. В любом случае он нашел бы им лучшее применение, чем я. Энн, о чем ты думаешь? Ты так хмуришься.

— Я думаю, — сказала я медленно, — что почти жалею, что полковник Рейс заставил тебя открыться.

— Нет. Он был прав. Я должен был сказать тебе правду.

Он молчал, а потом вдруг сказал:

— Знаешь, Энн, я ревную тебя к Рейсу. Он тоже влюблен в тебя, и он значительнее меня, я никогда таким не буду.

Я повернулась к нему, смеясь.

— Гарри, ты — дурачок. Мне нужен только ты — остальное не имеет значения.

При первой возможности мы отправились в Кейптаун. Там меня приветствовала Сьюзен, и мы вместе распотрошили большого жирафа. Когда восстание было окончательно подавлено, полковник Рейс приехал в Кейптаун, и, по его предложению, снова открыли большую виллу, принадлежавшую сэру Лоуренсу Ирдсли, и мы все поселились в ней.

Там мы строили планы. Я должна была вернуться в Англию вместе с Сьюзен, и меня должны были выдать замуж из ее лондонского дома. А приданое полагалось купить в Париже! Сьюзен получила огромное удовольствие, обсуждая все эти детали. И я тоже. Тем не менее будущее казалось до странности нереальным. И иногда, не знаю почему, я совершенно задыхалась — как будто мне не хватало воздуха.

Это произошло в ночь перед отплытием. Я не могла уснуть. Я чувствовала себя несчастной, не понимая почему. Я ни за что не хотела покидать Африку. Когда я вернусь, будет ли она такой же? Будет ли она когда-нибудь снова такой?

И тут я вздрогнула от властного стука в ставень. Я вскочила. На веранде ждал Гарри.

— Надень на себя что-нибудь, Энн, и выйди. Мне нужно поговорить с тобой.

Кое-как натянув на себя одежду, я вышла на воздух. Я почувствовала бархатное прикосновение прохладной ночи, тихой и наполненной благоуханием. Гарри сделал мне знак рукой, чтобы мы отошли от дома за пределы слышимости. Его лицо было бледным и выражало решимость, глаза сверкали.

— Энн, помнишь, ты однажды сказала мне, что женщинам нравится делать то, что они не любят, ради тех, кого они любят?

— Да, — ответила я, недоумеваю, что последует дальше.

Он заключил меня в объятия.

— Энн, уйдем отсюда вместе, сейчас, этой ночью. Вернемся в Родезию — на наш остров. Я не в состоянии выносить всю эту чепуху. Я не могу больше ждать, когда ты станешь моей.

На минуту я отключилась.

— А как же мои французские платья? — притворно посетовала я.

До сих пор Гарри не понимает, когда я говорю серьезно, а когда только поддразниваю его.

— Черт бы побрал твои французские платья. Ты думаешь, я хочу облачить тебя в них? Я более склонен сорвать их с тебя. Я не собираюсь отпускать тебя, слышишь? Ты — моя. Если я дам тебе уехать, я могу потерять тебя. Я никогда не бываю уверен в тебе. Ты уедешь сегодня со мной, прямо сейчас, и к черту всех.

Он прижал меня к себе и целовал, отчего я чуть не задохнулась.

— Я больше не могу без тебя, Энн. Правда не могу. Я ненавижу деньги. Пусть они достанутся Рейсу. Живей! Пошли!

— А моя зубная щетка? — выдвинула я последнее возражение.

— Ты купишь себе другую. Знаю, что я сумасшедший, но ради Бога, идем!

Он сорвался с места. Я последовала за ним, кроткая, как женщина из племени бартосе, которую я видела у водопада. Только на голове у меня не было сковородки. Он шел быстро, было очень трудно поспевать за ним.

— Гарри, — наконец сказала я смиренно, — мы что, пойдем в Родезию пешком?

Он вдруг обернулся и с хохотом заключил меня в объятия.

— Я безумный, моя дорогая, я знаю. Но я так люблю тебя.

— Мы — пара сумасшедших. И, Гарри, ты меня даже не спросил, но я вовсе не приношу себя в жертву! Я хотела уйти!

Глава XXXVI

Это было два года назад. Мы все еще живем на острове. Передо мной на грубо сколоченном деревянном столе лежит письмо от Сьюзен.

«Дорогие простаки — милые влюбленные, сумасшедшие!

Я совсем не удивлена. Все время, пока мы обсуждали платья из Парижа, я чувствовала, что это все совершенно нереально, что однажды вы исчезнете, чтобы пожениться в добром старом цыганском духе. Но вы действительно пара сумасшедших! Мысль отказаться от огромного состояния абсурдна. Полковник Рейс хотел спорить, но я убедила его, что время все расставит на свои места. Он пока может вести дела от имени Гарри и больше ничего. Ведь, в конце концов, медовый месяц не продолжается вечно. Вас нет рядом со мной, Энн, поэтому не опасаясь, что вы налетите на меня, как маленькая дикая кошка, я могу сказать: «Любовь в глуши будет длиться долго, но в один прекрасный день вы вдруг начнете мечтать о домах на Парк-Лейн, роскошных мехах, парижских платьях, о самом огромном автомобиле и последней модели детской коляски, французских горничных и норлендских медсестрах! О, да, так будет!»

А пока наслаждайтесь вашим медовым месяцем, дорогие безумцы, и пусть он будет долгим-долгим. И думайте иногда обо мне, покрывающейся жирком в довольстве среди материального благополучия!

Ваш любящий друг, Сьюзен Блейр.

P. S. Посылаю вам набор сковородок в качестве свадебного подарка и огромную банку печеночного паштета, чтобы вы не забывали обо мне».

Иногда я перечитываю другое письмо. Оно пришло много времени спустя после первого вместе с объемистым пакетом. По-видимому, оно было отправлено откуда-то из Боливии.

«Моя дорогая Энн Беддингфелд!

Не могу устоять против искушения послать вам письмо не столько ради удовольствия писать его, сколько ради огромного наслаждения, которое, я знаю, вы испытаете, получив его. Наш друг Рейс оказался совсем не таким умным, каким представлялся, не так ли?

Я думаю назначить вас своим литературным душеприказчиком. Посылаю вам свой дневник. В нем нет ничего, что заинтересовало бы

Рейса и его команду, но я полагаю, что там есть места, которые могут позабавить вас. Используйте его, как захотите. Я предлагаю вам написать статью для «Дейли баджет» — «Преступники, которых я встречала». Только с одним условием — я буду центральной фигурой.

Я не сомневаюсь, что к настоящему моменту вы уже не Энн Беддингфелд, а леди Ирдсли, царящая на Парк-Лейн. Хотелось бы только сказать, что я ничего не таю против вас. Разумеется, трудно начинать все сначала в моем возрасте, но, между нами, на такой случай у меня был предусмотрительно отложен небольшой резервный фонд. Он очень пригодился, и я подбираю небольшую милую компанию. Между прочим, если вы когда-нибудь случайно встретитесь с нашим забавным другом Артуром Минксом, скажите ему только, что я не забыл его, хорошо? Это будет для него неприятным сюрпризом.

В целом я считаю, что проявил в высшей степени дух христианства и всепрощения. Даже по отношению к Пейджету. Я случайно узнал, что он, или вернее миссис Пейджет, на днях произвела на свет шестого ребенка. Скоро Англия будет населена одними Пейджетами. Я послал ребенку серебряный кубок и открытку, в которой выразил готовность быть крестным отцом. Представляю себе, как Пейджет понесет кубок и открытку прямо в Скотленд-Ярд без малейшей улыбки на лице!

Благословляю вас, светлые глазки. Наступит день, когда вы поймете, какую ошибку совершили, не выйдя за меня замуж.

Всегда Ваш, Юстас Педлер».

Гарри был в ярости. Это единственное, в чем мы не сходимся. Для него сэр Юстас — человек, пытавшийся убить меня, человек, ответственный за смерть друга. Покушения сэра Юстаса на мою жизнь всегда озадачивали меня. Они, так сказать не вписываются в общую картину. Ибо, я уверена, что он всегда испытывал ко мне неподдельно добрые чувства.

Тогда, почему же он дважды пытался убить меня?

Гарри говорит: «Потому что он проклятый негодяй», — и, по-видимому, думает, что вопрос исчерпан. Сьюзен про явила большое умение разбираться в людях. Я разговаривала с ней, она приписывает это «комплексу страха». Сьюзен немного увлекается психоанализом. Она указала мне, что вся жизнь Юстаса определялась стремлением к безопасности и комфорту. Он обладал обостренным чувством самосохранения. А убийство Надины сняло определенные запреты. Его действия не выражали его чувства ко мне, а являлись результатом

всепоглощающего страха за собственную безопасность. Думаю, Сьюзен права. Что касается Надины, то она была из тех женщин, которые заслуживают смерти. Мужчины идут на сомнительные предприятия, чтобы разбогатеть, но женщины не должны из низменных побуждений притворяться, что они влюблены, когда на самом деле не любят.

Я могу достаточно легко простить сэра Юстаса, но никогда не прощу Надину. Никогда, никогда, никогда!

На днях я распаковывала кое-какие банки, завернутые в обрывки старого номера «Дейли баджет», и вдруг наткнулась на слова «человек в коричневом костюме». Как много времени, кажется, прошло с тех пор! Разумеется, я давно порвала связи с «Дейли баджет» — я покончила с ней скорее, чем она разделалась со мной. Моя «романтическая свадьба» получила широкую огласку.

Мой сын лежит на солнце, дрыгая ножками, вот «человек в коричневом костюме», если вам угодно. На нем почти ничего не надето — лучший костюм для Африки, он коричневый, как шоколадка, и постоянно копается в земле. Наверное, пойдет по стопам моего отца. У него будет та же страсть к плейстоценской глине.

Когда он родился, Сьюзен прислала мне телеграмму:

«Поздравления и любовь по случаю появления новорожденного на Острове Безумцев. Он долихоцефальный^[19] или брахицефальный^[20]?»

Я не собиралась терпеть такое от Сьюзен. Я послала ей ответ из одного слова, лаконичный и к месту:

«Плоскоголовая!»

1

По-английски «касл» означает «замок».

Премьер-министр Южно-Африканского Союза в 1919—1924 гг.

Игра, в которой толкают деревянные или металлические диски по размеченной поверхности

4

Растительная смола, используемая в медицине.

5

12 часов.

Принятое в итальянском языке наименование 16 века.

Пролив между островом Уайт и основной частью Великобритании.

8

собор (*um.*)

любовная записка (фр.)

Смесь английского и малайского языков, распространенная на островах Океании в качестве торгового языка.

Веранда перед домом.

Гавайский танец.

Водопад Виктория на реке Замбези.

Человек, сопровождающий влюбленных для приличия, третье лицо.

Существо, из которого варится поддельный черепаховый суп (перевод В. Сирина — В. Набокова).

16

очень сильно (*ит.*)

Городок под Виндзором, где проходят ежегодные скачки, являющиеся важным событием в жизни английской аристократии.

Лондонский эстрадный театр.

Длинноголовый.

Круглоголовый.